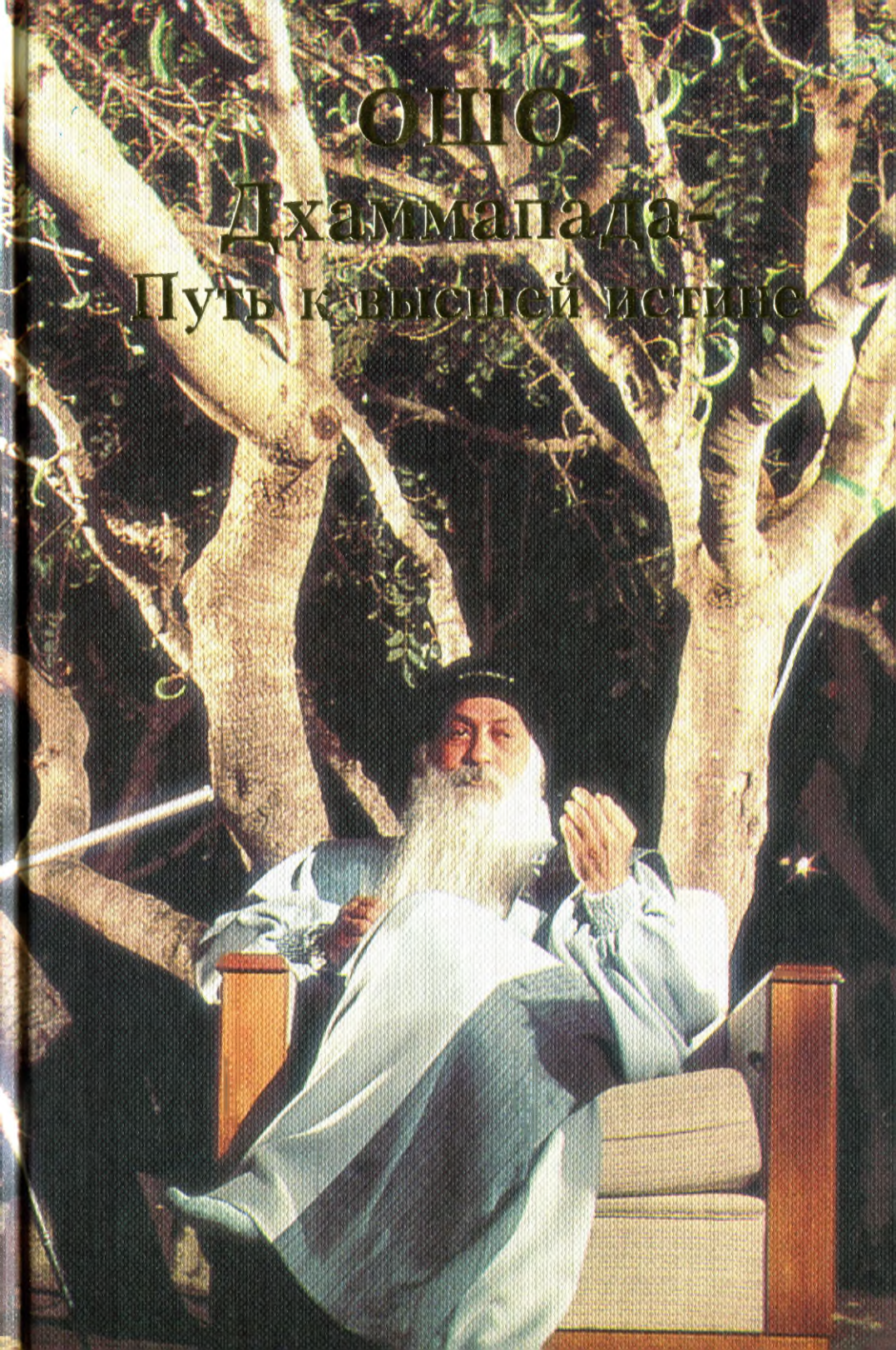

ОШО

Дхаммапада-

Путь к высшей истине

ББК 84,5 Ид
096

Ошо
096 Дхаммапада: Путь к высшей истине. Том 6.
ИПА «Три Л». 304 с.

ISBN 5-7135-0046-37.

Ошо, просветленный индийский мистик, в беседах со своими учениками переводит на язык современности послание Дхаммапады, сборника *сутр* Гаутамы Будды. Эта книга является пятым томом одноименной серии бесед.

«...*Сутра* означает существенное утверждение, без рассуждения, без объяснения, без украшений — лишь простая обнаженная суть. Они должны были быть сжатыми, как телеграмма, чтобы люди могли помнить их веками... Это было необходимым в те дни, когда книгопечатание еще не возникло. ...Вот что я делаю здесь: расшифровываю для вас эти *сутры*».

«Счастье представляет угрозу, а несчастье безопасно; безопасно для эго. Эго может существовать лишь в страдании и через страдание. Эго это остров, окруженный адом; счастье угрожает эго, самому существованию эго. Счастье поднимается как солнце, и эго исчезает, испаряется, как капли росы на листе.»

© The Dhammapada.
© Osho International Foundation 1991
© Московский медитационный центр Ошо “Нирвана”,
перевод 1998 г.

04030300 — 022 без объявления
7П6(03) — 96

ISBN 5-71-35-0046-37

ББК 84,5 Ид

Дхаммапада

Путь к высшей истине

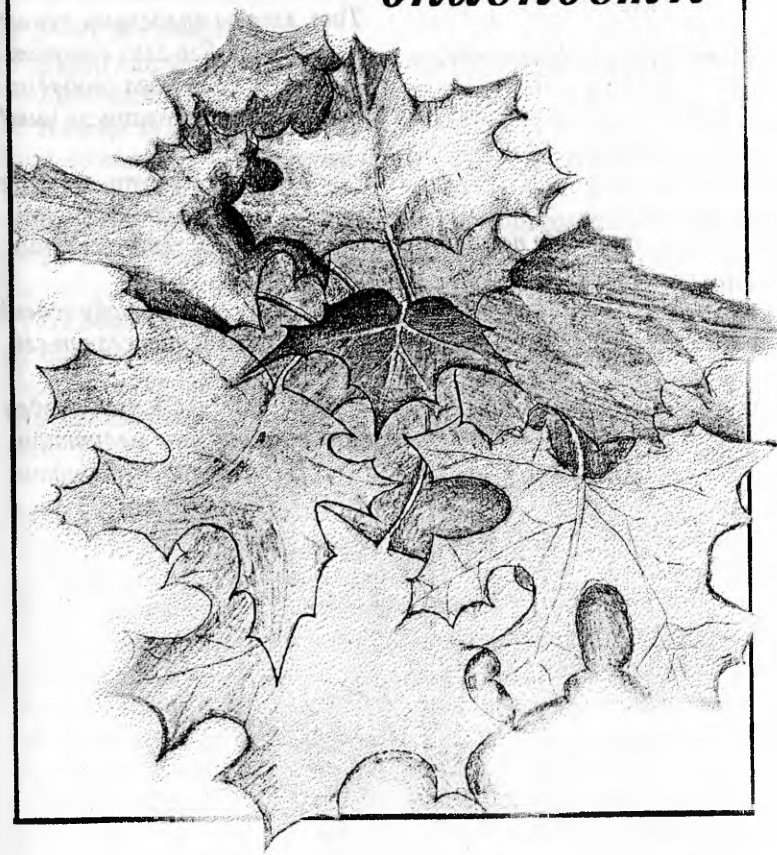
Беседы были проведены
в Аудитории Гаутамы Будды, Пуна, Индия,
с 21 по 30 октября 1979 года

Содержание:

Глава 1.	Безопасность опасности	7
Глава 2.	Многие призваны... ..	39
Глава 3.	Раб в собственном доме	65
Глава 4.	И это пройдет	93
Глава 5.	Живи в радости	119
Глава 6.	Обратно пути нет.....	151
Глава 7.	Забывание — единственный грех....	179
Глава 8.	Все возможно.....	213
Глава 9.	Ум — мошенник.....	239
Глава 10.	Счастье: смерть это.....	273

Глава 1

Безопасность опасности

Он пробужден.
Победа — за ним.
Он завоевал мир.

Как может сбиться с пути
Тот, кто за пределами пути?
Его глаз открыт.
Его нога свободна.
Кто может следовать за ним?

Миру не вернуть его себе
И не сбить с пути.
Не поймать его и отравленной сети желания.

Он пробужден!
Боги оберегают его.

Он пробужден
И находит радость в тишине медитации,
В сладости самоотдачи.

Трудно родиться,
Трудно жить,
Еще труднее услышать о пути,
Трудно встать, последовать и проснуться.

И все же учение просто:
Делай то, что правильно.
Будь чист.
В конце пути — свобода.
А до тех пор — терпение.

Если ты ранишь или причиняешь горе другому,
Ты не научился непривязанности.

Не обижай ни словом, ни действием.
Ешь умеренно.
Живи в сердце.
Ищи высшего сознания.

Сегодня Гаутама Будда говорит о самом существе состояния будды: о его высоте и глубине, о славе и милосердии, о поразительной свободе, которую оно приносит, о свете, который оно изливает, о любви, о радости, о блаженстве, о пробуждении.

Эти сутры редки — редчайшие из редких, потому что Будда открывает тебе свое сердце. Он приглашает тебя быть гостем в его святая святых. В простых словах он раскрывает аромат, который случился с ним и который может случиться с тобой — потому что каждый человек рождается, чтобы быть буддой.

Пока человек не стал буддой, он не жил и не узнал, что такое жизнь. Конечно, ему снились сны, — сны о тысяче и одной вещи — но он спал. Не имеет значения, снятся ли тебе красивые или безобразные сны. Когда придет утро просветления, все эти сны, хорошие и плохие, сладкие и горькие, хорошие и кошмарные, будут познаны как ложь, иллюзия. Они были самообманом, а способность человека к самообману огромна. Остерегайся! Человеку может присниться даже, что он пробужден, ему может присниться, что он стал буддой. Это последний трюк, который может с тобой сыграть ум.

Это случилось в Багдаде. К халифу привели одного человека, который объявил себя новым посланцем бога. Халиф был разгневан, раздражен, и он сказал:

— Наверное, ты сумасшедший, потому что Мухаммед последний посланец бога, и никого больше не будет. Послание содержится в Коране. Да, до Мухаммеда были и другие послания, но все эти послания частичны, потому что человек был не готов и не зрел. Мухаммед принес полное послание; теперь в мире больше не будет никакого другого посланца. Приди в себя, иначе тебе придется плохо!

Этого человека на семь дней посадили в тюрьму и стали мучить, бить, морить голодом. Через семь дней пришел халиф. Этот человек, весь в синяках и ранах, был привязан к столбу. Халиф сказал:

— Наверное, ты уже пришел в себя. Что ты скажешь теперь? Человек рассмеялся и ответил:

— Все эти мучения и все то страдание, которое мне причинили, просто доказывает, что я действительно посланец бога, потому что, прежде чем послать меня, он предупредил меня: «Моих посланцев всегда мучают». А я сомневался: «Зачем людям мучить меня, если я настоящий посланец?» Ты это доказал! Бог был прав, не нужно было сомневаться.

Халиф был в растерянности — что сказать этому сумасшедшему? Но вдруг человек, привязанный к другому столбу, истерически засмеялся. Халиф спросил его, почему он смеется.

— Это самозванец! Я — сам бог, и я никогда не посылал в мир этого человека!

Второй человек был заключен в тюрьму месяцем раньше, потому что он объявлял себя самим богом.

Мусульмане очень фанатичны; они этого не допустят — даже если иногда это правда. Когда Аль-Хилладж Мансур объявил: «Ана'ль хаг! — Я сам Бог!», это было правдой, ему это не приснилось. Но он был распят. Когда Самрад, другой суфийский мистик, объявил себя Богом, ему отрубили голову. А этим людям не снились сны. Но снаружи очень тяжело определить, кому снится сон, кто сошел с ума, кто воображает, а кто провозглашает истину. Иногда спящий верит в свой сон и верит абсолютно, поэтому вера ничего не доказывает. Это может быть просто путешествием эго.

Это последний трюк, который может сыграть с тобой ум: «О чем беспокоиться? Ты — Будда!» Я хочу, чтобы вы это осознавали, потому что это случится со многими. Люди могут поверить во что угодно.

Только вчера один человек написал мне письмо: «Я хочу стать саньясином, но я немного боюсь, потому что я знаю, что я Иуда, и я окажусь Иудой по отношению к тебе». Человек может поверить в то, что он Христос, человек может поверить в то, что он Иуда. И, наверное, он действительно глубоко верит в это.

Я написал ему в ответ: «Ты можешь стать саньясином. У меня уже есть много Иуд, это не будет иметь большого значения. Я буду рад еще одному!» У Иисуса был только один Иуда; у меня их много, и чем больше, тем лучше — один

может оказаться опаснее. Если у тебя есть много Иуд, им придется соревноваться друг с другом. На это будет уходить вся их энергия. Они будут бороться друг с другом; сначала они будут предавать друг друга. Иуда мог предать Иисуса, потому что у того было только двенадцать учеников; у меня сто тысяч учеников.

Я не могу слишком заботиться о том, кто Иуда, а кто нет; к тому же, это и не нужно, потому что все, что происходит, происходит по воле божественного. Если понадобится Иуда, он придет, и все будет так, как хочет божественное. Но твой ум может играть с тобой трюки. Ты не можешь быть просто никем — если ты не можешь быть Христом, будь, по крайней мере, Иудой. Ты не можешь принять факт анонимности.

А это самое фундаментальное, основное требование, чтобы войти в мир религии: признать самого себя анонимным, как будто у тебя нет ни формы, ни имени, ни тождественности. Тогда ум не может тебя обмануть. Ум не может увлечь тебя никакой идеей, никакой фантазией.

Будда говорит о том, что происходит, когда человек становится пробужденным. Обычно он спит, все люди спят. Безотносительно к их религии, нации, расе они сходятся в одном: все они крепко спят — им снятся разные сновидения, но их состояние сна одно и то же. Разница в сновидениях не вносит качественной разницы в сон. Одному снятся христианские сны, другому — еврейские сны, третьему — индуистские сны, и так далее, и тому подобное, но сны не меняют твоего сознания. Фактически, они являются препятствием.

Сон должен быть разрушен, сон должен быть разбит; иначе ты не знаешь, кто ты, ты не знаешь, что ты делаешь. Ты не знаешь, откуда ты пришел, ты не знаешь, куда ты уйдешь. Ты не знаешь, что ты говоришь и что ты делаешь с собой и с другими. Ты случаен. Ты похож на бревно, плывущее по реке, отданное на милость слепым ветрам — у него нет точки назначения. Тебя прибывает ветром то к одному, то к другому берегу, но ты не хозяин своему существу. Ты — раб, раб слепых сил.

Первое, что нужно сделать, это выйти из своего сна.

Будда говорит... первая сутра:

Он пробужден.

Он определяет состояние будды — можешь назвать это состоянием Христа; это одно и то же. Будда и Христос синонимичны.

Он пробужден. Это самое существенное качество: он больше не спит, он больше не видит снов. У него нет ни мыслей, ни воспоминаний, ни фантазий. Он совершенно молчалив и осознан. Его молчание не мертво, не холодно; его молчание полно бодрствования, тепла, жизни.

Он пробужден: а ты — нет, ты полон мусора. Пока ты не очистишься от всего этого мусора, ты не проснешься. Ты продолжаешь делать одно и то же снова и снова, ты продолжаешь повторяться. Ты движешься по кругу, никогда не замечая, что действуешь как робот, как машина.

В легенде говорится, что в древние времена в Риме один офицер, отправляясь на войну, надел на свою молодую красивую жену пояс девственности и отдал ключ своему лучшему другу со словами:

— Если я не вернусь через год, воспользуйся этим ключом. Я доверяю его тебе, мой дорогой друг.

Затем он ускакал на войну. Проехав десять миль, он услышал позади стук копыт и остановился. Его друг догнал его:

— Ты дал мне не тот ключ!

Человек так глубоко бессознателен!

В баре двое пьяных заговорили о сексе.

— Скажи, — спросил один, — напивался ли ты когда-нибудь настолько, чтобы поцеловать у женщины пупок?

— Еще сильнее!

Просто наблюдай свою жизнь, и ты абсолютно согласишься с ним: «еще сильнее!» Что ты делал? Можешь ли ты сказать, что ты прожил свою жизнь с осознанностью? Можешь ли ты сказать, что твои действия имеют качество осознанности? Кто-то оскорбляет тебя: откликаешься ли ты или реаги-

руешь? Если ты реагируешь, ты спишь; если ты откликаешься, ты пробужден.

В чем разница между реакцией и откликом? — разница огромна.

Однажды несколько человек стали оскорблять Будду. Они кричали на него, говорили ему все возможные грязные слова, а он стоял и слушал их так тотально, как это только возможно.

Через несколько минут они почувствовали разочарование, потому что он ничего не отвечал, и один из них спросил:

— Ты что, глухой? Почему ты не отвечаешь?

— Я отвечаю, — ответил Будда, — но мой ответ это отклик, а не реакция.

Естественно, они спросили, в чем разница между откликом и реакцией.

— Сядьте, и я вам объясню.

И враги превратились в учеников! Они слушали Будду, слушали молча; они слушали, что он говорит. Они были обращены. Будда сказал:

— Если бы вы пришли десять лет назад, вы нашли бы меня таким же спящим, как и вы, и я бы реагировал. Вы бы нажимали на мои кнопки.

Когда ты нажимаешь на кнопку, и вентилятор начинает работать, это не отклик, это механическая реакция. Когда ты нажимаешь на кнопку, и свет загорается или гаснет, это реакция, а не отклик. У вентилятора, света или любого другого механизма нет свободы выбирать; они просто реагируют. Отклик означает выбор, отклик означает: «выбрано сознательно».

Будда сказал:

— Десять лет назад, если бы вы сказали мне такие слова, я отрубил бы вам головы — я обычно носил с собой меч. Но теперь я пробужден. Я слушал ваши слова, и чувствовал к вам глубокое сострадание — вы без необходимости мучили себя. Вы ни к чему не можете меня принудить — я не машина, теперь я человек. Вы ни к чему не можете меня принудить; я действую по своему собственному выбору. Поэтому это не ре-

акция, это действие, а действие есть отклик. Я вижу всю ситуацию, и тогда из своего сознания я действую. В это мгновение я чувствую к вам сострадание, мне жаль вас, и поэтому я не могу говорить на том языке, на котором говорили вы.

Человек, который спит, реагирует; он ничего не знает о действии. Реакция поработывает; она заключает тебя в новую тюрьму, в новые цепи. Отклик исходит из свободы, поэтому он приносит большую свободу. Реакция исходит из прошлого; ты действуешь из своих воспоминаний, накопленного опыта, обусловленности. Ты реагируешь не на настоящее, не в настоящем. Ты не отражаешь реальную ситуацию, как она есть; ты продолжаешь интерпретировать ее в соответствии со своим прошлым, своими прошлыми переживаниями.

Человек, который пробужден, подобен зеркалу: он отражает то, что есть. *Он пробужден.*

Победа — за ним.

Он завоевал мир.

Будда говорит: Лишь пробудившись, человек добивается победы; не завоевав мир, но завоевав свое собственное бес-сознательное.

В мире есть лишь два типа людей: тип Александра Великого и тип Будды. Есть миллионы... на самом деле, девятьсот девяносто девять людей из тысячи принадлежат к типу Александра — большие и маленькие Александры, но они все Александры. Каждый пытается завоевать мир по-своему, в малом или в большом, через деньги, власть, престиж. Каждый носит глубокое желание, великое стремление однажды преуспеть и стать известным человеком в мире, самым влиятельным человеком в мире. Это тип Александра, экстравертный, мирской; он накапливает деньги, собственность, но теряет душу.

А еще в мире есть люди, очень редкие люди, которые принадлежат к типу Будды, которые больше не заинтересованы в мире, которые целиком устремлены к само-реализации, к самовоплощению, к тому, чтобы яснее осознавать свою реальность.

Это не жесткие типы, они текучи. Каждый, кто принадлежит к категории Александра, может перейти в категорию бытия Будды. Все Будды в прошлом принадлежали к категории Александра, а все, кто сейчас Александры, однажды могут стать буддами. Все зависит от тебя; если ты сознателен, необходим преднамеренный выбор: направить свои энергии извне вовнутрь, быть более заинтересованным во внутренней реальности, быть более заинтересованным в своей субъективности, чем в объектах. Ты начинаешь двигаться, двигаться глубоко в свое внутреннее пространство и находишь центр своего существа.

И волшебство в том, что в то мгновение, когда ты находишь центр своего существа, ты находишь центр всего существования — потому что есть лишь один центр; мой центр и твой центр это не два центра. Каждый, кто идет вовнутрь, приходит к одному и тому же центру. На периферии мы разные люди; в центре мы — одно.

Он пробужден. Победа — за ним. Будда говорит: Настоящий завоеватель мира это не тот, кто завоевал мир, но тот, кто завоевал самого себя. Он завоевал и мир, но не видимым образом, а очень невидимым образом. Он становится мастером.

Будда пришел в один город. Король этого города не хотел выходить ему навстречу и принимать его, он говорил:

— Я великий король, а он просто нищий.

Но его первый министр — старик, мудрец, — настаивал:

— Либо ты пойдешь и встретишь Будду, либо прими мою отставку.

Это было слишком, потому что старик был совершенно незаменим в королевстве. Король полностью зависел от старика и его советов; он не мог позволить себе его потерять.

— Но почему? Почему ты так настаиваешь? Он просто нищий, а я король!

Первый министр ответил:

— Откровенно говоря, он король, а ты нищий! Либо ты пойдешь со мной, чтобы встретить его, либо прими мою отставку, потому что я не могу служить человеку, который насколь-

ко глуп, что не может увидеть простого факта: Будда — настоящий завоеватель мира. Чем владеешь ты? — некоторыми вещами; они будут отняты у тебя, когда придет смерть. То, чем владеет он, никто не может отнять, даже смерть. Он завоевал себя, а завоевание себя значит завоевание всего мира. Молодому королю пришлось пойти и встретить Будду. Когда он поклонился Будде, тот сказал:

— Не нужно кланяться нищему!

Король был потрясен: Как он узнал? И в этом потрясении у него раскрылись глаза. Он взглянул на Будду: такой грации, такого молчания, такого света, такой любви он никогда не видел раньше. Он снова поклонился.

— Теперь это правильно, теперь это из сердца! — сказал Будда. — В первый раз ты следовал совету своего первого министра. Теперь ты кланяешься потому, что ты действительно увидел меня.

Редко можно встретить будду, и еще реже можно его узнать, потому что ты продолжаешь смотреть своими старыми глазами, своим старым, глупым умом. Твой глупый ум не может увидеть природу будды. Он умеет видеть только вещи; он не умеет видеть нематериальное, мистическое. Он умеет видеть только грубое, не тонкое.

Однажды вечером в пятницу Боб пришел домой раньше обычного к удивлению своей привлекательной жены, лежащей в постели с другим мужчиной. Придя в ярость, он выхватил из шкафа пистолет и застрелил обоих любовников.

Несколько дней спустя его сосед, Джим, обсуждал эту трагедию с друзьями.

— В конце концов, могло быть и хуже, — сказал он.

— Что значит хуже? Два человека погибло, и, возможно, Боба приговорят к смерти!

— И все же могло быть и хуже. Если бы он пришел раньше вечером в четверг, был бы убит я!

Человек живет в такой бессознательности. Он продолжает делать вещи, которые диктует бессознательное. Он не хозяин своей души. Он не знает, откуда возникают эти желания; они

просто охватывают его. А когда его охватывает желание, он совершенно беспомощен.

Будда пробужден, пробужден для всего, что происходит в его существе; он так бдителен, что ничто не может захватить его врасплох, он настолько полон света, что никакая темнота не может войти в его существо, в таком свете он живет, с такой осознанностью он живет. Каждое его движение, каждое его действие исходит из этого сознания. Поэтому у будды никогда не бывает никакого раскаяния. Он никогда не оглядывается назад; нет смысла. Все, что он сделал, он сделал тотально и совершенно.

Ты всегда оглядываешься назад по той простой причине, что ты всегда частичен, фрагментарен. Вовлечена лишь часть твоего существа, и ты делаешь все таким образом, что ты никогда не погружен в это тотально, целиком. Позднее ты начинаешь думать: «Я должен был сделать это», или «Я должен был сделать то», или «Можно было сделать это лучше». Ты начинаешь раскаиваться, ты начинаешь чувствовать себя виноватым. Твои действия очень незавершенны, вот почему остается этот осадок. Когда действие совершается во всей полноте, когда ты в нем целиком и полностью, тогда, как только ты из него выходишь, ты выходишь целиком и полностью.

Помни этот фундаментальный закон: если ты в чем-то тотален, ты можешь тотально из этого выйти. Если ты в этом не тотален, ты останешься вовлеченным в него, даже когда время пройдет; даже когда этого уже не будет, ты останешься вовлеченным в это. Какая-то часть тебя будет продолжать цепляться за прошлое, и ты всегда будешь чувствовать себя несчастным. Что бы ты ни выбрал, за этим обязательно последует страдание, потому что рано или поздно ты осознаешь, что ты мог сделать это лучше.

Но человек осознанности знает, что нет никакой возможности сделать это лучше. Тогда какой смысл об этом помнить? Он не помнит о прошлом. Дело не в том, что у него нет памяти — его память яснее твоей, — но его память это лишь молчаливая кладовая. Если он сочтет нужным, он может использовать память, но он не раб своей памяти.

Он никогда не думает о будущем. Он никогда не репетирует будущее, потому что знает: «Что бы ни произошло, я всегда буду в этом тотален. Ничто большее не возможно». Он просто действует спонтанно, без памяти, без проекций будущего. Его действие тотально и принадлежит настоящему — а действие, которое тотально и принадлежит настоящему, приносит свободу.

*Как может сбиться с пути
Тот, кто за пределами пути?
Его глаз открыт.
Его нога свободна.
Кто может последовать за ним?*

Как может сбиться с пути тот, кто за пределами пути? Став полностью осознающим, ты освобожден от всех средств, методов и техник. Все техники и методы нужны лишь для того, чтобы подвести тебя в пути — к пути, который ведет вовнутрь. Но, однажды достигнув своего глубочайшего ядра, ты больше не нуждаешься ни в методах, ни в техниках, ни в пути. Ты вышел за пределы, ты превзошел все. Теперь ты не можешь заблудиться. Как ты можешь заблудиться, если пути нет? Теперь ничто не может быть неправильным. Если нет метода, как ты можешь сделать что-нибудь не так? *Как может сбиться с пути тот, кто за пределами пути?*

Этот состояние будды. Он не может выпасть из этого состояния, потому что это не какое-то достижение; это твое естественное, спонтанное существо. Как только оно познано, оно твое навсегда. Даже если ты хочешь от него скрыться, ты не сможешь.

Его глаз открыт. Помни, Будда не говорит: *Его глаза открыты*. Он говорит: *Его глаз открыт*. У нас два глаза; эти два глаза смотрят наружу. Чтобы смотреть на объективный мир, нужны два глаза, потому что объективный мир это мир двойственности. Но есть еще один глаз, который смотрит вовнутрь; два глаза, смотрящие вовне, становятся одним. Отсюда идея о третьем глазе.

Третий глаз это только метафизическая идея, но она имеет огромную важность — это метафора. Дело не в том, что действительно существует третий глаз, что если разрезать череп, там обнаружится третий глаз — нет. Но существует зрение, обращенное вовнутрь, которое не разделено надвое; оно одно, единственно, едино. Поэтому Будда говорит: *Его глаз открыт*. Не «глаза», а «глаз»; он может смотреть вовнутрь.

И снова он говорит: *Его нога свободна*. Не ноги, потому что вопрос не в движении вовне, а в движении вовнутрь.

Во внутреннем мире все одно, во внешнем мире всего два.

Кто может следовать за ним? Ты не можешь следовать за буддой; ты можешь его понять. Ты можешь многому научиться у будды, но ты не можешь следовать за ним. Ты не можешь быть его слепым последователем; ты не можешь просто сказать: «Я верю».

Некоторые люди, особенно индийцы, приходят ко мне и говорят:

— Нам не нужно никакой медитации — мы верим в тебя. Нам не нужно никаких терапевтических групп — мы верим, что твоего благословения достаточно.

Эти люди говорят красивые слова, но они обманывают сами себя.

Будда сказал: Будды могут лишь указать путь, но идти тебе придется самому. Никто другой не может идти за тебя, никто другой не может видеть за тебя. Тебе предстоит увидеть свое внутреннее существо самому. Туда, в свое глубочайшее ядро, ты должен идти один, абсолютно один.

Но ты многому можешь научиться, находясь рядом с буддой. Ты можешь впитать его дух, ты можешь начать пульсировать его энергией. Ты можешь стать рядом с ним таким молчаливым, что само его присутствие станет для тебя трансформацией. Но в конце концов ты должен идти вовнутрь один; туда никто не может тебя сопровождать.

Будда сказал: Будды подобны птицам, летящим в небе — они не оставляют никаких следов. Ты не можешь за ними последовать, ты не можешь за ними пойти. Ты не можешь просто сказать:

— Я верю в Будду, я верю в его сострадание, и этого достаточно.

Нет, этого недостаточно. Верования недостаточно; лишь знание может принести свободу. Верование приносит оковы — все верования приносят оковы.

Миру его не вернуть

И не сбить с пути.

Не поймать его и отравленной сети желания.

Если ты однажды проснулся в центре своего существа, некоторые вещи становятся невозможными. *Миру не вернуть его...*

Весь мир со всей его завлекательностью и соблазнами абсолютно бессилен в том, чтобы произвести впечатление на будду. Он остается центрированным, его нельзя отвлечь. Тебя можно отвлечь, лишь если ты спишь. Во сне ты можешь решить не отвлекаться, но будешь отвлечен. Во мне ты можешь решить: «Я не буду делать то-то и то-то», но тебе придется это делать.

Сколько раз во сне ты принимал решение больше не злиться? Но когда возникает возможность, ты забываешь все свои решения; ты снова злишься. Фактически, когда ты решаешь: «Я больше не буду злиться», даже в это самое мгновение, если ты заглянешь глубоко, ты услышишь, что кто-то смеется, потому что кто-то глубоко внутри знает, что все это вздор, чепуха! А если кто-то другой настаивает: «Нет, ты уже много раз принимал это решение и опять забывал, и я говорю, что ты снова разозлишься», тебя это может так задеть, что ты тут же разозлишься на этого самого человека — даже этого может быть достаточно, чтобы вывести тебя из себя!

Я слышал:

Один человек страдал от гнева настолько, что убил свою жену и бросил своего ребенка в колодец. Однажды он так разозлился, что сжег весь свой дом. Это было слишком! А потом он очень раскаивался.

Случайно к нему во дворец зашел джайнский монах. Он подошел к джайнскому монаху и сказал:

— Посвяти меня, потому что я не думаю, что я когда-нибудь смогу избавиться от своего гнева, если я резко не изменю свою жизнь.

Эта «резкое» изменение жизни снова показывает гнев. Резкая перемена это очень гневная перемена. Но джайнский монах спал так же крепко, как и этот человек — он был очень доволен, он получал одного ученика! Он тут же посвятил его.

Джайнские монахи живут обнаженными. Он тут же выбросил свою одежду. Это произвело большое впечатление на учителя. Он сказал:

— Мне понадобилось пять лет, чтобы постепенно отбросить свою одежду. Ты редкий человек — за одно мгновение ты сбросил все!

Процедура в системе джайнов состоит в том, что сначала ты уменьшаешь количество одежды до трех частей, затем до двух, затем до одной и в конце концов ты отбрасываешь и ее. Продвигайся постепенно, практикуй, чтобы ты не чувствовал стыда от того, что ты голый. Но то, что практикуется, не настоящее; все, что привито, ложно.

На учителя же это произвело огромное впечатление — но фактически и это было частью гнева этого человека... который мог сжечь свой дом, который мог убить свою жену, который мог сбросить в колодец невинного ребенка и убить его. Этот человек был способен на все! Он мог выбросить одежду и остаться обнаженным. Это выглядит как великое отречение — это ничто. Если ты глубоко заглянешь вовнутрь, это гнев, стоящий на голове; это гнев на гнев.

Вскоре этот человек стал очень известным. Такие люди могут прославиться, потому что, что бы они ни делали, они делают это со страстью, с определенной интенсивностью, с огнем. Он совершал долгие посты...

Учитель назвал его Шантинатх — *шантинатх* означает «бог мира» — просто чтобы напомнить ему о том, что он отрекся от гнева, и теперь мир должен быть стилем его жизни.

Десять лет он не злился — не злился ни мгновения. Фактически, не было необходимости, не представлялось возмож-

ности. Гнев не приходит как гром посреди ясного неба; ему нужен определенный контекст. Его жены не было, его ребенка не было, не было ни семьи, ни работы, ни людей — не было никого. Его так уважали; вся страна узнала об этом великом человеке, об этом махатме.

Это было в Нью-Дели. Один из его друзей по каким-то делам приехал в столицу, но когда он узнал, что его друг находится в Дели и стал известным человеком, — ему поклоняется вся страна, — естественно, он пошел, чтобы повидать его и отдать дань почтения. Но глубоко внутри он немного сомневался, потому что он знал этого человека с самого детства; он не мог поверить, что тот действительно стал «богом мира». Он был дьяволом во плоти! Возможно ли это — такая внезапная перемена? У него были подозрения, но случаются в жизни и перемены. Он пошел.

Он надеялся, что этот великий человек, по крайней мере, узнает его; они были друзьями с самого детства — они знали друг друга сорок лет. Но великий человек теперь стал таким великим, что как ему узнать друга? Он узнал его — друг немедленно понял, что тот узнал его, — но не подал виду. Фактически, он его избегал; само это и указывало на то, что он его узнал.

Друг подумал, что ничего не изменилось — его гнев превратился в эго.

Когда все люди ушли, и друг остался один, он подошел к нему

— Господин, не могу ли я узнать ваше имя? — спросил он.

Шантинатх, Бог Мира, был немного обеспокоен. Какая глупость! Его имя и фотографии были во всех газетах. Его имя упоминалось во всендийском радио, его показывали по телевизору. Его знали все, его знала каждая домашняя хозяйка, а этот дурак спрашивает, как его зовут! Но он никак этого не показал. Он просто сказал:

— Меня зовут Шантинатх.

Последовал какой-то метафизический диалог, и человек снова спросил:

— Господин, я забыл ваше имя. Как вас зовут?

Теперь глаза махатмы вспыхнули пламенем! Но все же он попытался сдержаться, хотя его лицо и покраснело. Он ответил: — Я уже сказал вам. Кажется, вы идиот! Вы что, не можете запомнить простое имя? Меня зовут Шантинатх!

Последовала еще одна духовная беседа, и человек снова сказал:

— Господин, я забыл, как вас зовут.

Шантинатх взял в руку посох и сказал:

— Это последний раз — с меня довольно! Если вы спросите меня еще раз, я разобью вам голову! Меня зовут Шантинатх — Бог Мира!

— Теперь я понимаю, — ответил его друг. — Ты, конечно, Бог Мира — с твоими красными глазами, с твоим лицом, огнем в глазах и посохом в руке! Я не спрошу в четвертый раз. Я знаю, что ты убил свою жену, ты убил своего ребенка — ты можешь убить и меня!

Люди не меняются: так бессознательны, глубоко бессознательны желания, стремления — гнев, жадность, сексуальность, — что на поверхности кажется, что они меняются, но они не меняются глубоко внутри. Изменив характер, ты не можешь изменить свое сознание, но обратное может случиться: если ты изменишь свое сознание, изменится и характер.

Таков путь Будды, таков и мой путь. Я даю тебе ключи к тому, чтобы изменить свое сознание от сна к пробуждению; вот что, на самом деле, нужно сделать. Тогда все, что было частью сна, исчезнет вместе со сном — гнев, жадность, собственничество, ревность; все, что было частью сна, исчезнет. Ты не можешь изменить все эти вещи, пока не уйдет сон.

Энрико Карузо был суперзвездой всемирного оперного общества в начале двадцатого века. Также он был одним из самых деятельных любовников своего времени. Это замечание приписывается этому великому итальянскому тенору:

— Я никогда не занимаюсь любовью по утрам, — якобы сказал Карузо, — Это плохо для голоса, это плохо для здоровья, и к тому же никогда не знаешь, кто может встретиться днем.

Теперь ты видишь бессознательность! А так живет почти каждый.

Две молодые женщины беседовали. Одна из них сказала:

— Я не понимаю, что за радость вам с мужем напиваться на каждые выходные.

— Видишь ли, каждый раз, когда он хорошо наберется, он думает, что я это кто-то другой, и тихонько приводит меня домой с черного хода!

Да, когда ты пьян, ты можешь любить даже свою жену. Даже невозможное становится возможным, если ты пьян. Это опьянение не ново; оно очень древнее, ему миллионы лет. Поэтому таких огромных усилий стоит проснуться. А когда ты пробужден: *Мир не может вернуть его или сбить с пути, не поймать его и отравленной сети желаний.*

Он пробужден!

Снова и снова повторяет Будда: *Он пробужден!*

Боги оберегают его.

В то мгновение, когда ты просыпаешься; тебя поддерживает все существование, все существование становится поразительно дружественным. Вот что Будда подразумевает под словами «боги наблюдают за ним, оберегают его» — о нем заботятся, как только можно. Дело не в том, что есть боги, но само существование, стихии природы, видимые и невидимые, начинают проявлять свою дружбу с человеком, который пробужден, потому что он — самое драгоценное сокровище. В нем природа становится осуществленной, в нем расцветает существование. Он является целью существования: все существование движется к состоянию будды. И когда человек становится буддой, по всей вселенной пробегает дрожь радости... волны радости, великого наслаждения.

Он пробужден! Напоминай себе снова и снова это определение будды: *Он пробужден!* — а ты спишь.

Джордж и Кристина были помолвлены несколько лет, но они все откладывали день свадьбы, потому что работа Джорджа была так важна, что он не мог найти времени для медового месяца. В конце концов, постоянное давление Кристины взяло верх, и они поженились. Когда они собрались выехать в Голливуд на медовый месяц, Джорджу позвонил начальник.

— Да, сэр, — сказал Джордж. — Сейчас буду.

— Но Джордж, — воскликнула Кристина, — как же наш медовый месяц?

— Извини, дорогая, — сказал он, — ничего не могу поделать. В офисе экстренная ситуация, с которой могу справиться только я. Вот что я тебе скажу: поезжай в Голливуд, как мы и планировали, а я сяду в самолет и прилечу, как только все будет улажено.

— Но что, если я приеду раньше тебя? Что мне делать с медовым месяцем?

— Тогда, — ответил Джордж, — просто начинай без меня.

Человек думает, что он живет, но без осознанности нет никакой возможности жить. Как можно начать медовый месяц без мужа? Как его начать?

Мы рождаемся, это правда, но мы еще не живы — и это еще в большей степени правда. Мы должны родиться снова. Точно так же, как однажды ребенок выходит из чрева матери; это физическое рождение... утроба матери это физическое явление. Затем однажды тебе предстоит выйти из утробы своей психологии, своего ума.

Пока ты не выйдешь из ума и не станешь не-умом, ты не узнаешь, что такое жизнь, ты будешь жить бесполезно. У тебя не будет медового месяца, это невозможно. Ты не узнаешь сладости, которой наполнено существование, и его экстаза. Оно принадлежит тебе, стоит только попросить, но тебе придется сделать одно — тебе придется рискнуть.

Ребенок, выходя из материнского чрева, рискует. Этот риск велик, потому что девять месяцев он знал определенный

образ жизни, самый расслабленный, который он только когда-нибудь узнает: ни тревог, ни ответственности. Он просто наслаждается. Это долгий праздник, праздник длиной в девять месяцев, он всем обеспечен. Он даже не должен дышать — его мать дышит за него. Он обеспечен пищей, она приходит к нему. Он продолжает расти, он просто отдыхает. Чтобы выйти из утробы матери, нужно пойти на риск, великий риск: утратить старый образ жизни, такой удобный, такой безопасный, такой молчаливый, такой безмерно расслабленный. Но каждый ребенок идет на этот риск, выходит наружу, входит в мир забот, ответственности, тревог, вызовов. Они необходимы для твоей зрелости, для твоего роста.

Еще один раз тебе придется выйти из утробы. Эта утроба — твой ум, и оставить ее гораздо труднее. Многие умирают в этой утробе, они никогда не выходят из нее. Те, кто из нее выходит, — будды.

Способ выйти из нее — становиться все более и более свидетелем своего ума; это способ выйти из ума. Твое свидетельствование создает расстояние, твое свидетельствование создает отделение от ума. Твоя пуповина перерезана. Постепенно твоя отождествленность с умом отбрасывается. Ты начинаешь смотреть на себя, как на сознание; не как на ум, не как на мысль, но как на сознание. Это великое начало, настоящая жизнь, настоящий медовый месяц, медовый месяц с божественным.

Он пробужден! Боги наблюдают за ним. Не беспокойся о том, что вне ума ты можешь оказаться незащищенным, подвергнуться опасности. Все существование позаботится о тебе, о тебе позаботятся. Все существование станет тебе матерью.

Двигайся в опасность не-ума, и ты найдешь настоящую безопасность: безопасность опасности.

Он пробужден

И находит радость в тишине медитации,

В сладости самоотдачи.

Снова и снова Будда повторяет: *Он пробужден* — потому что это самое существенное качество. Все остальное следует за ним, все остальное вторично.

Муж пришел домой и обнаружил свою жену в страстных объятиях своего лучшего друга.

— Я люблю его, Джон, — сказала она своему потрясенному супругу.

— Послушай, — сказал друг, — мы слишком искушенные люди, чтобы позволить такой ситуации сбить себя с толку. Вот что я тебе скажу: мы оба спортсмены, так давай сыграем на нее в джин рамми.

Муж на мгновение задумался.

— Хорошо, — сказал он, — но давай играть по пенни за очко на стороне, чтобы было интереснее.

Ты не можешь скрыть свою несознательность; она выходит на поверхность. Твоя реальность продолжает выражать себя — возможно, ты не можешь ее увидеть, но все остальные видят ее. Это странный мир! Возможно, ты не видишь своей бессознательности, но о ней знает каждый, точно так же, как и ты знаешь это обо всех остальных. Поскольку мы уделяем другим людям больше внимания, чем собственным умам, мы можем знать их недостатки, причины их страдания, причины их ада. Мы очень мудры в том, что касается других, и очень неразумны в том, что касается нас самих — нашего внутреннего существа.

Мы сфокусированы на других, и это создает две вещи: ты не можешь помочь другим, ты можешь только осуждать их. И твоё осуждение их не изменит; в ответ они будут осуждать тебя.

Таким образом общество становится игрой в осуждение друг друга. Никто не видит своих собственных недостатков; наоборот, каждый пытается их скрыть. Дело не в том, что он не хочет их видеть, он не хочет, чтобы их видели другие. Но ты ничего не можешь с этим сделать: другие обязательно увидят, потому что все, что есть в твоём бессознательном, постоянно выходит на поверхность.

Дорис, Кэрл и Мария были арестованы и приведены в вечерний суд.

Когда судья посмотрел на Дорис, она закатила глаза и оголила ноги.

— Род занятий? — потребовал судья.

— Знаете ли, судья, — простонала она, — я модельер, а этот ужасный легавый...

— Тридцать дней, — прервал Его Честь.

Вызвали Кэрл, и она попробовала канючить:

— Ах, Ваша Честь, я уважаемый модельер, я должна поддерживать семью, у меня мать инвалид и умирающий ребенок...

— Тридцать дней! — отрезал судья.

Вызвали Марию, и судья спросил:

— Род занятий?

— Шлюха, — ответила она.

— И как бизнес?

— Паршиво, — сказала Мария. — Как же еще, когда вокруг столько других модельеров!

Легко, очень легко видеть других. Каждый прозрачен для всех остальных; лишь к себе он совершенно слеп.

И когда Будда говорит: *Он пробужден*, он подразумевает: он начал перемещать свой фокус, свое внимание от других на себя. Он обращается вовнутрь. Он изливает все свое сознание на собственное существо. И в этом сознании он купается, он становится новым, он перерождается — *и находит радость в тишине медитации*.

На востоке медитация это не то, что подразумевается под этим словом на западе. На западе медитация означает созерцание: медитация на Бога, медитация на истину, медитация на любовь.

Иногда люди спрашивают: «Ты говоришь нам медитировать, но на что?»

Если ты медитируешь *на что-то*, ты вообще не медитируешь, потому что ты снова фокусируешься на чем-то вне себя.

Это может быть любовь, это может быть истина, это может быть Бог — не имеет значения.

На Востоке медитация имеет совершенно иной смысл, прямо противоположный западному. В медитации Востока в уме нет никакого объекта, никакого содержания; это не медитация на что-то, но отбрасывание всего; *нетти, нетти*, ни это, ни то. Медитация это опустошение себя от всего содержания. Когда у тебя внутри нет никаких движущихся мыслей, есть тишина; эта тишина и есть медитация. Ни малейшей ряби не возникает на озере твоего сознания; лишь молчаливое озеро, абсолютно молчаливое — вот что такое медитация.

И в этой медитации ты узнаешь — ты узнаешь, что такое истина, ты узнаешь, что такое любовь, ты узнаешь, что такое Бог. Не медитируя на Бога... Пойми суть: как ты можешь медитировать на Бога? Ты ничего не знаешь о Боге. Вся твоя медитация будет простым воображением, упражнением воображения. Ты не знаешь истину — на что ты собираешься медитировать? На какие-то идеи, данные другими, на какое-то верование, какую-то концепцию! Это не поможет.

Вот путь Будды: сначала стань медитацией, и тогда медитация, Бог, истина и все, что трансцендентально, будет тебе открыто. Медитация раскрывает глаз и освобождает ногу.

...*И в сладости самоотдачи.* В медитации случается отдача себя — ты сдаешься целому. Ни какой-то идее, ни какому-то идолу, но целому. Ты сдаешься не Кришне, не Христу, но целому существованию. Ничто не исключено, в него включено все, от камней до звезд, от травинки до солнца. Все включено: все это органическое, экстатическое празднование, которое мы называем «универсум».

Почему мы называем его универсумом? Потому что оно едино — «уни» значит «один». Хотя мы и продолжаем вести себя, как будто это *мультиверсум*, это не так, это универсум. Это одно органическое единство; оно динамично и органично. Безмерный экстаз приносит встреча и слияние с ним, растворение в нем себя. Это самоотдача. Река, впадающая в океан, есть самоотдача. Два любовника, растворяющиеся друг в друге, есть самоотдача. Но это небольшие самоотдачи, указатели, пальцы, указывающие на луну.

Предельной и последней самоотдачей является движение твоей личности в вселенское. Ты становишься частью целого.

Трудно родиться...

Будда имеет в виду, что трудно родиться человеческим существом. На то, чтобы прийти к этому состоянию, уходят миллионы жизней.

Трудно жить...

И даже когда ты родился, жизнь нелегка. Она очень тяжела, она трудна, сложна, тебя окружает тысяча и одна проблема, и для этих проблем не видно никакого решения — проблемы неразрешимы. Но это ничто в сравнении с третьим:

Еще труднее услышать о пути...

Родиться трудно, потому что ты мог быть собакой, тигром, слоном, муравьем, кустом розы. Форм миллионы; со всех этих уровней ты не можешь войти в состояние будды. Миллионы и миллионы рождений спустя ты прибыл к перекрестку. Человек является перекрестком: с уровня человека открыты все измерения. От тебя зависит, куда двигаться, тебе предоставлен выбор, кем ты хочешь быть. Во всем существовании лишь человек — свободное существо. Это слава, это великий дар божественного.

Трудно родиться, трудно жить. Жизнь нелегка. Жизнь в бессознательности — как она может быть легкой? Ты создаешь собственные проблемы. Ты выкапываешь ямы, в которые сам падаешь, ты создаешь стены, в которых ты становишься заключенным. Ты — твой худший враг.

Жизнь тяжела, но тяжелее всего услышать о пути: найти будду, мастера — Христа, Заратустру, Лао-цзы. Очень тяжело найти будду, еще труднее услышать его и понять то, что он говорит. Легче понимать его неправильно, легче не узнавать его. Ты можешь найти тысячу и одно оправдание для того, чтобы его отвергнуть. Фактически, ты попытаешься это сде-

лать, потому что на карту поставлено твое эго. Если ты признаешь кого-то буддой, это будет значит, что тебе придется сдаться. Узнать будду и не сдаться ему невозможно. Узнать будду и сдаться ему естественно.

Когда ты осознаешь, что кто-то — пробужденный, просветленный, нет способа сбежать, тебе придется сдаться. Если ты хочешь сбежать, будь начеку. С самого начала не узнавай его, с самого начала создавай преграды — чем больше, тем лучше. Искажи, что только можешь, привнеси все свои пред-рассудки. Не видь — закрой глаза. Не слушай, стань глухим. Не чувствуй, беги из поля будды, потому что, кто знает? — что-то может случиться тебе вопреки.

Здесь это случается со многими вопреки им самим. Они пришли сюда не для того, чтобы остаться навсегда. Они пришли из любопытства, или, например, сюда приехал их друг, а они поехали с ним за компанию, направляясь в Гоа из Кабула или Катманду... в Пуне они попали в капкан! Они забыли о Катманду, Кабул и Гоа исчезли, исчез весь мир. Они вошли в совершенно иную реальность. Возможно, они не пришли сознательно, возможно, они сопротивлялись и неохотно решили остаться здесь еще на несколько дней. Видя, что в это вовлечено столько людей, они решили, что в этом, должно быть, что-то есть.

Трудно узнать будду, услышать его в молчании, без искажений, не привнося свой ум. Трудно его понять, потому что он говорит с другой высоты. Он говорит с гималайских вершин, а ты живешь внизу, во тьме долин. Расстояние огромно. Он кричит, что ты мог услышать его, но к тому времени, когда его слова достигают тебя, они больше не те же самые. К тому времени, как они достигают твоего сердца, утеряно многое от их аромата, подлинности, истины. Но, хотя это и трудно, это случается — и если ты достаточно смел, это может случиться с тобой.

Никогда не бывало так, чтобы в мире не было ни одного живого будды — где-нибудь, в какой-нибудь части мира. Во все времена существует источник, лодка, готовая переправить тебя на другой берег. Если чего-то и недостает, это готовности с твоей стороны.

Еще труднее услышать о пути...

Трудно подняться, следовать, проснуться.

Самое трудное, говорит Будда: Даже если ты слышишь будду, трудно подняться до этих высот. Это громадное усилие, тяжелое путешествие, великое паломничество — подняться до этих высот... потому что ты не можешь действительно понять будду, пока буддой не стал *ты сам*. Единственный способ понять будду — быть буддой.

...Трудно подняться, следовать, проснуться. Да, ты можешь понять интеллектуально, но интеллектуальное понимание не поможет; оно может даже стать препятствием. Оно даст тебе во сне идею о том, что ты понял... теперь больше не о чем беспокоиться, ты уже знаешь.

Интеллектуально многие из тех, кто сюда пришел, знают, что говорит Иисус, что говорит Будда. Интеллектуально они могут анализировать, они могут обсуждать, но не в этом суть. Знание должно быть экзистенциальным, не интеллектуальным. Интеллект может быть использован как порог, но не как настоящий храм, это лишь порог.

Ты должен пережить на опыте то, что говорит Будда; то, чему учит Будда, должно стать твоим собственным опытом. Ты должен стать свидетелем этого опыта. Лишь тогда ты последовал, лишь тогда ты поднялся, лишь тогда ты проснулся.

И все же учение просто.

Будда говорит: Хотя и трудно найти и узнать мастера, трудно понять, трудно осознать понимание, претворить это понимание в свою жизнь, все же нужно сказать, что учение очень просто. Так и должно быть: учение всегда просто.

Сложность в тебе, и именно из-за твоей сложности простая истина становится очень сложной. Ты не хочешь ее слышать или хочешь слышать что-то другое. Ты приходишь за утешениями, а не за революциями. Ты приходишь, чтобы тебя погладили по головке, ты приходишь, чтобы тебе сказали, что все совершенно правильно. Ты приходишь, чтобы тебя при-

няли и любили, не для того, чтобы претерпеть трансформацию. Ты приходишь, чтобы тебя уважали. Ты приходишь также для того, чтобы ты мог почувствовать, что ты важен, нужен.

Глубочайшая потребность ума — быть нужным. Если ты начинаешь чувствовать, что мастер нуждается в тебе, что ты незаменим, это дает тебе огромное эго, но ты упускаешь всю суть. Ты приходишь до такой степени полный идей, — и эти идеи продолжают создавать в тебе шум — что когда Будда кричит с крыш домов, даже тогда ты слушаешь лишь то, что ты хочешь услышать.

Человек заходит в отдел бакален.

— Пятилитровую банку уксуса.

— Извините, у нас кончился уксус, — отвечает продавец.

— Тогда, пожалуйста, трехлитровую банку.

— Послушайте, у нас нет никакого уксуса, совсем никакого.

— Мне совершенно необходим уксус.

В отчаянии продавец начинает метать на прилавок весь имеющийся ассортимент содержащих уксус приправ: горчицы, маринады и прочая. В ответ посетитель просит продать ему, по крайней мере, литровую бутылку уксуса.

— А что написано здесь? — спрашивает он, протягивая посетителю последнюю банку.

— «Хрен с уксусом».

— Именно это я им пытаюсь вам сказать!¹

¹ A man comes into an ice cream shop. "I will have a gallon of chocolate ice cream."

"Sorry, we are all out of chocolate."

"In that case I will have a quart of chocolate ice cream."

"Listen, we don't have any chocolate."

"Well, in that case I will have a double scoop chocolate cone."

"Mister, we are all out of chocolate, all out!"

"Well, I guess I will just have some chocolate ice cream in a cup."

"Wait a second!" cries the clerk. "Can you spell the water in watermelon?"

"Sure!" says the man.

"Can you spell the gold in goldfish?"

"Easy!" says the man.

Если у тебя есть навязчивая идея, очень трудно понять даже простые вещи. *И все же учение очень просто.*

Делай то, что правильно.

В выражении Будды правильное значит то, что сделано сознательно. Это его определение правильности. *Делай то, что правильно.*

Будь чист.

Под чистотой он всегда подразумевает невинность: состояние незнания, состояние, в котором человек действует как ребенок. В этом он совершенно соглашается с Христом: Пока ты не станешь подобным маленькому ребенку, ты не войдешь в Царство Божье.

Будь снова ребенком. Твои знания являются великой преградой на пути — удали ее. Будь невинен.

В конце пути — свобода.

И если ты можешь соблюдать эти простые вещи — осознанность, правильность, невинность, — которые являются тремя лицами одного и того же явления: осознанности, сознательности, тогда: *В конце пути — свобода.* Тогда ты достигнешь абсолютной свободы. Его слово: *нирвана*. Нирвана означает абсолютную свободу: не свободу для эго, но свободу от эго; свободу не для себя, но от себя. Свобода для Будды равнозначна Богу. Он никогда не использует слова «Бог», потому что для многих «Бог» стал оковами. Он использует слово «свобода» — мокша или нирвана.

"Well, can you spell the fuck in chocolate?"

"Wait a second, there is no fuck in chocolate."

"That's what I have been trying to tell you!"

Нирвана означает прекращение эго; буквально это означает «задувание свечи». Точно так же, как когда ты задуваешь свечу, она исчезает, и ее больше нигде не найти, — она исчезает в целом — исчезает и эго пробужденного. И в этом исчезновении эго ты становишься безграничным. Капля, падающая в океан, становится самым океаном; тогда у тебя больше нет пределов. Это свобода.

До тех пор — терпение.

Но это может не случиться сегодня. Ты можешь не быть готовым совершить прыжок немедленно. До тех пор необходимо терпение. Будда говорит: *И все же учение очень просто.* Он сократил его до нескольких слов: *Делай то, что правильно.* То есть, делай все сознательно. *Будь чист...* невинен, подобен ребенку... и будь терпелив. Не торопись. В конце свобода неизбежна; это побочное следствие тотальной осознанности.

*Если ты ранишь или причиняешь горе другому,
Ты не научился непривязанности.*

Непривязанность это также побочное следствие осознанности. Если ты бдителен, ты не можешь нанести другому рану или причинить горе, потому что ты знаешь, что другого нет; реальность едина. Ранить кого-то... словно ранить самого себя — возможно, твоя правая рука ранит левую, — и ты будешь чувствовать боль. Ты можешь кого-то ранить, но в конечном счете ты ранишь себя и никого другого, все есть единство.

*Не обижай ни словом, ни действием.
Ешь умеренно.
Живи в сердце.
Ищи высшего сознания.*

Он дает миру очень простые слова, не сложную теологию. Он говорит: Никого не обижай, избегай этого. Никому не вреди. Люди наслаждаются, вредя друг другу, потому что чем

больнее ты ранишь, тем больше ты чувствуешь власти. Но власть принадлежит эго, а эго будет становиться для тебя все более тяжелым грузом. Не вреди. Не корми эго.

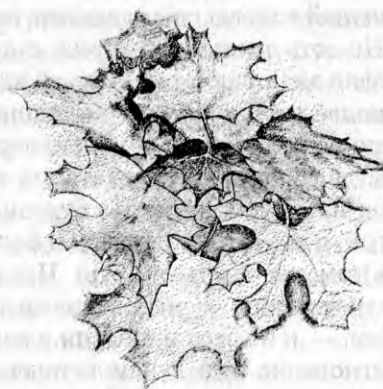
Ешь умеренно. Будда всегда за умеренность: избегай излишеств во всем. Он не поддерживает пост. Он говорит не есть слишком много, он говорит не есть слишком мало — умеренность. Просто будь посередине, всегда посередине. *Живи в сердце.* И выскользни из головы в сердце, из мышления в чувства, из логики в любовь.

Ищи высшего сознания. Держись одной цели: постоянно будь внимателен к ней, помни о ней — ты должен стать буддой. Ничто меньшее не осуществит тебя.

Ищи высшего сознания. Если эти простые требования выполнены, однажды ты распустишься в тысячелепестковый лотос. У тебя есть потенциал, чтобы быть буддой; если ты не осуществишь его, ты будешь жить в страдании, умрешь в страдании, родишься снова в страдании, и колесо будет продолжаться.

Здесь у тебя есть возможность выпрыгнуть из этого колеса. Не упусти эту возможность.

На сегодня достаточно.

Многие призваны — немногие избраны

Первый вопрос:

*Возлюбленный Мастер,
Я не понимаю, на каком я пути. Иногда я чувствую себя полным радости, когда я играю, пою, танцую или борюсь с другими, и я могу увидеть себя, лишь глядя на других. А иногда я не вообще могу выдержать никаких контактов или общения; я счастлив, лишь когда я совершенно один. Когда я с людьми, я расцениваю это как бегство от своего одиночества, а когда я с собой, я сужу, что я избегаю любви.*

Не возможно ли быть на обоих путях, чередуя их друг с другом? Как я могу определить, когда я использую один из них, чтобы избежать другого?

*Прем Индивар,
Для таких людей как ты нет ни цели, ни пути — ты просто сумасшедший! Будда говорит о нормальных людях. Будда очень рациональный человек: он разделяет людей, относит их к категориям. Но есть третья категория, о которой Будда не осведомлен. Суфии знают об этой третьей категории; они называют таких людей *мастами* — сумасшедшими.*

Тебе не нужно чередовать, потому что чередуя один и другой путь, ты всегда будешь чувствовать эту проблему — суждение. Когда ты на одном пути, ты будешь думать, что ты упускаешь другой, и это станет ненужной болью.

Просто будь там, где бы ты ни был. Наслаждайся мгновением, всеми мгновениями — мгновениями любви и мгновениями медитации, — и не беспокойся ни о чем другом. В одно определенное мгновение будь в нем тотален. Когда ты играешь, любишь, танцуешь, поешь, забудь все о другом пути. А

когда ты чувствуешь себя молчаливым, тихим, одиноким, когда ты наслаждаешься этим одиночеством, забудь о том, что вообще есть путь, называемый любовью.

Дело не в том, чтобы сознательно чередовать эти два пути; иначе ты станешь разделенным, шизофреником, а быть шизофреником значит пасть ниже обычной нормы. Масты, настоящие сумасшедшие, не опускаются ниже нормы — они поднимаются выше, они превосходят ее. И те и другие выглядят сумасшедшими; ни те ни другие больше не живут в мире логики: одни пали ниже ее, другие поднялись над ней. В каком-то смысле они похожи, в каком-то смысле они совершенно различны.

Индивар, ты — маста. Наслаждайся тем, кто ты есть. То, что с тобой происходит, это лучшее, что только может случиться с человеком. Для тебя естественно иногда быть с другими и наслаждаться их обществом а иногда быть наедине с собой и наслаждаться собственным обществом. Для тебя это как день и ночь. Тебе не нужно выбирать: ночь следует за днем сама по себе. Это подобно лету и зиме. Дело не в каком-либо выборе с твоей стороны; с тобой происходит нечто спонтанное и естественное. Я чрезвычайно доволен тобой — просто будь, как ты есть. Отбрось это суждение.

Позволь мне сказать это ясно. Есть три возможности: первая медитация; вторая любовь; третья: человек может быть просто сумасшедшим — нет вопроса о выборе, нет вопроса о том, чтобы намеренно становиться на определенный путь, заставлять себя следовать определенному пути.

Здесь есть многие, кто находится в такой же ситуации. Мне пришлось, по меньшей мере, двадцать вопросов, посвященных одной и той же проблеме. Если у тебя нет вопросов, и ты можешь наслаждаться медитацией, никогда не беспокоясь о любви, тогда это твой путь. Если ты можешь наслаждаться любовью, и тебя никогда не вытаскивает из нее медитация, не отвлекает медитация, тогда это твой путь. Но если ты находишь себя в глубоком синтезе, и происходит и то и другое, значит твой путь такой.

Все мои усилия здесь направлены на то, чтобы помочь тебе быть своим естественным «я». Все, что навязано, будет наси-

лием. Индивар, кем бы ты ни был, оставайся им и наслаждайся. Для тебя нет цели, нет пути. Наслаждение есть цель, наслаждение есть путь.

Фактически, мы все уже там, где мы должны быть, мы уже там. Пути нужны, чтобы разбудить нас. Пусть тебя не беспокоит слово «путь», потому что оно дает тебе идею, что нужно куда-то идти, чего-то достигать; в этом виноват язык. Нам приходится использовать слова, и каждое слово нагружено своим повседневным смыслом.

Поэтому все будды всегда находили сложным общаться с вами. Вы не можете понять молчания, потому что вы не можете быть в молчании. Лучше всего посидеть в молчании с буддой хотя бы одну-единственную минуту... все передано.

Здесь, со мной, мое настоящее послание заключено в промежутках между словами — в паузах, интервалах, — не в словах. Читай меня между строк, не в строках, и ты сможешь лучше понимать меня.

Есть красивая история:

Мистик получил письмо. Это письмо было от другого мистика, но оно было абсолютно пустым, в нем ничего не было написано. Была такая проблема: человек, который написал письмо, был старше по возрасту, а человек, получивший письмо, был старше по просветлению; он стал просветленным первым. Как начать это письмо?

В Индии, если ты пишешь письмо старшему, ты должен обращаться к нему очень уважительно. Как его начать? Как обратиться к этому человеку? Физически он моложе, поэтому ты не можешь оказывать уважения, ты должен показать любовь. Но он старше в том, что касается просветления, поэтому ты не можешь говорить с ним, как с молодым человеком, с тем, кто моложе тебя; ты должен обращаться к нему уважительно. Мистик был озадачен. А если ты не можешь начать письмо, как его написать? Поэтому он отослал пустой лист бумаги.

Его получил другой мистик. Он прочитал его и обрадовался. Он был так счастлив, что ученик, который сидел рядом с ним, спросил:

— Ты выглядишь таким счастливым — нельзя ли и мне прочитать письмо?

Письмо было передано ученику, и он прочитал его и обрадовался.

Тогда третий человек, бывший поблизости, был заинтригован — казалось, происходит нечто очень таинственное! Но этот человек не был учеником; он пришел к мистiku просто из любопытства. Он сказал:

— Нельзя ли и мне взглянуть?

Мастер и ученик колебались. Они переглянулись — что сказать этому человеку? Ему же стало еще интереснее.

— Есть ли в этом что-то очень таинственное?

— На самом деле, в нем ничего нет! Это очень редкое письмо, ты не поймешь языка. Вот почему мы колеблемся. Мы не хотим обидеть тебя, но если ты настаиваешь, ты можешь посмотреть.

Человек посмотрел с одной стороны, с другой стороны — не было ничего вообще. Он вернулся и, не говоря ни слова, поспешил прочь — казалось, оба они были сумасшедшие!

Будды не могут использовать с тобой молчание, потому что тогда ты не поймешь; ты сбежишь. Им приходится использовать слова — слова, в которых заложен *твой* смысл, и поэтому они должны быть очень, очень бдительными при выборе слов, но даже и эти слова могут быть не адекватными.

Слово «путь» столь неуместно, что Лао-цзы всегда говорит «путь без пути». Какой смысл говорить «путь без пути»? Это пустая бумага. «Врата без врат», «усилие без усилия», «действие в бездействии» — *ву-вэй*: все эти противоречия и парадоксы собраны вместе лишь для того, чтобы потрясти тебя и вытряхнуть из твоего сна. Нет никакого другого пути, и некуда идти. Ты уже здесь — и был всегда. Вот все, что нужно: проснись!

И, Индивар, я вижу, что ты выходишь из своих сновидений, из своего сна. Я вижу, как ты ворочаешься и ерзаешь в своей постели! Утро не за горами.

Пожалуйста, не беспокойся о путях, потому что это беспокойство может удержать тебя во сне. Не суди ни в какое мгно-

вание. Не сравнивай никакое мгновение с другим мгновением, потому что любое сравнение это мыслительный процесс, а каждый мыслительный процесс удерживает тебя привязанным к уму. Расслабься. Что бы ни случилось, позволь этому случиться. Продолжай отпускать себя.

Я говорю тебе все это, потому что тебе это легче всего: просто отпустить себя. Божественное придет к тебе, а не ты его найдешь. Цель случится с тобой. Она может случиться где угодно; к ней не ведет никакой путь. Фактически, это наша собственная реальность; мы просто должны быть бдительны, чтобы видеть.

В Японии есть красивая история о действительно великом будде, Хотее. В Японии его называют Смеющимся Буддой, потому что в тот момент, когда он стал просветленным, он начал смеяться.

Люди спрашивали его:

— Почему ты смеешься?

— Потому что я стал просветленным! — отвечал он.

— Но мы не видим никакой связи между просветлением и смехом. Какой смысл смеяться?

— Я смеюсь, потому что я искал то, что уже во мне. Я искал ищущего; невозможно было его искать. Где ты можешь искать ищущего? Как ты можешь узнать знающего? Я был как собака, гоняющаяся за собственным хвостом, я будто бы гнался за собственной тенью; я не мог ее поймать. Это было так смешотворно, все эти усилия были так абсурдны! Вот почему я смеюсь: я всегда был буддой! Теперь мне кажется очень странным, что миллионы лет я оставался бессознательным. Невероятно, как я продолжал упускать себя. Теперь, когда я познал, во мне возникает великий смех.

И говорят, что он продолжал смеяться до самой смерти; это было его единственное послание миру. Должно быть, он был таким человеком как Индивар — просто сумасшедшим, у которого не все дома!

Второй вопрос:

Возлюбленный Мастер,

Может ли проснуться тот, кто не открыт?

Дэва Ашока,

Если ты не открыт, проснуться невозможно. Все пробуждение заключается в том, чтобы открыться существованию: открыться солнцу, луне, дождю, ветру, открыться всему празднованию деревьев, камней, земли и звезд, животных, птиц, людей. Существование есть празднование, постоянный праздник, карнавал. Если ты не раскрыт, если ты закрыт, если в тебе нет никаких окон и дверей в существование, как ты можешь проснуться? Пробуждение и раскрытие синонимичны.

Люди остаются закрытыми в своих умах. Они никогда не выходят из своих умов, они никогда не позволяют реальности проникнуть им в сердца. Прозрачная Китайская Стена отделяет их от мира. Мир божествен, существование божественно. А почему люди остаются закрытыми? — они боятся, боятся быть открытыми, потому что когда ты открыт, ты в небезопасности, незащищенности. Когда ты открыт, ты уязвим. Когда ты открыт, ты не знаешь, что может случиться, все неожиданно. Ты движешься в неизвестное; каждое мгновение приносит к твоим дверям неизвестное.

Закрытый ум боится неизвестного; закрытый ум заинтересован в известном. Почему? — потому что с известным легче справиться. Ум знает о нем все, в этом он умен и эффективен. Но закрытый ум в действительности ниже нормального; он еще не человеческий. Он не может быть разумным. Для разумности требуются постоянные вызовы, столкновения с реальностью, потому что лишь в этих столкновениях обостряется твоя разумность; твой потенциал претворяется в жизнь.

Дэва Ашока, невозможно проснуться, оставаясь закрытым. Ты пытаешься, я знаю! Но это невозможно по самой природе вещей. Я чувствую к тебе глубокое сострадание. Я хочу тебе помочь, но ты мне не позволишь. Ты не позволишь мне взять тебя за руку. Ты не позволишь моей энергии коснуться своего сердца, тронуть его, привести в него танец. Ты

останешься на чеку — ты останешься на чеку, просто чтобы себя защитить. Ты боишься, боишься глубоко влюбиться, потому что в тот момент, когда ты влюбляешься, исчезает эго. Это своего рода смерть, и никто не может сказать наверняка, что случится потом.

Воскресение всегда выглядит как миф, хотя оно и происходит, оно неизбежно. Если ты готов умереть, происходит воскресение.

Последними словами Иисуса было: «Прости этих людей, ибо они не знают, что делают. И я ничего у тебя не прошу: пусть совершится воля твоя, пусть придет твое царство».

Это самоотдача! Это полное раскрытие перед Богом: ни жалоб, ни ворчания, даже против тех, кто убивает его. Его доверие тотально; именно поэтому происходит воскресение. Возможно, историческим фактом не является то, что Иисус ожил через три дня, но это метафизический факт. Метафизический факт гораздо более реален, чем факт исторический; он показывает нечто от глубины человеческих существ. Если ты можешь умереть как эго, ты будешь воскрешен как будда, как христос.

Выйди из своего ума, Ашока! Но мы продолжаем ходить по кругу...

Мать привела своего сына к психиатру, жалуясь на то, что он все время думает о сексе.

Доктор нарисовал на листе бумаги квадрат, посмотрел на мальчика и спросил:

— Сынок, что приходит тебе в голову, когда ты смотришь на этот рисунок?

— Похоже на окно, — ответил парень.

— А что, ты думаешь, дальше, за этим окном?

— За этим окном люди, — ответил мальчик. — Они обнимаются, целуются и занимаются любовью.

Доктор нарисовал круг и спросил:

— А что приходит тебе в голову, когда ты смотришь на это?

— Это люк.

— А что за этим люком?

— За этим люком бал: там люди без одежды, они пьют и занимаются любовью.

— Сынок, не выйдешь ли ты из комнаты? Я бы хотел обсудить это с твоей матерью.

Мальчик поднялся и уже в дверях он обернулся и сказал:

— Док, нельзя ли мне взять те грязные картинки, которые вы нарисовали?

Закрытый ум продолжает интерпретировать жизнь, существование в соответствии с собственными, собранными бессознательно, предрассудками и концепциями, и поэтому он остается недоступным для реальности. Даже если ты столкнешься с буддой, даже если ты встретишь Христа, Кришну или Конфуция, ты упустишь. Они могут говорить с тобой о высшем, но ты будешь слушать лишь о повседневном. Они будут говорить о священном, но ты не будешь слушать то, что говорят *они*; ты будешь слушать в соответствии со своим закрытым умом. У него есть навязчивые идеи.

У медсестры был выходной, и доктор высунул голову в коридор, чтобы спросить:

— Кто следующий?

Один парень поднялся и сказал:

— Я, док.

— В чем ваша проблема? — спросил доктор. Парень сказал ему. Доктор схватил его за руку, затащил его в комнату и закричал:

— Никогда больше не делайте этого, особенно когда в комнате полно людей. В следующий раз говорите, что вас беспокоят нос или глаза.

Через пару недель парень пришел снова. Медсестры снова не было, и когда доктор спросил, кто следующий, отозвался тот же самый парень.

— Что вас беспокоит? — спросил доктор.

— Ухо, — ответил парень.

— Что с ним не в порядке?

— Я не могу через него мочиться!

Даже замечательный совет бесполезен — ты будешь приходить к собственным заключениям снова и снова.

Ашока, именно так ты упускал многое из того, что возможно здесь. Будь открыт — тебе нечего терять. Будь открыт! Просто взгляни: что ты можешь потерять, если ты раскроешься? Что у тебя есть? Но люди продолжают охранять свою пустоту, свое ничтожество, свои чаши для подавания, они так боятся.

В Индии есть история о том, как голого человека спросили:

— Мы никогда не видели, чтобы ты купался.

— Я никогда не купаюсь, потому что если положить одежду на берег и пойти купаться в реке, кто-то может украсть ее.

Люди сказали:

— Но ты же голый! Зачем тебе беспокоиться об одежде?

Но человек не готов увидеть даже того, что он голый. Он хочет верить в то, что он прекрасно одет. Кто хочет увидеть свою наготу?

Да, Ашока, ты пустой, ты голый. Тебе нечего терять. Расслабься и раскройся. Тебе предстоит получить многое, все — всю вселенную. Просто проснувшись, человек становится мастером; иначе он остается рабом.

Третий вопрос:

*Возлюбленный Мастер,
Посмотрим, как Ты вывернешься на этот раз, увертливый негодяй! Ты часто говоришь нам, что саньяса означает отречение не от мира, но от эго. Все же, когда мы решаем быть с Тобой, в конце концов нам приходится отречься от наших домов, работ, денег и собственности, а также нашего личного пространства, а иногда — семьи и друзей. Мы не совершаем никакого формального отречения, но оно происходит все равно, и мы расцветаем, и мы совершенно счастливы. Ты так коварен, это так красиво!*

У саньясы может быть две возможности. Одна — формальное отречение. Это значит подавление, это значит бегство. Это уродливо. Так было в прошлом. Это отрицание жизни, это против жизни. Формальная саньяса обещает тебе все радости жизни на небесах. Фактически, ты отрекаешься от мира из жадности. Формальное отречение ложно; оно искусственно. Это не настоящий цветок, у него нет аромата. Наоборот, глубоко внутри это великая жадность: жажда другой жизни, вечной жизни, радостей небес.

Просто взгляни в писания мира, и ты удивишься. То, как они описывают небеса, есть не что иное как мечта очень жадного, чувственного, материалистического ума. Это не имеет совершенно ничего общего с религией.

В мусульманском представлении о небесах есть красивые женщины; они всегда остаются молодыми. И не только красивые женщины. Поскольку в мусульманских странах гомосексуализм был очень долгой традицией, в раю имеются и красивые мальчики. И реки вина — не нужно идти в бар! ...реки вина. Пей, плавай, глубоко ныряй в вино! Деревья золотые, цветы — изумрудные и бриллиантовые. Что это за мечта? Чья это мечта? Это проекция жадности. Это не отречение. Это выглядит как отречение, но это не так.

То же самое касается индуистских небес и христианского рая. Фактически, христианское слово «рай» происходит от арабского *фирдаус*. Фирдаус означает «огражденный сад удовольствий». Чтобы достичь его, ты должен отречься от этого мира.

Если ты согласишься на это в истинном свете, так называемые мирские люди не настолько мирские и материалистичные, как так называемые люди не от мира. Именно поэтому эта страна, которая считает себя очень религиозной, совершенно не религиозна; она очень материалистична: на поверхности религия, но глубоко внутри — жажда удовольствий.

Второй вид саньясы — вид, который представляю миру я, — это не формальное отречение. Фактически, я вообще никогда не пользуюсь словом «отречение». Я говорю: Саньяса это

наслаждение. Радуйся жизни, любви, медитации, красотам мира, экстазу существования — радуйся всему! Преврати обыденное в священное. Преврати этот берег в другой берег. Преврати эту землю в рай.

И тогда косвенно начинает происходить определенное отречение. Но оно происходит, ты не делаешь его. Это не действие, это событие. Ты начинаешь отрекаться от своей глупости; ты начинаешь отрекаться от чепухи. Ты начинаешь отрекаться от бессмысленных отношений. Ты начинаешь отрекаться от работ, которые не удовлетворяли твое существо. Ты начинаешь отрекаться от тех мест, в которых не был возможен рост. Но я не называю это отречением, я называю это пониманием, осознанностью.

Если ты носишь в руке камни и думаешь, что это бриллианты, я не скажу тебе отречься от этих камней. Я просто скажу: «Будь бдителен и посмотри снова!» Если ты сам увидишь, что это не бриллианты, нужно ли от них отречься? Они сами упадут у тебя из рук. Фактически, если ты по-прежнему хочешь их нести, тебе придется совершить большое усилие, волевое усилие, чтобы продолжать их нести. Но ты не сможешь нести их долго; однажды увидев, что они бесполезны, бессмысленны, ты обязательно выбросишь их.

А когда твои руки свободны, ты можешь отправиться на поиски настоящих сокровищ. Настоящие сокровища не в будущем — как это говорилось в старых концепциях саньясы. Настоящие сокровища прямо здесь, сейчас.

В бухгалтерскую компанию недавно приняли на работу очень красивого молодого человека. Через некоторое время молодой человек пришел к мистеру Даймонду, начальнику отдела, и сказал:

— Мне неприятно это говорить, но некоторые из молодых леди в этом офисе очень искушают меня.

— Будьте тверды, молодой человек, — был ответ, — и вы получите награду на небесах.

Еще через несколько недель парень снова обратился с жалобой.

— Мистер Даймонд, — сказал он, — я не знаю, что мне делать! Теперь меня преследует эта красивая шатенка!

— Сопrotивляйся, сын мой, и ты будешь вознагражден на небесах.

— Я не знаю, как долго я еще продержусь, — сказал молодой человек. — Кстати, мистер Даймонд, как вы считаете, что это будет за награда, которую я получу на небесах?

— Корыто овса, осел!

Да, именно это ты и получишь! Если ты отрекаешься для того, чтобы что-то получить в мире ином, тебя ждет просто корыто овса, осел! Потому что это проекция жадности, а жадность остается неудовлетворенной. Так называемые религиозные люди жадны к вечному — а ты становишься религиозным, лишь когда жадность исчезает без следа.

Небеса не где-то в другом месте: это образ жизни. Как и ад — это образ жизни. Быть в аду значит жить бессознательно; быть в небесах значит жить сознательно. Ад создается тобой, как и небеса. Если ты продолжаешь жить бессознательно, из бессознательных желаний, инстинктов, мотивов, — которым ты приходишься не хозяином, а жертвой, — тогда ты создаешь вокруг себя ад. Но если ты начинаешь жить сознательной жизнью, привнося все больше и больше света в глубокие и темные уголки своего существа, если ты начинаешь наполняться светом, твоя жизнь становится экстазом от мгновения к мгновению.

Деревьям не нужно быть золотыми. Они совершенно прекрасны, как они есть. Фактически, дерево из золота было бы мертвым деревом. И розам не нужно быть из бриллиантов; бриллиантовые розы не будут розами, они не будут живыми. Лишь глупцам нужны реки вина. Человек, живущий сознательно, так пьян самой радостью дыхания, самой радостью бытия, радостью пения птиц и солнца, восходящего поутру... он так пьян существованием, что ему не нужно никаких других наркотиков — алкоголя, ЛСД, мескалина или марихуаны. Ему ничего не нужно! Он всегда в психоделическом экстазе, и этот экстаз вызывается тем, что высвобождается из его внутреннего существа; это его собственный аромат. Он не только

пьян — кто бы к нему ни пришел, кто бы не остался с ним, и он пьянеет от его существа.

Я пьяница! Если вы позволите себе быть здесь и открыться мне, вы обязательно станете пьяницами.

Вот что произошло. Я не коварен, я просто пьяница! Я не пытаюсь коварными способами заставить вас отречься от мира; я просто пытаюсь заставить вас осознавать реальный мир. Когда известно реальное, ложное исчезает. Достаточно узнать, что реальное это реальное: ложное исчезает, оно теряет осязаемость.

Если ты здесь, со мной, это не значит, что тебе пришлось отречься от своей семьи; наоборот, это значит, что ты нашла здесь свою настоящую семью. Если ты бросила работу, то не из-за того, что ты здесь; наоборот, здесь ты нашла свое творчество, здесь ты нашла свою радость. Ты нашла свою настоящую, подлинную работу; поэтому все ложное исчезло. Это процесс трансформации.

Но я никогда не делаю ударения на отречении; я настаиваю на том, чтобы ты больше и больше радовалась. И эта радость обязательно изменит образцы в твоей жизни. Когда ты медитируешь и начинаешь осознавать, ты не можешь оставаться прежней. Как ты можешь оставаться прежней? Как ты можешь продолжать делать те же самые глупости? Это было возможно в бессознательности; но теперь, когда ты стала сознательной, это невозможно.

Вернувшись после трехлетнего пребывания за океаном, солдат прибыл в лагерь рядом со своим домом. Естественно, он очень хотел поскорее увидеть свою жену, но, как ни пытался, он не смог выпросить больше двух часов увольнительной. Через шесть часов отсутствия он снова вернулся в лагерь.

— Какого черта ты опоздал на четыре часа? — рявкнул сержант.

— Видите ли, — сказал солдат, — когда я пришел домой, моя жена принимала ванну, и мне потребовалось четыре часа, чтобы высушить форму!

Когда ты живешь бессознательно, ты живешь по-другому.

Когда Том, подающий надежды молодой исполнительный директор страховой компании, появился на пороге дома своего друга Эда рано утром и попросился переночевать, Эда испугало пустое выражение его глаз.

— Что случилось, Том? Поссорился с женой?

— Мм-да, когда я пришел домой, я действительно устал как собака, и когда она попросила пятьдесят долларов на новое платье...

— Да?

— Ну, я думаю, я наполовину заснул или что-то в этом роде, потому что я ответил: «Хорошо, но давай сначала завершим эту диктовку».

Здесь что, одни англичане? До вас не доходит даже такая простая шутка? Живя бессознательной жизнью, вы не можете даже понимать шутки!

Когда ты поворачиваешься от ума к медитации, в ту же секунду это влияет на всю твою жизнь. Это естественно. Если этого не происходит, это неестественно. Твои отношения обязательно изменятся.

Например, человек считает, что он любит свою жену. Когда он начнет медитировать, любит он ее или нет, это станет ясным и прозрачным. Возможно, он никогда ее не любил. Возможно, он использовал ее как сексуальный объект или как заменитель матери. Возможно, он использовал ее, потому что не мог быть один, но при этом никогда не любил ее. Возможно, он от нее зависит; возможно, она очень полезна.

Но использовать другое человеческое существо безнравственно, уродливо — притворяясь, что ты его любишь... Я не говорю, что вы делаете это сознательно; это может быть чем-то бессознательным. Ты можешь даже не осознавать, что ты ее не любишь; ты можешь даже думать, что ты ее любишь. Возможно, ты не обманываешь ее специально; возможно, ты обманываешь и ее, и себя.

Но если ты начнешь медитировать, все станет ясно. В твоей жизни будет больше света; точно так же, когда ты вносишь свечу в темную комнату, ты начинаешь видеть отчетливее. В

темноте окно выглядело как дверь; теперь это больше не дверь. Или картина, рама картины, в темноте выглядела как окно; это больше не окно. Теперь, когда ты ясно видишь вещи, ты больше не можешь вести себя по-старому. Тебе придется измениться; тебе придется реорганизовать всю свою жизнь.

Вот что происходит с каждым саньясином. Если твоя любовь была истинной, она углубится; если она была ложной, она исчезнет. Если твое уважение к родителям было просто формальностью, оно исчезнет; если твое уважение к родителям было реальностью, оно будет становиться все более и более глубоким. Работа, которую ты делал — если она была удовлетворением твоего сердца, ты пойдешь в нее глубже.

Художник станет лучшим художником, у музыканта появится новое видение, у поэта появятся новые прозрения — если поэт настоящий, лишь тогда. Если поэт просто играл, складывая слова, и писал стихи лишь для того, чтобы прославиться, если его поэзия не была любовным романом, если он не был готов ради нее пожертвовать жизнью, тогда поэт исчезнет. Но он ни от чего не отречется. Ты не от чего не отречаешься! Некоторые вещи исчезают; появляется что-то другое.

Определенно одно: что бы ни произошло после медитации, после *моей* саньясы, это даст тебе больше осуществления, больше зрелости, укорененности, центрированности. Это будет жизнь, которая не только стареет, но и растет к высотам и глубинам. Ты начнешь жить не только горизонтальной, но и вертикальной жизнью. Ты будешь жить горизонтально, насколько это нужно; остальные же девяносто процентов твоей энергии начнут двигаться в вертикальное измерение, к высотам и глубинам.

Тогда эта земля, этот мир станет только возможностью для роста. Человек, который пользуется миром, землей, своей жизнью как возможностью для роста, на верном пути. Если вы не только стареете, но и взрослеете, вы жили правильно. Это не отречение; это радость, благодарность божественному.

Твое общество, твои родители, учителя, священники, политики — все они пытались тебе что-то навязать, и все это ты

несеешь. Но все, что было навязано, останется бременем, и ты будешь раздавлен его тяжестью, которая продолжает увеличиваться с каждым днем.

Функция мастера в том, чтобы избавить тебя от того, что с тобой сделали учителя, священники, родители и политики. Здесь я просто разъясняю вам это. Я не навязываю никакой дисциплины. Я не даю вам характер. Я просто даю вам больше сознания, больше света. Тогда ты должен найти свой характер. Тогда ты должен найти свой стиль и образ жизни.

Я даю тебе только маленькую свечу; тогда ты можешь найти свой путь в темноте жизни. Даже маленькой свечи достаточно. Если небольшое пространство вокруг тебя освещено, и ты можешь сделать три или четыре шага при свете, этого достаточно; потому что к тому времени, как ты сделаешь эти четыре шага, свет переместится на четыре шага вперед. С маленькой свечой человек может пересечь десять тысяч миль тьмы.

Я совсем не против жизни, в отличие от старой саньясы. В старой саньясе была очень странная идея: если хочешь достичь бога, ты должен стать антижизненным — как будто бог против жизни. Если бы бог был против жизни, жизнь не просуществовала бы и мгновения. Кто продолжает питать жизнь? Кто продолжает вливать в жизнь энергию?

Великий индийский поэт, Рабиндранат, сказал:

«Когда рождается ребенок, я танцую, я радуюсь. Почему? Потому что новый ребенок дает мне абсолютную уверенность в том, что бог еще не отчаялся, что он все еще надеется. Каждый новый ребенок приносит в мир надежду, что богу все еще интересно человечество, что он еще не отказался от этого проекта, что он все еще надеется, что будут рождаться будды, что он по-прежнему создает новых детей, что он еще не устал, что его надежда бесконечна и его терпение бесконечно».

Бог любит мир. Это его творение. Отвергать мир значит отвергать его. Если ты отвергаешь картину, ты отвергаешь и художника. Если ты осуждаешь стихи, ты осуждаешь и поэта. Если ты отказываешь танцу, ты отказываешь и танцору. И эта глупая логика продолжала существовать веками: прими бога, славь бога, но отвергни жизнь! И те же самые люди про-

должали снова и снова говорить, что бог создал мир. Зачем тогда он создал мир? Чтобы вы могли от него отречься? Чтобы вы могли от него отказаться? Чтобы вы могли осуждать его и становиться великим святыми?

Бог создал мир как возможность роста. Рост требует многих возможностей, вызовов.

Я слышал одну историю:

Фермер, старый фермер, зрелый и закаленный, однажды очень разозлился на Бога — а он был великим преданным. В тот день он сказал Богу в своей утренней молитве:

— Я должен сказать все как есть — с меня довольно! Ты не знаешь даже азов сельского хозяйства! Когда нужны дожди, дождей нет; когда дожди не нужны, ты их льешь. Что это за чепуха? Если ты разбираешься в сельском хозяйстве, спроси меня — я посвятил ему всю жизнь. Дай мне хотя бы один шанс: в следующем сезоне позволь *мне* решать, что случится.

Это древняя история. В те дни в людях было столько доверия, что они могли говорить с Богом прямо, и их доверие было таково, что они обязательно получали ответ.

— Хорошо, — сказал Бог, — в этом сезоне все решаешь ты!

Так и случилось, и фермер был очень доволен, потому что когда он хотел солнца, светило солнце, когда он хотел дождя, шел дождь, когда он хотел облаков, набегали облака. Он избежал всех опасностей, которые могли бы разрушить его посеги; он просто отказался от них — никаких сильных ветров, ничего такого, что может разрушить его посеги. И его пшеница выросла невиданно высокой; она стала выше человеческого роста. Он был очень доволен. Он думал: «Ну я ему покажу!»

Пожав урожай, он был очень озадачен. Пшеницы не было — пустые колосья без зерен. Что случилось? Такие большие растения — они были достаточно велики, чтобы на них созрела пшеница в четыре раза больше обыкновенной — но в них вообще не было зерен.

Вдруг он услышал смех, доносящийся с небес. Смеялся Бог.

— Что ты скажешь теперь?

— Я озадачен, — ответил фермер. — Никакой возможности разрушения не было, и было все, что полезно. Все прекрасно росло, и посеги были такие зеленые и красивые! Что случилось с моей пшеницей?

— Из-за того, что не было опасности, — ответил Бог, — из-за того, что ты избегал всех опасностей, для пшеницы рост стал невозможен. Для роста нужен вызов.

Вызов приносит целостность; иначе человек остается полым, пустым. Если предоставлены все условия, и в твоей жизни нет опасности, ты останешься полым и пустым. Бог дает жизнь лишь со всеми ее опасностями.

Моя саньяса — принятие этого вызова. Жить опасно — вот в чем заключается вся моя саньяса. Чем более опасно ты живешь, чем на больший риск ты решаешься, тем больше ты растешь, тем более ты становишься интегрированным, кристаллизованным, тем более твоя душа становится четким, определенным явлением. Иначе она остается туманной, облачной, сомневающейся.

Я целиком за жизнь. Если ты спросишь меня, Бог и его творение это не две отдельные вещи. Создатель стал своим собственным созданием. Создатель и созданное едины. Я безмерно люблю жизнь. Вот мое послание вам: Любите жизнь тотально! Вовлекитесь в жизнь! Ничего не сдерживайте, потому что, что бы вы ни сдерживали, это останется пустым. Посвятите себя жизни — нужна многомерная преданность.

Ученые говорят, что самые великие из человеческих существ используют лишь пятнадцать процентов своего потенциала — даже самые великие! Что говорить об обычных людях! Они используют от пяти до семи процентов своего потенциала. Подумать только: если бы каждый человек использовал сто процентов своего потенциала, если бы каждый человек был факелом, подожженным с обоих концов, с интенсивностью, страстью, любовью — тогда жизнь была бы шумным празднованием. По земле ходило бы столько христов и будд! Но из-за этой старой идеи об отречении мы многого лишились.

Я хочу принести в мир совершенно новую концепцию саньясы: саньясу, которая любит, саньясу, которая знает, как быть преданной, саньясу, которая идет в глубочайшее ядро жизни.

Но никто не может решить этого за тебя. Даже я не могу решать за тебя. Я могу лишь дать тебе увидеть вещи ясно. Я могу дать тебе карту, но идти тебе, путешествовать тебе, двигаться тебе. И помни одно: моя карта это карта лишь для меня, и не может быть точной картой для тебя. Она может дать тебе несколько намеков, несколько указаний, но не может в точности подходить тебе, потому что ты — совершенно другой человек. Ты так уникален, что ничья карта не может быть твоей картой. Да, поняв мою карту, ты осознаешь многие вещи в себе, но ты не должен следовать ей слепо; иначе ты станешь ложным человеческим существом.

Слушай меня, мои слова, мое молчание, мое существо. Постарайся понять, что происходит здесь, что передается здесь, и затем решай сам. Не перекладывай ответственность на плечи кого-то другого. Это не способ расти. Это не способ достичь.

Четвертый вопрос:

*Возлюбленный Мастер,
У меня много друзей, но мне в голову часто приходит вопрос «Кто настоящий друг?» Не скажешь ли Ты что-нибудь об этом?*

Сатьям,
Ты задаешь вопрос не с того конца. Никогда не спрашивай: «Кто настоящий друг!» Спроси: «А я кому-нибудь настоящий друг?» Это правильный вопрос. Почему ты волнуешься о других — друзья они тебе или нет?

Есть поговорка: Друзья познаются в нужде. Но глубоко внутри это жадность! Это не дружба, это не любовь. Ты хочешь использовать других как средство, а ни один человек

это не средство, каждый человек сам по себе это цель. Почему тебя так заботит, кто твой настоящий друг?

Молодая пара проводила медовый месяц, путешествуя по Южной Флориде. С дороги они увидели змеиную ферму и решили остановиться. Осмотрев местность, они завели разговор с человеком, который заботился о змеях.

— Боже, — сказала молодая невеста, — у вас действительно опасная работа! Вас никогда не кусают змеи?

— Кусают.

— Что же вы делаете, — настаивала она, — когда вас кусает змея?

— Я всегда ношу в кармане острый как бритва нож, и когда меня кусают, я делаю на месте укуса крестообразный разрез и высасываю яд из раны.

— Что? А что будет, если вы случайно сядете на змею? — не унималась невеста.

— В этот день, мадам, я узнаю, кто мои настоящие друзья!

Почему ты об этом беспокоишься?

Вот что должно быть настоящим вопросом: Дружелюбен ли я с людьми? Знаешь ли ты, что такое дружба? Это высочайшая форма любви. В любви обязательно присутствует похоть; в дружбе вся похоть исчезает. В дружбе не остается ничего грубого; она становится абсолютно тонкой.

Вопрос не в том, чтобы использовать другого, вопрос даже не в том, чтобы нуждаться в другом, вопрос в том, чтобы делиться. У тебя есть слишком много, и ты хотел бы поделиться. И каждому, кто готов разделить с тобой твою радость, твой танец, твою песню, ты будешь благодарен, ты будешь признателен. Не он должен чувствовать себя обязанным, не он должен чувствовать к тебе благодарность за то, что ты столько ему дал. Друг никогда не мыслит таким образом. Друг всегда чувствует благодарность к тем людям, которые позволили ему их любить, дать им то, что у него есть.

Любовь это жадность. Ты удивишься: английское слово *love*, любовь, происходит от санскритского слова *лобх*; лобх значит жадность. Как «лобх» превратилось в «love» — стран-

ная история. В санскрите это значит жадность; таково первоначальное значение этого корня. И та любовь, которую мы знаем это на самом деле не что иное как жадность, переодетая любовью — это скрытая жадность.

Сатьям, заводить дружбу с идеей о том, чтобы использовать людей, значит делать неправильный шаг с самого начала. Дружба должна делиться. Если у тебя что-то есть, поделись этим — и каждый, кто готов разделить это с тобой, твой друг. Это не дело нужды. Вопрос не в том, что когда ты в опасности, друг должен прийти тебе на помощь. Это неважно — он может прийти, он может не прийти, но если он не придет, у тебя не будет жалоб. Если он приходит, ты благодарен, если он не приходит, все в полном порядке. Делать это или нет, это его решение. Ты не хочешь им манипулировать, ты не хочешь заставлять его чувствовать себя виноватым. Ты не будешь ни на что жаловаться. Ты не будешь упрекать его: «Когда мне было плохо, ты не пришел — какой же ты друг!»

Дружба не принадлежит миру. Дружба это одна из тех редкостных вещей, которые принадлежат храму, а не лавке. Но ты не знаешь о такой дружбе, тебе придется ей научиться.

Дружба это великое искусство. За любовью стоит естественный инстинкт; за дружбой нет никакого естественного инстинкта. Дружба это нечто сознательное; любовь бессознательна. Ты влюбляешься в женщину... Почему мы говорим «упасть в любовь»? Эта фраза значительна: «упасть в любовь». Никто не поднимается в любовь, все *падают* в любовь! Почему мы падаем в любовь? — потому что это падение из сознательного в бессознательное, из разума в инстинкт.

В том, что мы называем любовью, больше животного, чем человеческого. Дружба абсолютно человечна. В ней есть нечто, для чего в твоей биологии нет встроенного механизма; она не биологична. Поэтому человек поднимается в дружбе, он не падает в дружбу. В ней есть духовное измерение.

Но не спрашивай: «Кто настоящий друг?» Спроси: «А я — настоящий друг?» Будь всегда озабочен самим собой. Мы всегда думаем о других. Мужчина спрашивает, действительно ли его любит женщина. Женщина спрашивает, действительно ли ее любит мужчина. Как можно быть абсолютно уверенным в

том, что касается другого? Это невозможно! Он может тысячу раз повторять, что он любит тебя и будет любить всегда, но все равно сохранится сомнение: «Кто знает, говорит ли он правду?» Фактически, повторение одного и того же тысячу раз просто говорит о том, что это, должно быть, ложь, потому что правду не нужно столько раз повторять.

Адольф Гитлер в своей автобиографии говорит: «Между правдой и ложью нет большой разницы. Единственное различие в том, что правда это ложь, повторяемая так часто, что ты забыл, что это ложь».

Именно это говорят специалисты по рекламе: продолжай повторять, продолжай рекламировать. Не беспокойся о том, слушает кто-то или нет. Даже если никто не обращает внимания, не волнуйся; их подсознательный ум слушает, впечатление откладывается в их глубочайшем ядре. Ты не смотришь рекламы очень сознательно; но когда ты просто просматриваешь их в фильме, по телевизору или в газете, откладывается отпечаток. И в них повторяются снова и снова: «туалетное мыло Люкс», или «кока-кола»...

Кока-кола это единственная интернациональная вещь. Даже в Советской России: «Кока-кола...» Все американское осуждено и запрещено, но только не кока-кола. Кока-кола это единственная международная вещь! Продолжай повторять!

Поначалу электричество использовалось для рекламы — статическое электричество. Горела надпись «Кока-кола». Но впоследствии было обнаружено, что если включать и выключать ее, это гораздо более эффективно, потому что если свет остается неподвижным, проходящий мимо человек прочтет надпись только один раз. Но если он мигает, загорается и гаснет снова, проходя мимо, даже проезжая в машине, ты прочтешь ее, по меньшей мере, пять-семь раз: «Кока-кола, кока-кола, кока-кола, кока-кола...» Это идет глубже. И рано или поздно это производит на тебя впечатление.

Именно так до сих пор жили религии: они продолжают повторять одни и те же глупые верования, но эти верования становятся для людей истиной. Люди готовы умирать за них! Никто не небес, но миллионы людей умерли за небеса.

Мусульмане говорят, что если ты умираешь в религиозной войне, ты тут же отправляешься на небеса, и все твои грехи прощены. Христиане также говорят, что если ты погибнешь в религиозной войне, в крестовом походе, ты тут же попадешь на небеса; все остальное прощено. И миллионы людей умирали и убивали других, веря, что это правда.

Мы видели, как эти вещи происходят даже в двадцатом веке; кажется, в этом смысле человечество еще не стало взрослым. Адольф Гитлер двадцать лет постоянно повторял: «Евреи — причина всех несчастий», и такая разумная нация как Германия начала верить в него. Что говорить об обычных людях? — даже такие люди как Мартин Хайдеггер, один из величайших философов, которых Германия произвела в этом веке, считал, что Адольф Гитлер прав. Он поддерживал Адольфа Гитлера.

Человек разума Мартина Хайдеггера поддерживает глупого, сумасшедшего Адольфа Гитлера! В чем секрет? Вот этот секрет: повторяй, продолжай повторять. Даже евреи стали верить, что это, должно быть, правда: «Должно быть, причина в нас; иначе почему в это верит столько разумных людей? Если столько людей верит в этом, в этом, наверное, что-то есть!»

Тебя воспитывали с такими верованиями, с такими идеями, для которых нет никакого основания в реальности. И если ты будешь продолжать жить согласно им, ты будешь жить тщетно. Тебе придется пройти через радикальные перемены.

Задавай вопросы о себе, не о других. Быть уверенным в другом невозможно, да и не нужно. Как ты можешь быть уверенным в другом? Другой это поток. В это мгновение человек может быть любящим, в другое мгновение он не будет любящим. Не может быть никаких обещаний. Ты можешь быть уверен только в себе, и то лишь на мгновение. Нет необходимости думать обо всем будущем. Думай в терминах этого мгновения и настоящего. Живи в настоящем.

Если это мгновение наполнено дружбой и ароматом дружбы, зачем беспокоиться о следующем мгновении? Следующее мгновение родится из этого. И оно обязательно будет иметь более высокое, глубокое качество. Оно поднимет этот аромат

к высшим высотам. Не нужно об этом думать — просто проживи мгновение в глубокой дружбе.

Дружба необязательно должна быть адресована к кому-то в частности; это тоже гнилая идея: «ты должен дружить с определенным человеком» — просто будь дружелюбным. Вместо того, чтобы создавать дружбу, создай дружелюбность. Пусть она станет частью твоего существа, климатом, который тебя окружает, чтобы ты был дружелюбен с каждым, с кем ты входишь в контакт.

Подружись со всем существованием! Если ты можешь подружиться с существованием, существование подружится с тобой тысячекратно. Оно отражает тебя как эхо. Если ты бросаешь в существование камни, в ответ ты получишь еще больше камней. Если ты бросаешь цветы, ответом будут цветы.

Жизнь это зеркало, и она отражает твое лицо. Будь дружелюбным, и она отразит твою дружелюбность. Люди прекрасно знают, что если подружиться с собакой, даже собака будет тебе другом, таким другом! А есть люди, которые знают, что если ты дружелюбен с деревом, и дерево дружелюбно с тобой.

Проведи великие эксперименты в дружбе. Попробуй дружить с кустом розы, и ты увидишь чудо: мало-помалу это случится: поскольку человек не вел себя дружелюбно с деревьями, они очень боятся.

Но сейчас ученые говорят, что если ты приходишь в лес с топором, чтобы срубить дерево, еще до того, как ты начинаешь рубить, оно дрожит. Оно чувствует великий страх, панику. Ты еще не начал, но само намерение — дерево осознает твое намерение! Теперь у нас есть такие изощренные инструменты как кардиограф, которые могут графически отражать на бумаге, как чувствует себя дерево. Когда дерево чувствует радость, в графике есть определенный ритм; когда оно боится, страх отражается на графике. Когда дерево видит, что идет друг, оно радуется, прыгает, танцует; график тут же показывает танец. Когда дерево видит, что идет садовник...

Здоровался ли ты когда-нибудь с деревом? Попробуй, и однажды ты будешь удивлен: дерево тоже здоровается по-своему, на своем собственном языке. Обними дерево, и вскоре

придет день, когда ты почувствуешь, что не только ты обнимал дерево — дерево отвечало, дерево обнимало тебя, хотя у него и нет рук. Но у него есть свои способы выражать радость, печаль, гнев, страх.

Все существование чувствительно. Вот что я имею в виду, когда говорю, что все существование божественно.

Будь дружелюбен, Сатьям, и не волнуйся о том, кто дружелюбен с тобой, а кто нет — это меркантильный вопрос. О чем волноваться? Почему бы не превратить все существование в своего друга? Зачем упускать такое великое царство?

Последний вопрос:

*Возлюбленный Мастер,
Почему тысячи людей со всего мира приезжают к Тебе?*

Мне очень трудно ответить на этот вопрос. Как я могу ответить за тысячи людей? У них разные причины.

Некоторые приезжают, потому что я их позвал: они могут знать об этом, а могут и не знать. Вероятнее всего, они об этом не знают, по крайней мере, сначала. Лишь позднее, когда они погружены в мою коммуну, в мой мир, мало-помалу они начинают осознавать, что их позвали, в точности как Иисус позвал Лазаря из могилы: «Лазарь, выходи!», и Лазарь вышел из могилы.

Жизнь, которой вы жили, была могилой — и я вас позвал. Некоторых из вас я позвал. Именно поэтому вы здесь. Об этих людях я могу сказать, почему они здесь, потому что я позвал их. Они были со мной многие жизни: с ними это долгая любовь. Они со мной не в первый раз: несомненно, это последний раз, потому что я больше не приду. Я позвал их из-за определенных обещаний, данных в прошлом.

Но есть много видов людей. Некоторые пришли просто случайно; но, хотя они пришли и случайно, у них есть определенный потенциал, и этот потенциал вовлекся в меня. Они не пришли сознательно, их не звали — они просто проходили мимо, — и попались в сеть.

Некоторые пришли, чтобы удовлетворить свои потребности. Некоторые люди ищут фигуру отца, потому что Фридрих Ницше говорит: «Бог умер», а как только Бог умер, человек почувствовал себя пустым. Запад чувствует себя пустым: Бог умер, а Бог был отцом, постоянным, вечным отцом.

Не случайно христианских священников называют «отцами», хотя это и странно, потому что у них нет никаких детей, они не женятся. Это странный мир: неженатых священников называют «отцами»! Но это совершенно логично, потому что в христианской идее Бога нет женщин. Как им это удастся? Бог-отец, сын Христос — пусть, по крайней мере, Святой Дух будет женщиной! Но они не позволяют этого даже Святому Духу! Эта троица не настоящая, в ней чего-то не хватает, чего-то нет — и это женственная энергия.

Но, по крайней мере, был Бог. Если не мать, что был Бог, как отец, как защитник. И люди чувствовали себя защищенными — вопрос был не в том, есть ли Бог, просто люди чувствовали себя защищенными. А на земле был отец, священники или Папа — или *papa* — великий отец, величайший священник. «Поп» тоже значит отец — «папа», «попа», «поп», или как вам угодно его называть!

Но хватка Ватикана на западе ослабла; между Папой и западом лишь формальные отношения. Христианство стало воскресной религией. И в точности то же самое на востоке: все религии стали формальными. Теперь люди ищут фигуру отца.

Некоторые люди пришли сюда, потому что им не хватало защищенности, им нужна была защищенность. Либо они убегают от меня, потому что я не даю защиты... — напротив, я отнимаю всю безопасность. Я даю опасность, потому что для меня опасность это правильная ситуация для того, чтобы человек рос. Если нет Бога, нет отца, вся ответственность ложится на твои плечи — и это хорошо, очень хорошо.

Я абсолютно согласен с Фридрихом Ницше. Согласен и Будда. Будда говорит, что Бога нет, Махавира говорит, что Бога нет по той простой причине, что идея Бога была опасна — опасна в том смысле, что если люди чувствуют себя защищенными, они перестают расти. Если ты незащищен, если ты

под открытым небом, ты должен полагаться на самого себя. Тогда тебе придется стать более сильным, интегрированным. Тогда ты свободен жить в аду или в небесах; никто не может тебя наградить, никто не может тебя наказать.

Некоторые люди пришли, потому что им не хватает фигуры отца. Если они останутся со мной, я превращу эту ситуацию в красивое, позитивное явление; если они сбегают, это их выбор. Им будет очень легко сбежать, потому что они увидят, что я разрушаю их. Если в их умах осталась какая-то идея о защищенности, я разрушу и ее. Я отнимаю все образцы, структуры, стратегии ума.

Я хочу, чтобы ты был совершенно один, настолько один, что ты начнешь опираться на себя — больше ничего не остается, — что тебе придется стоять на собственных ногах, ты не сможешь пользоваться костылями.

Некоторые приходят, чтобы найти определенное утешение. Они тоже шокированы, потому что я не даю никаких утешений.

Хорошенькая модель пришла к психоаналитику, чтобы поделиться своими проблемами.

— Доктор, вы должны мне помочь! — взмолилась она. — Дошло до того, что каждый раз, когда я обедаю с мужчиной, я оказываюсь с ним в постели, а потом я чувствую себя виноватой и подавленной целый день.

— Понимаю, — кивнул доктор. — Вы хотите укрепить силу воли?

— Боже мой, нет! — воскликнула модель. — Я хочу, чтобы вы сделали так, чтобы потом я не чувствовала себя виноватой и подавленной!

Люди, многие люди, сознательно или бессознательно приходят сюда, чтобы найти какое-то утешение — какое-то утешение, чтобы не чувствовать себя виноватыми, чтобы не чувствовать себя недостойными. Я здесь не для того, чтобы давать утешения. Зачем давать утешения, если я могу дать вам что-то настоящее? Зачем давать пластмассовые игрушки, если я могу дать вам душу?

Некоторые пришли потому, что они на грани сумасшествия; психология, психоанализ и психиатрия мало чем помогают. Они могут помочь лишь до определенных пределов. Они могут помочь человеку быть нормальным, если он безумен обычным безумием, но они не могут помочь человеку, в безумии которого есть нечто духовное.

Такие люди как Р.Д. Лайнг начинают это осознавать: если человек сумасшедший из-за того, что он слишком чувствителен, слишком бдителен и слишком остро осознает страдание, в котором живут люди — и он сам; если он осознает бессмысленность всей той жизни, которую мы создали на земле, он обязательно придет в расстройство. Он не сможет этого терпеть — это невыносимо. Этим людям не может помочь психиатрия или психоанализ. Этим людям поможет, лишь если нечто подобное медитации начнет происходить в их существах.

Поэтому если ко мне приходит обыкновенный сумасшедший, я отправляю его обратно на запад, потому что психиатрия прекрасно может его излечить. Не нужно тратить время на таких людей: есть другие сантехники, которые могут это сделать! Я занимаюсь особенным видом сантехники. Если твое безумие духовно, я здесь для того, чтобы тебе помочь. Духовное безумие это на самом деле прекрасное начало; оно может стать величайшим благословением в твоей жизни. Это благословение, замаскированное под проклятие.

Но все же это трудный вопрос, потому что людей так много, и все они приходят с разными мотивами — я знаю, зачем здесь я, и я продолжаю делать свое дело независимо от того, почему сюда пришел ты!

Те, в ком растет что-то значительное, обязательно останутся со мной — те, кто достаточно смел, чтобы двигаться за пределы ума, за пределы всего. Те, кто не смел, уедут сами.

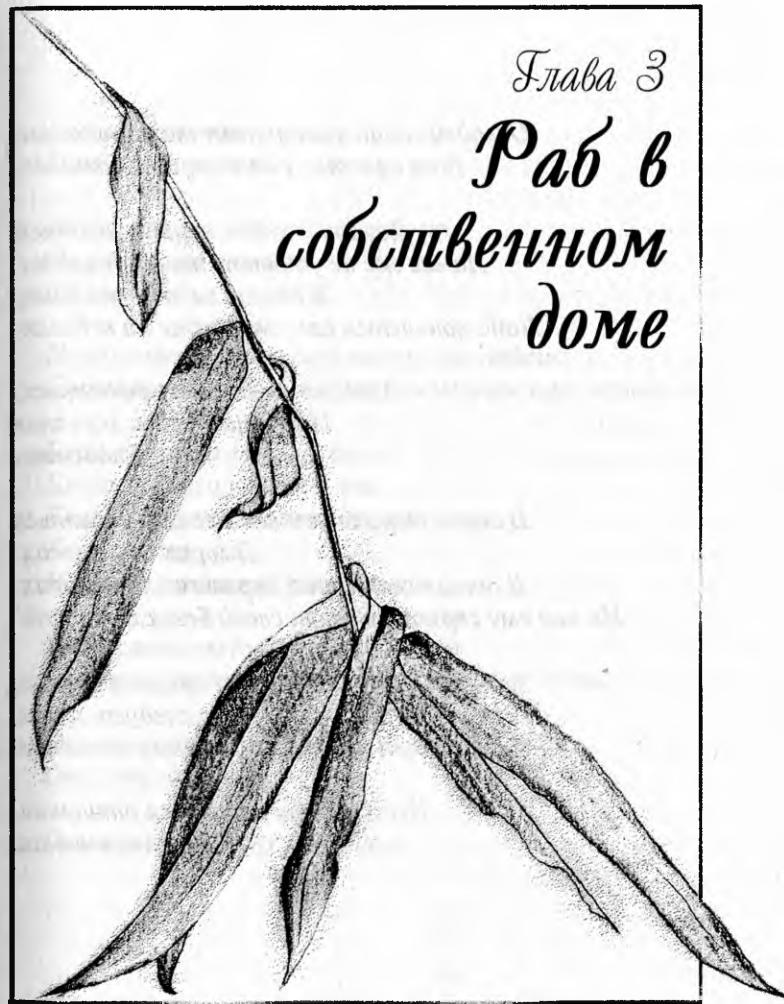
Многие будут призваны; немногие будут избраны. Тысячи придут, но лишь единицы будут трансформированы. Все зависит только от тебя. Ты можешь использовать возможность, которую я делаю доступной для тебя; ты можешь и упустить ее. Меня нельзя навязать тебе. Я доступен; ты можешь разде-

лить. Ты можешь смотреть моими глазами. Я открыл дверь и стою на пороге, приветствуя тебя.

Почему ты пришел, неважно. Входи!

На сегодня достаточно.

Глава 3
Раб в
собственном
доме

Овладей собой в соответствии с законом.
Вот простое учение пробужденных.

Дождь может стать золотым
Но все же не утолить твоей жажды.
Желание либо неутолимо,
Либо кончается слезами, даже на небесах.

Тот, кто желает проснуться,
Поглощает свои желания
Радостно.

В своем страхе человек может укрыться
В горах или в лесах,
В рощах священных деревьев или могилах.
Но как ему спрятаться от своей безысходности?

Тот, кто ищет приюта в пути,
И делит дорогу с теми, кто следует пути,
Приходит к четырем великим истинам.

Истины эти касаются отчаяния,
Начала отчаяния,

Восьмикратного пути
И конца отчаяния.

Тогда, наконец, он в безопасности.
Он страхнул отчаяние.
Он свободен.

Пробужденные редки, и их трудно найти.
Счастлив тот дом, в котором человек просыпается.

Благословенно его рождение.
Благословенно учение пути.
Благословенно понимание среди тех,
Кто следует ему,
И благословенна их решимость.

Благословенны те, кто почитает
Человека, который проснулся и следует пути.

Они свободны от страха.
Они свободны.

Они пересекли реку отчаяния.

*Овладей собой согласно закону.
Вот простое учение пробужденных.*

Человек может быть заинтересован либо в том, чтобы подчинить себе других и владеть ими, либо в том, чтобы овладеть своим собственным «я». К первой категории относятся дураки, но в истории они составляют большинство: Чингизхан, Тамерлан, Надир-шах, Александр, Наполеон, Сталин, Гитлер, Мао... История полна имен первой категории. Это не тот вид истории, которому нужно обучать.

Правильная история учила бы о буддах: о тех, кто попытался завоевать себя и завоевал себя. Гораздо труднее завоевать себя. Для этого нужно больше цельности, осознанности, силы, воли, доверия, самоотдачи. В своей основе это требует сознания. Человек может завоевать себя, лишь если он абсолютно бдителен; иначе им по-прежнему будут помыкать желания.

Ты — раб в собственном доме. Одно желание тянет тебя на юг, другое на север, и ты отдан на милость этих слепых желаний. Ты всегда распадаешься на части. Поразительно даже то, что тебе удается удерживать себя вместе: так много желаний, столь многое привлекательно, столь многое манит тебя. Ты просто в ненормальном состоянии, бегая туда-сюда, не зная, почему, не зная, стоит ли делать это.

Но человек рождается бессознательно, хотя у него и есть потенциальная возможность стать сознательным. И эта потенциальная возможность останется потенциальной, если ты не совершишь большой работы, чтобы претворить ее в жизнь. Человек рождается с свойственной ему способностью завоевывать себя, но вся его энергия становится экстравертной. Живя с людьми, которые экстравертны, честолюбивы, которые многого хотят, ребенок начинает подражать. Он учится у других — у своих родителей, учителей, священников, политиков, — а все они в одной и той же лодке. Кто-то гонится за деньгами, кто-то гонится за властью, кто-то гонится за славой, но никто не заинтересован в своем собственном существе. Ка-

жется, никто не готов отправиться в паломничество самооткрытия.

Будда говорит: *Овладей собой...* Если ты вообще заинтересован в овладении — а кто в нем не заинтересован? — тогда пусть твой интерес будет направлен на овладение собой. Не трать время на попытки подчинить других. Попытки подчинить других создают политический конфликт; конфликты переполняют весь мир. Политика входит даже в личные отношения и разрушает их. Даже если ты любишь женщину или мужчину, ум начинает коварные интриги, желая подчинять, владеть, разрушить свободу другого... потому что ты боишься. Ты боишься, что если не *ты* не подчинишь себе другого, другой подчинит себе тебя.

Тем, кто хочет подчинить себе других, следует учиться у Макиавелли. В Индии тоже был человек подобного типа; его звали Чанакья. Он опередил Макиавелли на тысячу лет. Оба эти человека представляют собой основу экстравертного ума; они заложили основы. И вот их первая основа: лучшая защита в нападении. Поэтому, прежде чем на тебя нападет другой, напади на него сам. Прежде чем тебя подчинит себе твоя жена, или прежде чем тебя подчинит себе твой муж, подчини его ты.

Молодой человек собирался жениться. Он спросил отца:

— Есть ли у тебя для меня совет?

И отец что-то прошептал ему на ухо. Молодой человек рассмеялся и сказал:

— Я об этом позабочусь.

Он пошел в город и женился. Когда пара вернулась в деревню, лошадь, которая привезла их из города, остановилась. Молодой человек очень разозлился. Он сказал лошади:

— На первый раз я тебя прощаю, но помни, я прощаю только два раза.

Лошадь тронулась с места, но через некоторое время снова остановилась и не хотела идти дальше. Молодой человек сказал:

— Это второй раз — теперь берегись!

И когда лошадь остановилась в третий раз, молодой человек слез, достал пистолет и застрелил ее на месте. Лошадь упала. Жена не могла поверить своим глазам: какая жестокость! Она сказала:

— Что ты делаешь?

Он ответил:

— Это первый раз... Помни, осталось еще только два раза.

И с того самого дня жена всегда слушалась его. Что ей оставалось?

Так происходило веками: либо муж, либо жена подчиняет себе другого. В девяносто девяти случаях из ста главенствует жена, потому что муж старается быть главным во внешнем мире, в миру. Он приходит таким усталым, таким разочарованным, что у него нет ни желания, ни воли, ни сил, чтобы бороться с этой женщиной. А женщина ждала весь день и копила силы. Ее энергия свежа, и ей некуда больше идти и некого подчинять; ей остается только муж.

Цена того, что муж заточил жену дома, велика, потому что тем самым он отнял у нее все остальные возможности для путешествий эго. У нее остался лишь один клапан — он сам, — и он много страдает. Фактически, Движение Освобождения Женщин это не просто освобождение женщин; если это действительно произойдет, это в гораздо большей степени будет освобождением *мужчин*. Поэтому я не вижу ни одного разумного мужчины, который был бы против него; все разумные мужчины за, потому что они знают, что если женщина действительно станет свободной, станут свободными и они. Это будет свободой для них обоих.

Это один из законов жизни: либо вы оба будете свободными, либо вы оба будете рабами. Невозможно, чтобы один был хозяином, а другой рабом. Закон заключается в том, что хозяин всегда бывает рабом своего раба, потому что его владычество зависит от раба. Без раба он совершенно не будет хозяином.

Ребенок видит вокруг всех этих людей, бегущих в одном направлении. Ребенок открыт, уязвим, готов к впечатлениям. Ребенку счень трудно найти Будду, найти Иисуса. Он всегда

находит всех этих глупцов, живущих свои жизни в абсолютной неосознанности. Он начинает им подражать. К совершеннолетию он уже совершенно структурирован, запрограммирован, обусловлен.

Не приложив огромного усилия к тому, чтобы избавиться от всей этой обусловленности, ты не будешь свободным. Пока ты не принял великого, концентрированного, непреклонного решения, что ты должен из нее выйти — даже если речь идет о самой жизни, и ты готов поставить на карту свою жизнь ради свободы от всех видов обусловленности, — возможность невелика. Но ты можешь принять решение.

В этом заключается вся саньяса: решительность, решение, преданность — преданность себе, подарок себе.

Овладей собой... потому что, овладев собой, ты входишь в царство божественного, ты входишь в настоящий мир покоя и блаженства. Ты входишь в свою собственную сокровищницу — и она неисчерпаема. Впервые ты познаешь богатство своего существа и экстаз своего существа.

Овладей собой согласно закону. Здесь есть возможность непонимания, потому что «согласно закону» в глазах христиан, иудеев и мусульман выглядит как «согласно закону, предписанному в их книгах: согласно Десяти Заповедям, Корану, Библии. Это не то, что имеет в виду Будда. «Согласно закону» не значит «согласно закону государства» или «закону, данному священниками». «Согласно закону» для Будды значит «согласно высшему закону жизни и существования».

Существует поразительная гармония — и ее может почувствовать каждый, кто хоть немного чувствителен, разумен, — жизнь есть гармоничное целое. Это не хаос, это космос. Почему это не хаос? — потому что закон пронизывает его насквозь, как нить пронизывает гирлянду. Эта нить невидима, ты видишь лишь цветы, но именно нить удерживает их вместе. Существование это гирлянда; и в нем есть нить, *сутра* — сутра означает нить, — очень тонкая, почти невидимая нить пронизывает все существование и превращает его из хаоса в космос.

«Согласно закону» в устах Будды означает: Будь в гармонии с природой, с существованием. Не борись с ним, не иди

против него. Не пытайся двигаться против течения, плыть против течения. Дрейфовать в существовании значит быть в гармонии с законом. *Эс дхаммо санантано* — это неисчерпаемый закон: если ты расслабляешься, если ты позволяешь закону охватить себя, овладеть собой, ты будешь им переполнен. Тебе не понадобятся путешествия эго. Река уже несет тебя к океану — ты просто следуешь за рекой. Не нужно даже плыть — нужно только дрейфовать, и ты достигнешь океана.

Овладей собой согласно закону. Будда ставит это условие, потому что опасность в том, что пытаясь овладеть собой, ты можешь начать использовать те же стратегии, которые ты использовал в подчинении других. Вот что делали в прошлом многие монахи: они начинают бороться с собой точно так же, как они боролись с другими, но борьба продолжается. Меняется объект, меняется враг, но борьба продолжается.

И они приходят в гораздо более глубокое замешательство, потому что борясь с собой, ты разделяешь себя надвое, ты становишься двумя сторонами. Ты должен осудить какую-то часть своего существа как врага. Это может быть секс, это может быть твое тело, это может быть твой ум, что угодно, но ты разделяешь себя надвое: высшее и низшее, небесное и земное, материальное и духовное, тело и душа... и тогда ты начинаешь бороться. Тогда *ты* становишься душой и начинаешь бороться с телом. Снова ты стал экстравертом.

Фактически, интроверт не может бороться; нет никакой возможности, потому что нет другого. С кем ты будешь бороться, кто будет бороться и за что? Остался только ты один; когда ты движешься вовнутрь, там лишь твое сознание. Нет ни причины, ни возможности бороться. Любая попытка борьбы обязательно создаст в тебе трещину — и это случилось с большей частью человечества.

Все человечество было низведено до состояния невроза; это шизофрения. Расщеплен каждый. И твои так называемые религиозные люди ответственны за это великое бедствие. Человек не действует как одно целое, как интегрированное целое; он действует как раздвоенная, расщепленная личность. Вот почему так трудно доверять человеку: в одно мгновение

он говорит одно, а в следующее мгновение прямо противоположное — потому что в одно мгновение он мог говорить из одной части своего существа, из души, а в другое мгновение из другой части, из тела.

Каким бы образом ты себя ни разделял, в действительности ты остаешься неделимым. Ты не тело и не душа; ты «телодуша», ты психосоматичен, ты единая индивидуальность, неделимая сущность. Поэтому Будда напоминает тебе: не начинай бороться с собой, чтобы стать хозяином.

Вот что делали веками разные глупцы: постились, мучили себя, лежали на ложе из колючек, ранили свои тела, разрушали свои глаза, отрезали половые органы. Миллионы людей делали такие глупости. Когда ты узнаешь об этом, это кажется невероятным.

В России был культ, христианский культ, основы которого требовали отрезать свои половые органы. Каждый год, в специальный день, они собирались тысячами и делали это в припадке массового безумия. Сначала это делал один человек, за ним следовал другой, и начинался сумасшедший дом. Тысячи людей начинали отрезать себе половые органы, все было залито кровью. Они были просто сумасшедшие, но им поклонялись.

У этого культа была одна проблема: как увеличить число своих сторонников. Поэтому они покупали или крали детей. Это было единственным способом; иначе они никогда не стали бы великой религией с миллионами последователей. Ни одна религия не хочет использовать методы контроля рождаемости, потому что тогда их ряды поредеют. Против контроля рождаемости католики, мусульмане, индуисты. Все они против контроля рождаемости по той простой причине, что это сократит их численность — а численность значит власть. Чем больше людей следует твоей церкви, тем больше у тебя власти. Это часть политики, силовой политики. Их не заботит будущее человечества, их не заботит страдание людей, их не заботит бедность.

Родить ребенка сейчас это значит почти совершить преступление, потому что мир уже перенаселен. Половина человечества голодает, и к концу этого столетия голод станет

таким острым, таким невыносимым, что земля станет сумасшедшей планетой. Единственным способом выжить для людей будет убийство или самоубийство, а ни то, ни другое не правильно.

А ответственны за это будут католический Папа, индуистский шанкарачарья, индуистские священники, потому что все они против контроля рождаемости. Они прекрасно говорят, они прекрасно обосновывают, что они против контроля рождаемости, потому что контроль рождаемости против природы. Если контроль рождаемости против природы, тогда Римский Папа должен быть и против медицины, потому что она тоже против природы. Если человек умирает от рака, пусть умирает, не давайте ему лекарство. Об этом Папа хранит абсолютное молчание. Фактически, христиане продолжают открывать новые больницы.

Если естественно рождение, естественна и смерть. Ты нарушаешь равновесие, не позволяя людям умирать, тогда нужно принять и вторую часть. Позволь людям умирать естественно; пусть они рожают столько детей, сколько хотят. Тогда не будет нарушения равновесия; природа уравнивает себя.

Только пятьдесят лет назад в Индии из десяти детей девять умирало в первые два года жизни; только один выживал. Теперь все наоборот; девять выживает, умирает один. Как это случилось за пятьдесят лет? Современная медицина совершила чудо; это изменило все равновесие. Если ты принимаешь медицину, принимаешь больницы, принимаешь то, что люди будут спасены от рака и туберкулеза, тогда тебе придется использовать контроль рождаемости. Как иначе удерживать население в нормальных, терпимых границах?

Эти русские секты всегда были в затруднении — где взять новых людей? Им было трудно приобрести сторонников из-за этих практик; поэтому единственным путем было покупать детей у бедных родителей или похищать их. Они практиковали и то, и другое, и покупку, и похищение — человеческих существ!

И таким практикам следовали во всем мире. Были люди, которые разрушали свои глаза, потому что глаза привлекают

к красоте. Они создают сексуальность, поэтому нужно разрушить глаза. Как можно разрушить сексуальность, разрушив глаза? Думаешь ли ты, что сексуальность находится в глазах? Думаешь ли ты, что слепые не сексуальны? Фактически, ты не можешь разрушить сексуальность, даже отрезав половые органы, потому что сексуальность находится где-то в глубине твоего черепа.

На самом деле, сексуальный центр это не сексуальный орган; это самая внешняя часть. Внутренний центр в мозге — в мозге есть центр. Когда включается этот центр, половой орган начинает оживать, но включение происходит сначала в мозге. Вот почему тебе могут сниться прекрасные сексуальные сны, оргазмы — это только ум! Вот почему возможна порнография; половые органы не могут понять порнографию, это работа мозга. Теперь найдено точное положение этого центра, и если его касается электрод, ты немедленно испытываешь оргазм — немедленно!

Есть люди — бихевиористы — которые рано или поздно разработают маленькую, в размер спичечного коробка, коробочку, которую можно носить в кармане; никто никогда ее не увидит. Ты можешь просто засунуть руку в карман и нажать кнопку, чтобы испытать сексуальный оргазм, просто идя по дороге. И даже в Индии никто не сможет их остановить! По крайней мере, не полиция, потому что никто не знает, почему у тебя такой довольный вид, почему у тебя на лице такая широкая улыбка!

Но опасность в том... и эта опасность велика; бихевиористы знают о ней. Они ставили эксперименты на крысах. Они создали небольшую машину, закрепили электроды в голове крыс и научили их нажимать на определенную кнопку, чтобы испытать сексуальный оргазм. Эти крысы сошли с ума! Они нажимали на кнопку столько раз — одна крыса нажала на кнопку шестьдесят тысяч раз! Она ничего не ела, не пила, забывала обо всем; она продолжала и продолжала, пока не упала мертвой. Она так устала, но это такая радость... она рискнула всем!

В глазах нет сексуальности, нет ее и в половых органах; она находится где-то в мозге.

Я слышал древнюю притчу:

Говорят, что когда создатель создавал мир, он позвал человека в сторону и пожаловал ему двадцать лет нормальной половой жизни. Человек пришел в ужас:

— Только двадцать лет?

Но создатель не уступал. Это не хотел дать ему больше ни года.

Затем он позвал обезьяну и дал ей двадцать лет.

— Но мне не нужно двадцать лет, — сказал обезьяна. — Десяти больше чем достаточно!

Человек заговорил:

— Нельзя ли мне взять эти десять лет?

Обезьяна с радостью согласилась.

Он позвал льва и дал ему двадцать лет. Льву тоже нужно было только десять. И снова человек сказал:

— Нельзя ли мне взять эти десять лет?

— Конечно, — прорычал лев.

Затем подошел осел. Ему дали двадцать лет, но и другим, ему хватило десяти. Человек попросил оставшиеся десять лет и получил их.

Это объясняет, почему у человека есть двадцать лет нормальной половой жизни, десять лет обезьянничанья, десять лет льва, а в следующие десять лет он ведет себя как осел.

Из всех этих животных человек кажется самым глупым. Все говорят: «Десяти лет достаточно». Человек, кажется, крепче всех охвачен когтями желания: еще и еще... Что бы он ни имел, этого не достаточно, никогда не достаточно. Это создает отчаяние, это делает его рабом. «Еще» это твой хозяин. Осознать эту ловушку, создаваемую постоянным желанием большего, значит совершить очень нужный шаг к овладению собой.

— Что-то стряслось? — спросил бармен у хорошо одетого молодого покупателя, который сидел, бессмысленно уставившись в свой стакан.

— Два месяца назад умер мой дедушка, оставив мне восемьдесят пять тысяч долларов, — сказал молодой человек.

— Тут будто бы не о чем расстраиваться, — сказал бармен, протирая стакан. — Я бы от такого не отказался!

— Да, — ответил грустный молодой человек. — Но месяц назад скончался мой дядя по матери. Он оставил мне сто пятьдесят тысяч долларов.

— Так почему вы выглядите таким несчастным? — спросил бармен.

— В это месяце до сих пор ни цента!

Ты ничем не можешь быть удовлетворен, потому что ум всегда требует большего. Это желание большего создает отчаяние, делает тебя рабом. Желание большего не позволяет тебе жить согласно вселенскому закону. Ты начинаешь бороться за большее. Внешнее это или внутреннее, не имеет значения; если ты борешься за что-то большее, ты идешь против своей природы.

Доверяй природе, будь в ней расслаблен. Она позаботится. Она всегда обеспечивает тебя всем, что действительно нужно, а если она не обеспечивает тебя, значит, этого на самом деле не нужно.

Будда говорит: *Овладей собой согласно закону. Вот простое учение пробужденных.* Нужно обратить внимание на одну вещь: Будда говорит: «пробужденных». Он не говорит: «Это учение Гаутамы Будды». Он просто говорит: «пробужденных» — кто бы ни был пробужден. Он не делает это личным утверждением, он присваивает это вселенной: Кто бы ни был пробужден, таким будет его учение. Это очень редко, это уникально. Пробуждение может случиться с каждым: оно случилось с Иисусом, оно случилось с Лао-цзы, оно случилось с Басе — оно может случиться с каждым. Будда говорит, что кто бы ни был пробужден, таким будет его учение.

Овладей собой согласно закону. Вот простое учение пробужденных. Он абсолютно безличен, личности нет. Он — это лишь присутствие, проводник вселенского закона, говорящий не от себя, но от божественного, позволяющий божественному воспользоваться собой как медиумом.

*Дождь может стать золотым,
И все же не утолит твоей жажды.
Желание либо неутолимо,
Либо кончается слезами, даже на небесах.*

Желание неутолимо. Почему? — потому что желание означает желание большего; как его утолить? К тому моменту, как ты его исполняешь, оно уже требует большего. Ты хотел десять тысяч рупий; к тому моменту, когда ты добываешь десять тысяч, желание уже отодвинулось от тебя — оно просит сто тысяч. К тому моменту, как ты достигнешь этого, желание отодвинется. Оно всегда опережает тебя; расстояние между вами всегда остается прежним.

Между нищим и его желанием такое же расстояние, как и между Александром Великим и его желанием. Оба они одинаково бедны. Возможно, у Александра есть многое, но это не имеет значения — он не удовлетворен тем, что у него есть.

Рассказывают, что Диоген однажды сказал Александру:

— Ты никогда об этом не думал? Медитируй на это: ты хочешь завоевать мир, но знаешь ли ты, когда ты завоеуешь мир, что тогда? Другого мира нет. Что ты будешь делать тогда?

И говорят, что когда Диоген сказал это, Александр был очень опечален, и он ответил:

— Пожалуйста, не говори о таких грустных вещах — позволь мне сначала завоевать весь мир, а тогда посмотрим. Но не говори со мной о таких грустных вещах; они очень печалят меня.

Он еще не завоевал весь мир, но одна мысль: если ты завоеуешь весь мир, что ты будешь делать? Другого мира нет, и ты почувствуешь, что застрял. Ум будет просить большего.

Ум живет в «еще», но это «еще» не может быть удовлетворено; это невозможно. Оно *кончается слезами*. Каждое желание кончается разочарованием, потому что каждое ожидание есть разочарование с самого начала. Почему каждое желание кончается разочарованием? Есть лишь две возможности: либо ты достигаешь объекта желания, либо ты не достигаешь его,

но в обоих случаях оно закончится слезами. Если ты достигнешь его, ты увидишь полную тщетность всего этого.

Богатый видит тщетность своих богатств — сколько он трудился, сколько он работал ради этого! А теперь все, чего он достиг, абсолютно бесполезно, оно ничего не осуществляет. У тебя может быть три или четыре дома, один в городе, второй на холмах, третий на берегу моря, но ты — тот же самый человек, такой же пустой, как и раньше. Ты можешь жить во дворце, но как тебе изменить свою внутреннюю бессмысленность? Во дворце ты будешь так же бессмыслен, как и в хижине.

Фактически, ты будешь еще более бессмысленным во дворце, потому что пока ты был в хижине, все же ты мог надеяться, что однажды тебе удастся оказаться во дворце, и тогда все будет хорошо. Ты можешь надеяться, но у человека, который *во дворце*, нет надежды, он чувствует полную безысходность. Не может он этого сказать и другим, потому что это было бы глупо. Люди подумают, что ты столько работал...

Только подумай об Александре Великом: он посвятил всю свою жизнь завоеванию мира. И когда он завоевал его, если бы он сказал миру: «Это было бесполезно. Я потратил впустую свое время и свою жизнь», люди подумали бы, что он глуп. Разве и так было непонятно?

В Индии есть древняя история:

Муж, находящийся под каблуком у своей жены, кому-то сказал:

— Что мне делать? Моя жена так любит командовать.

Друг предложил:

— Ты не должен был допускать этого с самого начала, но теперь это трудно. Все же еще не поздно. Сегодня напейся для храбрости. Затем пойди домой, начни кричать, стучать в дверь, войди в дом, все расшвыряй, и пусть она почувствует, что ты мужчина. Побей ее, задай ей хорошую трепку! Разбейся с этим раз и навсегда.

Этот человек напился, хотя ему и было страшно:

— Это кажется невозможным — я не могу этого сделать. Но, может быть, выпивка поможет.

Он выпил, почувствовал себя действительно хорошо и весь раздулся, но пока он подходил к своему дому, постепенно он протрезвел; действие алкоголя проходило. Возникал страх, но он поддерживал в себе храбрость, повторяя:

— Этот человек мудр, и если я сделаю это хотя бы раз, все будет решено раз и навсегда. Дело того стоит.

И он стал стучать в дверь, кричать и все разбрасывать.

Его жена очень разозлилась. Она так разозлилась, что отрезала ему нос ножом. Без носа ему стало очень трудно жить в городе, поэтому он ночью бежал из города — однажды ночью он бежал. Но, куда бы он ни пошел, люди спрашивали:

— Что случилось с твоим носом?

И он стал *садху*, он стал монахом и отрекся от мира. Он сказал, что отрекся от мира, от жены и всего остального. Ему нужно было найти объяснение исчезновению своего носа, и он говорил:

— Это последняя техника достижения, реализации Бога. В то мгновение, когда ты отрезаешь себе нос... именно нос является препятствием!

Он построил вокруг носа целую философию:

— Нос представляет эго.

И это правильно — нос представляет эго. Эго можно увидеть в носу — нигде больше оно так не очевидно!

Он убедил нескольких людей. Метод казался простым — просто отрежь нос, и ты достигнешь высшей истины и блаженства, — а он всегда выглядел блаженным. Он притворялся, но что еще ему оставалось? — без носа ему нужно было как-то спасти лицо! А без носа это трудно, поэтому он всегда смеялся, танцевал и всегда был в экстазе.

Несколько дураков согласились отрезать себе носы, и он отводил их в лес по одному, отрезал нос и говорил:

— Ты видишь Бога?

— Я ничего не вижу, а моего носа больше нет, — отвечал человек.

— И я ничего не вижу, — говорил тогда этот человек, — Но теперь лучше никому этого не говори, потому что твоего носа

больше нет, так же как и моего. Будь частью заговора. Скажи другим... изобрази экстаз и скажи другим, что ты достиг Бога. Что теперь ему оставалось? Нос обратно не приставишь; в те дни не существовало пластической хирургии. Это казалось единственным разумным путем. Поэтому человек ходил по городу, танцевал и говорил другим:

— Это великий мастер — я увидел Бога. Какой опыт! Я так блажен, и блаженство продолжает изливаться на меня! Я в экстазе двадцать четыре часа в сутки, и Бог всегда со мной.

Он говорил о великих вещах. У индийцев огромная способность говорить о великих вещах; веками они говорили, говорили и говорили.

Еще несколько человек заинтересовалось, и постепенно он стал собирать толпы. Чем больше вокруг него появлялось людей без носов, тем больше почвы приобретала теория. Заинтересовался даже король:

— Если есть такой простой метод — почти как Трансцендентальная Медитация! — почему бы не попробовать?

Но премьер-министр немного сомневался и был настроен скептически. Он сказал:

— Подожди, не торопись. Позволь мне сначала навести справки.

И он поймал этого человека, побил его и спросил:

— Скажи мне правду, или я тебя убью!

И тот рассказал правду:

— Все из-за того, что жена отрезала мне нос; что мне еще оставалось делать? Мне пришлось найти какой-то способ спасти свое лицо, и это показалось самым простым и привлекательным способом. И теперь я совершенно счастлив: я создал движение, обо мне заботятся, и ты не поверишь — даже моя жена, которая прекрасно знает, что она отрезала мне нос, пришла ко мне однажды и спросила:

— Что произошло?

И я сказал:

— Хотя ты и отрезала мне нос... но в тот момент, когда мой нос упал, я увидел Бога!

И она подумывает о том, чтобы стать моей последовательницей, я как раз жду ее. Я хочу отрезать нос ей! Позволь мне от-

резать ей нос, а тогда можешь меня убить или делать со мной все, что хочешь. Позволь мне сначала отомстить!
Какой духовный способ мести!

Ты продолжаешь следовать другим, хотя и видишь, что они живут в страдании. Ты продолжаешь следовать тем, у кого есть власть, богатым, состоятельным, хотя ты и видишь, что их лица печальны, что их глаза пусты. Они не кажутся даже разумными; в них нет никакой грации, радости, красоты.

Если ты преуспеешь, тебе предстоит боль, потому что твой успех докажет истину: вся твоя жизнь потрачена впустую. Либо ты потерпишь поражение и будешь разочарован, потому что ты увидишь, что потерпел поражение, что не достоин, что ты ничего не стоишь. Ты начнешь осуждать себя.

Будда прав. Он говорит: *Оно кончается слезами.* Каждое желание, исполнено оно или нет, кончается слезами. И ни одно желание не кончается просто; прежде чем кончится, оно порождает другие желания. Оно остается континуумом: оно переходит из одного желания в другое, жизнь за жизнью.

*Тот, кто хочет проснуться,
Поглощает свои желания
Радостно.*

Либо ты будешь поглощен своими желаниями, либо тебе придется поглотить их. Что имеет в виду Будда, говоря: «Поглоти свои желания?» Он просто имеет в виду: свидетельствуй, наблюдай. Все это глупо.

Разумный человек живет радостно, удовлетворенно, какой бы ни была ситуация, в которую он попал, что бы он ни имел. Он живет радостно, благодарно, признательно. Ты можешь отнять у него его собственность, но ты не можешь отнять его радость, потому что он знает, как жить радостно.

Он не зависит ни от чего, ни от каких внешних причин. Его радость есть его внутреннее понимание: понимание того, что извне никто еще не получил радости, что желание всегда приводит человека к слезам. В видении природы желания его

желание исчезает; он живет без желания. А жить без желания значит жить в удовлетворенности, значит жить без жажды большего. Тогда, что бы то ни было, этого достаточно.

Либо ты живешь в желании, либо в благодарности: помни это. Человек, живущий в желании, не может быть благодарным божественному, он может лишь продолжать бесконечно жаловаться; он всегда будет ворчать. Но у человека, не имеющего желаний, есть лишь благодарность. Даже того, что у него есть, более чем достаточно — это больше, чем он заслуживает. Он всегда благодарен; в этой благодарности — красота и благословение.

*В своем страхе человек может искать приюта
В горах или лесах,
В рощах священных деревьев.*

Но как ему спрятаться от своего собственной безысходности?

Ты можешь бежать в пещеры, горы, леса, но как тебе убежать от себя? От себя убежать невозможно.

Единственный путь — это претерпеть трансформацию, стать пробужденным. Наблюдать, видеть, свидетельствовать свои желания, постепенно привнося пробуждение. *Тот, кто ищет приюта в пути...* Поэтому не иди больше никуда. Нет приюта, кроме дхаммы, кроме пути.

*Тот, кто ищет приюта в пути,
Деля дорогу с теми, кто следует пути,
Приходит к видению четырех великих истин.*

Будда говорит, не добавляя никаких прилагательных, просто «путь». Вот в точности значение дао — путь. Он не индуистский, не мусульманский, не христианский, не буддистский; это просто «путь». Ищи приюта в «пути».

Дхаммам шарамам гаччхами — я нахожу приют в законе, в пути. Так обращались к Будде те, кто хотел быть посвященным. Три приюта: найди приют в просветленном мастере, найди приют в его коммуне, найди приют в законе, в дхамме,

в пути. Буддхам шаранам гаччхами — это первый приют, — я нахожу приют в пробужденном.

Сангхам шаранам гаччхами — я нахожу приют в коммуне пробужденного. Дхаммам шаранам гаччхами — я нахожу приют в законе, в пути, в предельной гармонии существования. Эти три приюта бесконечно важны.

Сутра говорит: *Тот, кто ищет приюта в пути, деля дорогу с теми, кто следует пути...* Религия есть нечто такое, чему нельзя учить, но что можно только уловить. Она как инфекция: нельзя ей учить, но если ты живешь среди людей, которые уже подхватили ее, она заразна. Тогда постепенно тыстроишься на нее.

В одном из древних даосских писаний сказано, что даже если простую гальку бросить в груды бриллиантов, рано или поздно она станет бриллиантом. Это правда, но не о камнях — это правда о человеке.

Если ты становишься частью коммуны, где многие люди движутся к солнцу, к источнику света, любви, радости, долго ли ты сможешь волочиться позади? Рано или поздно дух коммуны одолеет тебя, затопит тебя.

Когда ты слушаешь хорошую музыку и начинаешь чувствовать ее глубоко у себя внутри, возникает своего рода синхронизация. Ты видишь, как танцует танцор, и чувствуешь, что твои ноги готовы начать танцевать; нечто передалось твоим ногам. Это невидимо, неизмеримо, бесплотно, но некая вибрация... ты ловишь вибрацию; тебе хочется встать и начать танцевать.

То же самое происходит в коммуне будды. Присутствие будды создает магнит невероятной силы. Он притягивает всех тех, кто храбр, он притягивает всех настоящих искателей, он притягивает всех тех, кто действительно человеческие существа. Постепенно создается коммуна. Если ты становишься частью коммуны, ты начинаешь двигаться вместе с коммуной на неизвестную территорию. Двигаться в неизвестные места легче, если найти многих людей, которые идут к этой предельной цели.

Тот, кто ищет приюта в пути, деля дорогу с теми, кто следует пути, находит четыре великие истины.

*Об отчаянии,
О начале отчаяния,
О восьмиступенчатом пути,
И о конце отчаяния.*

Все учение Будды можно разделить на четыре части. Четыре благородные истины он называет *арья сатья* — благородные истины. Первая в том, что ненаблюдаемая жизнь есть отчаяния, непросветленная жизнь есть отчаяние. Это самая фундаментальная истина, говорит Будда. Те, кто следует пути, начинают это осознавать: жизнь можно прожить двумя способами, сознательно и бессознательно. Если ты живешь бессознательно, ты будешь жить в отчаянии, ты будешь во власти слепых инстинктов.

Состоятельной американской вдове взбрело в голову жениться на человеке, у которого никогда раньше не было опыта секса с другой женщиной.

Она обратилась в международное детективное агентство, и через шесть месяцев они нашли австралийского джентльмена, который прекрасно подходил этой вдове.

В брачную ночь вдова, дрожа от волнения, окончила свой туалет и вошла в спальню, чтобы приветствовать своего мужа. К ее изумлению, он перетащил всю свою мебель, включая кровать, в гостиную.

— Зачем ты вытащил всю мебель? — спросила вдова.

— Знаешь ли, — ответил ее новый супруг, — Я никогда раньше не спал с женщиной, но если это что-то похожее на то, что делают кенгуру, нам понадобится много места.

Люди продолжают жить своими фантазиями, абсурдными фантазиями. Ты смотришь на свои собственные фантазии, и ты увидишь, что они смехотворны. Но ты никогда не видишь, что твои собственные фантазии смехотворны; легче увидеть смехотворность чужих фантазий.

Наблюдай собственные фантазии. Чего ты хочешь от своей жизни? Для чего ты живешь? Какова твоя программа, твоё

предназначение на земле? Почему ты хочешь по-прежнему быть живым завтра? Просто посмотри на свои фантазии. Если бы тебе оставалось жить только семь дней, как бы ты провел эти семь дней? С чем? Запиши свои фантазии, не хитри и не мудри — будь предельно честным. И ты найдешь все свои фантазии смехотворными. Но именно так живут люди.

Эта жизнь, говорит Будда, есть не что иное, как отчаяние. Он соглашается с Сократом. Сократ говорит: Ненаблюдаемая жизнь не стоит того, чтобы жить. А Будда говорит: Ненаблюдаемая жизнь есть не более чем страдание. Это первая благородная истина.

И вторая благородная истина, которую начинает осознавать человек, если он следует пути: *Начало отчаяния...* причина отчаяния. Причиной является желание — желание большего. Сначала человек переживает опыт того, что его жизнь полна страдания, затем он осознает, что причиной его является желание. Те, кто бежал из колеса желания, не в отчаянии, они совершенно блаженны. Но те, кто пойман в колесе, раздавлены желаниями, которых так много.

Вот первая истина: жизнь есть отчаяние. Вторая истина: причиной отчаяния является желание, желание большего. И третья истина — восьмиступенчатый путь. Будда говорит, что весь его подход к трансформации твоего существа может быть разделен на восемь шагов; это называется восьмиступенчатым путем. И все эти шаги есть не что иное, как разные измерения одного и того же явления: правильного вспоминания, *саммасати*. Что бы ты ни делал, делай это абсолютно сознательно, бдительно, делай это осознанно. Эти восемь шагов есть не что иное как привнесение осознанности в разные аспекты жизни.

Например: если ты ешь, говорит Будда, ешь с полной осознанностью — *самьяк ахар*. Тогда все, что ты ешь, правильно — просто осознавай. Видишь разницу? Другие религии говорят: «Ешь то-то и то-то. Не ешь того-то и того-то». Будда никогда не говорит, что есть, а что не есть. Он говорит: «Что бы ты ни ел, ешь с полной осознанностью. И если твоя осознанность говорит нет, не ешь этого». Можно ли есть мясо

осознанно? Это невозможно; мясо можно есть лишь в полной неосознанности.

Несколько дней назад был свергнут с трона один африканский диктатор, Бокассо, который пытался быть еще одним Наполеоном. Самым странным из всего, на что был пролит свет, было то, что в его доме, в морозилке, было обнаружено человеческое мясо. Он был людоедом.

Только подумай о человеке, который ест мясо другого человека. Возможно ли это в сознательности? Это так отвратительно! Говорят, что в пищу Бокассо крали маленьких детей. Конечно, у маленьких детей самое вкусное мясо. Исчезли сотни детей, и никто никогда не мог подумать, что за этим стоял этот человек, который обычно называл себя императором.

Но когда ты ешь мясо животных, это то же самое, разница невелика. У животных тоже такая же жизнь, как и у тебя. Они — наши братья и сестры.

Будда никогда не говорит, что есть, а чего не есть; он никогда не вдается в детали. Таков и мой подход: просто осознавай.

Он использует этот же метод осознанности и для других вещей жизни: *самьяк вьярам* — правильное усилие. Не прилагай слишком большого усилия, но оно не должно быть и слишком слабым. Правильное усилие во всем, уравновешенное усилие, которое не беспокоит твоего спокойствия. Жизнь подобна ходьбе по канату: чтобы не упасть, нужно правильное усилие и осознанность. Опасно каждое мгновение: если ты слишком наклонишься влево, ты упадешь. Увидев, что ты слишком наклонился влево, тебе придется отклониться вправо, чтобы сохранить равновесие. А когда ты наклоняешься вправо, приходит правильное мгновение, когда ты чувствуешь, что падаешь вправо; тогда ты начинаешь отклоняться влево, просто чтобы сохранить равновесие. Это правильное усилие: оставаться в равновесии.

И четвертая истина: *И конец отчаяния* — нирвана, прекращение отчаяния. Человек, который следует пути, находит четыре вещи; жизнь есть отчаяние, причина отчаяния в желании, методом избавиться от отчаяния является восьмисту-

пенчатый путь, коренящийся по своей основе, по своему существу в явлении осознанности. И четвертое: если ты следуешь осознанности, ты добьешься прекращения отчаяния, ты достигнешь нирваны. Будда говорит: Это четыре благородные истины.

Наконец, он в безопасности.

И тот, кто прошел через все четыре шага и достиг четвертого, наконец, в безопасности.

Он страхнул отчаяние.

Он свободен.

Быть свободным от отчаяния значит быть свободным. Если ты остаешься в отчаянии, ты не свободен. Если ты остаешься печальным, каким бы великим святым ты ни был, ты не свободен; ты все еще далеко от цели.

А так называемые святые выглядят очень печальными. Люди думают, что чем они печальнее, тем более они великие. Они не свободны от отчаяния, фактически, они более погружены в отчаяние, чем обычные, мирские люди. Мирские люди иногда смеются, наслаждаются, танцуют, поют, но так называемый святой смотрит на этих смеющихся, поющих, танцующих людей с осуждением. Он считает их поверхностными. Их смех не смех для него, их радости не радости для него. Он осуждает все это, потому что он отрекся от всех этих вещей без понимания, не пройдя через эти четыре благородные истины. Он просто отрекся; он последовал принятой традиции отречения. Он — эскапист. Ему приходится осуждать смех, потому что он не может смеяться. Он стал сухим, сухим как камень; он не может распуститься в цветок. Он вынужден осуждать весну, он вынужден осуждать розы. Он находит способы и средства, чтобы осудить тебя.

Если ты пойдешь к так называемому святому, он посмотрит на тебя так, как будто ты не человеческое существо. Он смотрит на тебя, будто ты обречен, обречен на ад, ад для тебя неизбежен, как будто ты уже падаешь в бездонную бездну ада.

Он смотрит на тебя с осуждением, с жалостью. Но жалость это не сострадание, а осуждение только показывает, что он вообще ничего не знает.

Он просто человек такого же типа, что и ты, только стоящий на голове. Ты чувствуешь жадность к деньгам, он боится денег. Ты связан с деньгами жадностью, он связан с деньгами страхом. Но оба вы связаны с деньгами, оба вы одержимы деньгами.

Говорят, что если Винобе Бхаве приносили деньги, он тут же закрывал глаза — он не выносил вида денег. Это смешотворно — должно быть, он очень боялся. Банкнота в десять рупий... зачем бояться ее до такой степени, что закрывать глаза? Но поскольку он закрывал глаза — он никогда не касался денег, он не хочет видеть деньги, — его почитали как великого святого. Но эта боязнь денег, это противостояние есть своего рода связь. Он не свободен от денег, иначе зачем закрывать глаза? Банкнота в десять рупий это не более чем клочок бумаги. Ты не закрываешь глаза, глядя на другие клочки бумаги — зачем придавать такую важность этому клочку? Должно быть, глубоко внутри стоит на голове великая жадность.

Есть люди, которые бегают за женщинами или мужчинами, а есть люди, которые бегают от женщин или мужчин. Но и те и другие одержимы противоположным полом. Эта одержимость не говорит о понимании. Понимание приносит тебе свободу от всех видов одержимости — от страха, от жадности. Настоящее понимание просто освобождает тебя от всех видов желаний и анти-желаний. Оно освобождает тебя как от этого мира, так и от другого. Оно просто делает тебя свободным.

Трудно найти пробужденного.

Счастлив тот дом, в котором человек просыпается.

Будда повторяет снова и снова, и это стоит повторить, чтобы ты был внимателен к этому явлению; оно очень редко — *Пробужденного трудно найти*. Да, ты найдешь много приносящихся лжецов; трудно судить, кто поддельный, а кто

настоящий. Но можно запомнить несколько вещей. Притворщик всегда будет против мира; он заменил мир жадностью. Притворщик всегда будет эскапистом. Притворщик всегда будет грустным, он не может смеяться; смех кажется ему слишком мирским, почти святотатственным.

Действительно пробужденный ни за мир, ни против него. Он живет в мире и абсолютно свободен от него. Он живет в мире, но мир не живет в нем. Он живет в мире, но он не от мира. Он никогда не бывает эскапистом. Если ты стал пробужденным, тебе больше некуда бежать, да и не нужно; фактически, не никого, *чтобы* бежать.

Не пробужденный, притворщик, объявляющий себя мастером или буддой, обязательно создает разделение между Богом и миром и говорит тебе отречься от мира, если ты хочешь к Богу. Фактически, это то же самое: отрежь нос, и ты увидишь Бога.

Нос не мешает тебе видеть божественное; не может мешать и мир. Фактически, если у тебя плохое зрение, нос поможет тебе — на что иначе ты наденешь очки? Без носа это будет очень трудно! Нос это не препятствие, иногда он может быть даже помощью. Не препятствие и мир. Это помощь, вызов, обострение твоего разума, возможность расти, стать зрелым, бдительным.

Мир полон ловушек, но эти ловушки полезны, потому что они поддерживают твою бдительность. Если ловушек нет, ты имеешь тенденцию засыпать; когда приходит большая опасность, тебе приходится проснуться.

История дзен:

К мастеру дзен пришел принц, который хотел учиться медитации. Он очень спешил, потому что его отец был очень стар, и он сказал ему:

— В своей жизни я потратил много времени впустую, и лишь позднее я понял, что единственная осмысленная вещь в жизни это медитация. Поэтому не трать времени зря, — сказал он ему, — пойдя к этому мастеру и научись медитации, пока я не покинул тело. Я буду счастливее, оставляя тело, если буду знать, что ты научился медитации. Я ничего больше не могу

тебе дать. Это королевство ничего не стоит; это не твое истинное наследство. Я не буду счастлив, если передам тебе только королевство; я буду счастлив, лишь если помогу тебе медитировать.

Принц пришел к мастеру дзен и сказал:

— Я спешу. Мой отец стар, он может умереть в любой момент.

— Первый принцип медитации в том, чтобы не спешить. Нетерпение не подойдет. Убирайся отсюда! Никогда больше не приходи! Попытайся найти какого-нибудь самозваного мастера, который даст тебе мантру и утешит тебя: «Продолжай повторять мантру пятнадцать минут по утрам и вечерам, и ты станешь просветленным».

Но если ты хочешь остаться здесь, забудь о времени, потому что медитация это поиск вечности. И забудь о своем старом отце — никто не умирает, поверь мне. Однажды ты увидишь, что я говорю правду. Никто не стареет и не умирает. Не беспокойся. Я знаю твоего отца, потому что он учился медитации у меня. Он не умрет — его тело может умереть. Но если ты хочешь учиться медитации, ты должен забыть все о своем королевстве и о своем отце. Для этого требуется целеустремленная преданность.

Таким был мастер, таким было его воздействие, что молодой человек решил остаться.

Прошло три года. Мастер так и не сказал ни слова о медитации. Молодой человек служил мастеру, как только мог, ждал и ждал, боясь, что мастер скажет:

— Убирайся! Ты спешишь!

Он не мог сказать даже этого.

Но три года это слишком долгий срок. В конце концов однажды утром, когда мастер сидел под деревом и загорал, он сказал:

— Господин, прошло три года. Знаешь ли ты об этом? И ты даже не сказал мне ни что делать, ни что такое медитация.

Мастер посмотрел на него и ответил:

— Так ты все еще спешишь? Хорошо, сегодня я начну учить тебя медитации.

И он начал учить его очень странным способом. Молодой человек подметал пол в храме, а мастер подходил к нему сзади и бил его деревянным мечом — изо всей силы! Молодой человек читал буддистские сутры, а он подходил сзади. Он был таким молчаливым человеком, что нельзя было даже услышать его шагов. И внезапно, из ниоткуда — удар! — деревянный меч обрушивался на него.

Молодой человек думал: «Что это за медитация?» За семь дней он очень устал и был весь покрыт ранами и царапинами. Он спросил:

— Что ты делаешь? Ты все время бьешь меня!

— Это мой способ учить. Будь бдителен, будь сознателен, чтобы ты мог уклониться прежде чем я ударю — это единственный способ.

Другого выхода не было, и молодому человеку пришлось быть очень бдительным. Он читал книгу, но был бдительным, сознательным. Мало-помалу, за две или три недели он стал различать шаги своего мастера — а он ходил почти как кошка. Когда кошка хочет поймать крысу, она ходит тихо. Этот мастер был действительно старым котом!

Но молодой человек стал достаточно бдительным; он стал слышать его шаги. Через три месяца мастер больше не мог ударить его. Он пытался двадцать четыре часа в сутки, но молодой человек отпрыгивал и уворачивался, что бы он ни делал.

Тогда мастер сказал:

— Этот урок окончен. Теперь начинается второй урок: будь бдителен во сне. Оставь дверь открытой, потому что я могу прийти в любой момент.

Это было труднее! Сначала он входил и бил изо всех сил. Старику не нужно было много спать; ему хватало двух часов. А этот человек был молод, ему нужно было восемь часов, и всю ночь он проводил в борьбе. Много раз мастер приходил и бил его, но теперь молодой человек был уверен, что первый урок имел ценность... он стал таким бдительным и мирным, что больше не спрашивал:

— Что ты делаешь? Это чепуха!

Сам мастер сказал:

— Не волнуйся. Просто оставайся бдительным во сне. И чем сильнее я ударю, тем лучше, потому что тогда ты будешь действительно бдительным. Нужно создать ситуацию.

Через три месяца он стал выпрыгивать из сна. Он тут же открывал глаза и говорил:

— Подожди! Не нужно — я бдителен.

Еще через три месяца мастер сказал:

— Ты прошел второй урок. Теперь — третий и последний.

— Что может быть третьим уроком, есть только две стадии — бодрствование и сон. Что мы будем делать теперь?

— Теперь я буду бить настоящим мечом — это третий урок.

Бить деревянным мечом это одно — самое большее, ты можешь причинить боль, но не убить. И он принес настоящий меч. Он вынул его из ножен, и молодой человек подумал:

— Мне конец! Это опасная игра. Теперь он будет бить настоящим мечом. Если я промахнусь только раз, я промахнусь навсегда!

Но он ни разу ни промахнулся. Когда опасность так сильна, ты встаешь, чтобы встретить ее. За три месяца мастер ни разу не смог ударить его настоящим мечом. Мастер сказал:

— Твой третий урок окончен — ты стал медитирующим. Завтра утром ты можешь идти. Ты можешь идти и сказать своему отцу, что я абсолютно доволен тобой.

На следующее утро он должен был уезжать. Вечер; садится солнце. Мастер сидит под деревом и читает сутру в последних солнечных лучах. И молодой человек думает — он сидит где-то сзади, — «Прежде чем уехать» — эта идея приходила ему в голову много раз, — «хотя бы однажды я должен сам ударить этого старика! Это последний день; завтра я уезжаю».

И он готовится. Он достает деревянный меч и становится за деревом.

— Остановись! — говорит мастер. Он вообще не смотрит в его сторону. — Подойди сюда. Я старик, и это нехорошо — ты хочешь ударить своего мастера!

Молодой человек озадачен. Он говорит:

— Но я ничего не сказал.

— Однажды ты становишься действительно бдительным, и даже то, что не сказано, можно услышать. В точности как од-

нажды ты не слышал моих шагов, а в какой-то день начал осознавать и стал слышать их; в точности как однажды ты не моих шагов во сне... но пришел день, когда ты стал слышать мои шаги даже во сне — в точности так же однажды ты узнаешь. Когда ум станет абсолютно молчаливым, ты сможешь слышать слова, который не были произнесены. Ты можешь читать невыраженные мысли. Ты можешь читать намерения. Ты можешь читать чувства. Дело не в том, что ты прикладываешь какое-то усилие — ты становишься зеркалом и отражаешь.

Редко можно найти немногих будд. Будда говорит: *Счастлив тот дом, в котором человек просыпается.* Под «домом» он подразумевает тело. Счастливо тело, в котором просыпается человек, в котором возникает пламя осознанности. Ты становишься храмом.

*Благословенно его рождение.
Благословенно учение о пути.
Благословенно понимание среди тех,
Кто следует ему.
Благословенна их решительность.*

*Благословенны те, кто почитает
Человека, который проснулся и следует пути.*

*Они свободны от страха.
Они свободны.*

Они пересекли реку отчаяния.

Редко можно встретить будду. Найти приют в будде можно еще реже. Следовать, жить по учению будды — еще реже. Поэтому Будда говорит: *Благословенно его рождение. Благословенно учение о пути.* Человек, который однажды становится буддой, — благословенно даже его рождение. Его приход в мир становится благословением для мира, для и него и для других. *Благословенно учение о пути.* Тогда спонтанно он

начинает учить; он делится. Он пришел домой, и зовет других, которые все еще бродят во тьме.

Благословенно понимание среди тех, кто следует ему. И не только будда благословен: благословенны те, кто следует ему. *Благословенна их решительность.* Благословенна преданность, увлеченность последователей пути, дхаммы.

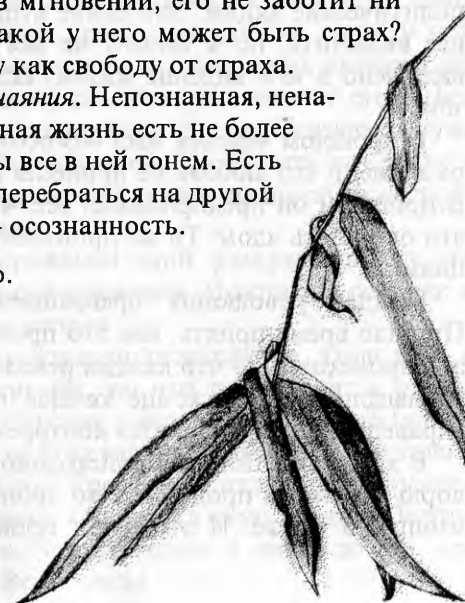
Блаженны те, кто поклоняется человеку, который проснулся и следует пути. Они свободны от страха. Они свободны.

Быть свободным от страха значит быть свободным. Чтобы быть свободным от страха, ты должен быть свободным от желания. Желание держит тебя в страхе. Желание заставляет тебя вечно колебаться: «Случится это или нет? Получится ли у меня на этот раз?» Если ты добиваешься успеха, ты боишься — кто-то может отнять его у тебя. Если ты преуспеваешь в накоплении богатств, ты обеспокоен, встревожен: тебя могут ограбить, тебя могут обокрасть. Если ты не добиваешься успеха, ты в постоянном страхе: «Я ничего не стою». Ты падаешь в собственных глазах, ты дрожишь. Быть свободным от желания значит быть свободным от страха.

Тогда человек живет в мгновении; его не заботит ни прошлое, ни будущее. Какой у него может быть страх? Будда определяет свободу как свободу от страха.

Они пересекли реку отчаяния. Непознанная, ненаблюдаемая, непросветленная жизнь есть не более чем река отчаяния — и мы все в ней тонем. Есть лишь одна лодка, чтобы перебраться на другой берег. Имя этой лодки — осознанность.

На сегодня достаточно.

И это пройдет

Первый вопрос:

*Возлюбленный Мастер,
Невзирая на ужасные политические катастрофы, политические акции кажутся единственным способом бороться с несправедливостью в мире. Исключает ли вдохновляемый Тобой поиск политические акции?*

Жан Франсуа Хельд,
Я влюблен в жизнь во всей ее полноте. Моя любовь ничего не исключает; она включает все. Да, она включает и политические акции. Это самое худшее, что только можно в нее включить, но я ничего не могу поделать! Но все, что включено в мое видение жизни, включено различным образом.

В прошлом человек жил без осознанности и потерпел поражение, и его любовь не принесла ничего, кроме страдания. В прошлом он предпринимал все, что только можно, но все это оказалось адом. То же произошло и с политическими акциями.

Каждая революция превращается в контрреволюцию. Пришло время понять, как это происходит и почему вообще это происходит — что каждая революция, любая борьба с несправедливостью в конце концов превращается в самую несправедливость, становится контрреволюционной.

В этом столетии это происходило снова и снова — я не говорю о далеком прошлом. Это произошло в России, это произошло в Китае. И это будет происходить, если мы будем

продолжать действовать по-старому. Неосознанность не может принести ничего другого.

Пока у тебя нет власти, легко бороться с несправедливостью; в тот момент, когда у тебя появляется власть, ты совершенно забываешь о несправедливости. Тогда подавленное желание доминировать утвердит себя. Тогда бессознательное возьмет верх, и ты начнешь делать то же самое, что раньше делали враги, с которыми ты боролся. Ради этого ты поставил на карту всю свою жизнь!

Лорд Эктон говорит, что власть развращает. Это правда только в определенном смысле, в другом же смысле это абсолютно неверно. Это правда, если ты смотришь на поверхность вещей: власть действительно развращает, тот, кто приходит к власти, становится развращенным. Фактически это правда, но если ты нырнешь в это явление глубоко, это неверно.

Власть не развращает; просто она привлекает развращенных людей. Сами люди хотят делать вещи, которых они не могут делать, пока у них нет власти. В тот момент, когда они приходят к власти, весь их подавленный ум заявляет о себе. Теперь ничто им не мешает, ничто не стоит на пути; у них есть власть. Власть не развращает их, она лишь выносит на поверхность их развращенность. Развращенность существовала как семя; теперь оно проросло. Власть оказалась нужным временем года, чтобы оно проросло. Власть это единственная весна для ядовитых цветов развращенности и несправедливости в их существах.

Власть является не причиной этой развращенности, но лишь возможностью для ее выражения. Поэтому я говорю: в основе, в сути лорд Эктон неправ.

Кто начинает интересоваться политикой? Да, люди идут в нее с прекрасными лозунгами, но что происходит с этими людьми? Иосиф Сталин боролся с несправедливостью царизма. Что случилось? Он сам стал величайшим царем, которого только знал мир, хуже Ивана Грозного! Гитлер имел обыкновение говорить о социализме. Он назвал свою партию Партией национал-социалистов. Что случилось с социализмом, когда он пришел к власти? Все исчезло.

То же самое произошло и в Индии. Махатма Ганди и его сторонники говорили о ненасилии, любви, мире — обо всех этих великих ценностях, лелеемых веками. А когда пришла власть, он сбежал. Сам Махатма Ганди сбежал, потому что он осознал, что когда в его руках окажется власть, он больше не будет махатмой, мудрецом. Все его последователи, которые пришли к власти, оказались такими же развращенными, как и везде — а они были хорошими людьми, прежде чем прийти к власти, они были великими слугами общества. Они многим пожертвовали. Они ни в коем случае не были плохими людьми; со всех возможных сторон они были хорошими людьми. Но даже хорошие люди становятся плохими людьми — это очень фундаментальная вещь, которую нужно понять.

Я бы хотел, чтобы мои саньясины жили жизнь во всей ее полноте, но с одним абсолютным условием, категорическим условием: и это условие — осознанность, медитация. Сначала глубоко иди в медитацию, чтобы очистить свое бессознательное от ядовитых семян, чтобы в нем не было ничего развращенного, чтобы внутри не было ничего, что бы власть могла вынести на поверхность. Тогда делай все, что тебе нравится.

Если ты хочешь быть художником, будь художником. Твои картины будут отличаться; они не будут такими, как у Пикассо. Картины Пикассо безумны — он безумен! Фактически, если бы ему не дали писать картины, он оказался бы в сумасшедшем доме. В этих картинах с ним происходит катарсис, он выбрасывает все свое безумие на холст, избавляется от него. Да, ему становится легче — это своего рода рвота! Если тебя вырвет, ты почувствуешь себя лучше, но как насчет других, которые смотрят на то, чем тебя вырвало? Но мир так глуп, что если Пикассо тошнит, люди говорят:

— Какая великая картина — я такого никогда не видел, это что-то уникальное!

Винсент Ван Гог действительно сошел с ума, его пришлось положить в лечебницу, а через год он покончил с собой. Ему было не больше тридцати семи. Что же за картины создавал этот человек? Несомненно, у него было мастерство, искусство, но это искусство и мастерство было в руках сумасшедшего, самоубийцы. Глядя на его картины, ты чувствуешь беспокой-

ство, неловкость. Повесь к себе в спальню картину Пикассо, и тебе начнут сниться кошмары!

Медитирующий может стать художником, но тогда от него будет исходить нечто совершенно другое — нечто из заповедного, потому что он будет способен воспринимать божественное. Он может стать танцором; в его танце будет новое качество: он позволит выразиться божественному. Он может стать музыкантом... или двигаться в политические акции, но его политические акции будут укоренены в медитации. Поэтому не стоит бояться, что из него получится Иосиф Сталин, Адольф Гитлер или Мао-цзе-Дун; это невозможно.

Я никому не говорю идти в определенном направлении; я предоставляю свои ученикам полную свободу. Я просто учу их медитации. Я учу их быть более бдительными, более осознанными, а тогда все предоставлено на их усмотрение. В чем бы ни заключался их естественный потенциал, они найдут его, но в этом будет осознанность. Тогда опасности нет.

Жан-Франсуа Хельд, я не против политических акции — вообще не против чего бы то ни было. Я не отрицаю жизнь; я утверждаю жизнь, я абсолютно влюблен в жизнь!

И конечно, если на земле миллионы людей, должен существовать тот или иной вид политики. Политика не может просто исчезнуть. Точно так же нельзя распустить полицию, почту, железные дороги — это создало бы хаос.

Я не анархист, я не за хаос. Я хочу, чтобы мир был более красивым, более гармоничным, более космосом, нежели хаосом. Иногда я хвалю хаос, но лишь для того, чтобы разрушить то, что сгнило. Я хвалю разрушение, но только ради творчества. Да, иногда я очень критичен — я против традиций, условностей, обычаев, — но лишь для того, чтобы ты мог получить новое видение, новые миры, чтобы тебе не нужно было оставаться заключенным в тюрьме прошлого, чтобы у тебя могло быть настоящее и будущее. Но я не разрушитель. Все мое усилие в том, чтобы помочь тебе быть творческим.

Некоторые из моих саньясинов неизбежно будут заниматься политическими акциями, но я позволю им это, лишь когда они выполнят основное условие: когда они будут более бди-

тельными, осознающими, когда их внутреннее существо будет полно света. Тогда делай что хочешь — ты не можешь причинить миру вреда. Ты принесешь что-то хорошее, что-то красивое; ты будешь благословением для мира. Без этого, без этой осознанности, даже если ты сделаешь что-то хорошее, оно превратится во что-то вредное.

Всего несколько дней назад Мать Тереза из Калькутты получила Нобелевскую премию. Какая поразительная глупость! Комитет, присуждающий Нобелевские премии, никогда раньше не совершал такой глупости — но на поверхности это выглядит красиво. Во всем мире их превозносят за то, что они сделали нечто великое.

Джидду Кришнамерти не получил Нобелевской премии — тогда как он одно из редких человеческих существ, один из немногих будд, которые действительно закладывают фундамент для мира в мире. А Мать Тереза получила Нобелевскую премию за мир в мире. Я не понимаю, что она сделала для мира в мире! Георгий Гурджиев не получил Нобелевской премии, а он вкладывал все силы в работу по трансформации внутреннего ядра человеческих существ; Рамана Махарши не получил Нобелевской премии — потому что их работа невидима: их работа в том, чтобы дать людям больше сознания. Если ты даешь людям хлеб, это заметно, если ты даешь людям лекарства, это заметно. Если ты даешь людям божественное, это абсолютно невидимо.

Мать Тереза делает что-то хорошее лишь на поверхности: служит бедным Калькутты, больным, старым, сиротам, вдовам, инвалидам, калекам, слепым. Так очевидно, что она что-то хорошее! Но что она на самом деле делает, это утешает всех этих людей. А давать утешение бедным, слепым, инвалидам, сиротам — это антиреволюционное действие. Утешать их значит помогать им подстроиться под существующее общество, оставаться довольными статус-кво, существующим положением вещей. То, что она делает, контрреволюционно. Но правительства довольны, богатые люди довольны, те, кто у власти, довольны, потому что на самом деле она служит не бедным и слепым. Она служит правящему порядку, она служит священникам, политикам и властям; она помогает им ос-

таться у власти. Она создает атмосферу, в которой все может продолжаться по-старому.

В Индии никогда не случалось революций против богатых, состоятельных по той простой причине, что это так называемая религиозная страна; в ней столько утешителей. Пятьсот тысяч индуистских монахов утешают людей, давая им объяснения, почему они бедны, почему они слепы, почему они калеки: из-за своей прошлой кармы! В прошлой жизни они сделали что-то плохое, и поэтому они страдают.

— Страдайте молча, не реагируйте, — учат они этих людей, — потому что, если вы отреагируете, если вы снова что-нибудь сделаете, вам снова придется страдать в следующей жизни. Не упустите эту возможность, пусть счета будут сведены. На этот раз ведите себя хорошо!

И, конечно, быть революционером нехорошо! Будь послушным — это хорошо, — не будь непослушным. Непослушание это зло, грех. Христиане называют его первородным грехом.

В чем был грех Адама и Евы? — лишь в том, что они не послушались Бога. Кажется, в этом нет большого греха. Съесть плод с дерева знания не грешно. Почему это должно называться первородным грехом? Это назвали первородным грехом, потому что они ослушались. Ослушание это величайший грех в глазах священников.

Десять тысяч лет в Индии священники и монахи учили людей:

— Будьте послушными системе, которая у власти. Не бунтуйте, иначе вы будете страдать в будущем.

Поэтому не случилось ни одной революции, а этих священников и монахов очень хвалят.

Теперь христианские миссионеры делают то же самое во всем мире: служат бедным, калекам. Они говорят этим бедным людям:

— Страдайте молча — может быть, это испытание, которое создал для вас Бог. Вы должны пройти через этот огонь лишь для того, чтобы стать чистым золотом.

Христианские революционеры контрреволюционны.

А почему они служат этим бедным людям? — Из жадности! Они хотят попасть в рай, а это единственный способ туда попасть. Иногда я задумываюсь о том, что случилось бы, если бы никто не был калекой, слепым, бедным; что случилось бы с христианскими миссионерами? Как им тогда попасть в рай? Исчезает сама лестница! Они не попадают в лодку, которая может перевезти их на другой берег. Этим христианским миссионерам хочется, чтобы бедность продолжалась, им хочется, чтобы эти бедные оставались на земле. Чем более они бедны, тем больше возможностей служить, и, конечно, больше людей может попасть на небеса.

Присудить Матери Терезе Нобелевскую премию значит присудить Нобелевскую премию контрреволюционным действиям.

Но именно так было всегда: вы хвалите тех людей, которые каким-то образом подтверждают старое, мертвое, которые помогают обществу оставаться таким, какое оно есть.

Моя работа невидима. Фактически, я косвенным образом учу вас величайшей революции из всех возможных. Я учу вас бунту, но этот бунт многомерен: куда бы вы ни шли, этот бунт будет оказывать влияние. Если ты займешься поэзией, твоя поэзия будет революционной. Если ты займешься музыкой, ты создашь новый вид музыки. Если ты танцуешь, у твоего танца будет другой аромат. Если ты идешь в политику, ты изменишь само лицо политической акции.

Жан-Франсуа Хельд, я не против политических акций, но в том виде, в каком они были до сих пор, они абсолютно бессмысленны. Поэтому на поверхности никто не видит, что я вовлечен в какую-либо политическую деятельность, никто не видит, что я вовлечен в какую-либо мирскую деятельность.

Я учу людей сидеть в молчании, наблюдать свои мысли, я учу людей, как выбраться из ума. Глупый революционер подумает, что я против политических акций, что я реакционер. Но правде соответствует прямо противоположное. Из-за его глупости — хотя он и может говорить о революции, — все, что он делает, реакционно. Он тащит общество назад.

Я не делаю ничего такого, что можно было бы назвать политическим, социальным: я не сторонник социальных реформ

или политических акций. По крайней мере, на поверхности я выгляжу как беглец и помогаю людям бежать. Да, я помогаю людям бежать к самим себе.

Беги от всех видов неразумной деятельности. Сначала обостри свой разум. Пусть в тебе возникнет огромная радость. Стань более наблюдательным, настолько наблюдательным, чтобы в твоем существе не осталось ни одного темного угла. Пусть твое бессознательное будет трансформировано в сознание.

Тогда делай все что хочешь. Тогда, если ты хочешь в ад, я благословляю тебя, потому что ты будешь способен трансформировать самый ад.

Медитирующие не отправляются на небеса, нет: куда бы они ни шли, они на небесах, и все, что они делают, божественно. Но это такой новый подход, что потребуются время, чтобы понять его. Я пользуюсь настолько другим языком, что непонимание естественно.

Битник побежал на красный свет. Полицейский схватил его и спросил:

— Ты видишь красный огонь?

— Парень, я не вижу даже дома!

Это разные языки!

Бреясь однажды утром, Гарри закричал:

— Ты знаешь, зайчик, кажется, я не очень хорошо лажу с другими ребятами в офисе.

Ответа не было.

— Котик, эти ребята ведут себя со мной, как будто я немного странный.

Ответа по-прежнему не было.

Он положил бритву и стал расчесываться.

— Пупсик, по-моему, эти ребята думают, что я голубой!

Не получив ответа и на этот раз, он закричал:

— Черт возьми, Джон, ты что, не слушаешь меня?

Я говорю на одном языке, а люди привыкли к совершенно другому языку.

Пока ты не медитируешь, ты не можешь понять, что происходит здесь, что я говорю и что я делаю.

Англичанин, араб и американец, стояли на углу улицы в Касабланке. Мимо прошла сногшибательная восточная красота.

— Клянусь Иовом! — воскликнул англичанин.

— Клянусь Аллахом! — вздохнул араб.

— Клянусь, завтра вечером! — сказал американец.

Второй вопрос:

*Возлюбленный Мастер,
Для многих людей на западе отношения мастера и ученика остаются за пределами их опыта. Что они включают?*

Крис Листер, Аллен Джухурст, Лесли Роджерс,
Восток дал человеческому сознанию вещи огромной важности. Одна из самых красивых — явление отношений мастера и ученика. Это вклад Востока; наука это западное явление, мистицизм — восточное. Наука экстравертна, мистицизм — интровертен. Наука это попытка познать объективную реальность, а мистицизм это исследование субъективной реальности, внутреннего пространства своего существа.

В мире науки существуют отношения учителя и студента, потому что науке можно учить — отсюда отношения учитель/студент. Но религии, мистицизму учить нельзя, ее можно только уловить. Поэтому в мистицизме нет отношений, подобных отношениям учителя и ученика. Существуют же отношения совершенно иного рода: мастер/ученик. Различия велики, различия огромны.

Методом учителя и студента является сомнение. Учитель нужен для того, чтобы помочь студенту рассеять свои сомнения, чтобы ответить на твои вопросы; он нужен для того, чтобы информировать тебя, сделать тебя более знающим.

Студент приходит со всеми своими вопросами, любопытством, сомнениями. Фактически, чем более он разумен, тем больше у него будет сомнений. Лучший студент полон сомнений, а лучший учитель это тот, кто помогает студенту найти новые ответы, новые сведения, чтобы он мог отбросить сомнения. Наука использует сомнение как метод; это ее фундаментальный метод исследования.

В мире религии верно противоположное: методом является доверие, не сомнение; любовь, не логика; самоотдача, не завоевание знания. Окончив университет, студент покидает его с огромным эго, потому что он накопил столько знаний, он многому научился. Но ученик, покидая мастера, уходит лишенным эго, никем. Он больше не существует как отдельная от существования сущность. Он ничему не научился; наоборот, он разучился всему, что знал раньше.

К Рамане Махарши пришел великий философ — немецкий философ. Он сказал Рамане:

— Я пришел издалека, чтобы многому научиться у тебя.

Рамана рассмеялся и ответил:

— Твое путешествие было упражнением в бесполезности. Ты приехал ко мне напрасно, потому что я здесь ничему не учу — если ты пришел учиться, ты пришел в неправильное место, — я помогаю людям разучиться!

Мастер помогает тебе разучиться. Мастер помогает тебе снова стать невинным, подобным ребенку.

Иисус говорит: Пока вы не будете как дети, пока вы не родитесь снова, вам не войти в Царство Божье. Он говорит восточным языком. Иисус совершил путешествие в Индию; чему бы он ни учил впоследствии, сначала он впитал дух этой страны. Фактически, это было одной из причин, по которой он был распят. Это было одной из основных причин, по которым его не могли понять его ученики: он приносил совершенно новый язык, новый подход, новое видение.

Восток всегда был источником. Пифагор пришел на Восток, Иисус пришел на Восток... все, что когда-либо довелось узнать западу об отношениях мастера и ученика, прямо или косвенно исходило с востока.

Отношения мастера и ученика это любовное приключение, величайшее из возможных любовное приключение. Ученик отдает свое эго мастеру. Он склоняется. Он говорит: *Буддхам шаранам гаччхами* — я склоняюсь перед буддой, я отдаюсь будде, я нахожу приют у твоих ног. В то мгновение, когда он отбрасывает эго, он становится частью существа мастера.

Мастера больше нет как личности, он просто присутствует. Когда встречаются два присутствия, происходит величайшее оргазмическое переживание, величайший экстаз. Этот экстаз является целью отношений мастера и ученика. Этот экстаз случался веками очень таинственным образом: мастер ничего не говорит о нем, ученик ничего не слышит о нем, он сидит рядом с мастером и молча ждет, терпеливо, молитвенно, и однажды случается синхронизация... Однажды внезапно ученик начинает дышать вместе с мастером. Его пульс больше не отделен от пульса мастера. Они исчезают как два и становятся одним.

Этот опыт единства с мастером открывает двери в храм божественного.

Третий вопрос:

*Возлюбленный Мастер,
Что такое платоническая любовь?*

Кришна Дэва,
Любовь это просто любовь. Она не может быть платонической, гегелианской или кантианской — любовь это просто любовь! Платоническая любовь это другое название гомосексуализма. Многие практиковали это до Платона, но он был первым глашатаем.

В греческом представлении красота не была женственной — это была мужская красота. Должно быть, ты видел в музеях греческие картины, скульптуры, и должно быть, ты заметил: нельзя найти картину или статую обнаженной женщины. Нет, это всегда мужчина.

Платоническая любовь это хорошее название для гомосексуализма. Лучше называть его тем, чем действительности является, а не давать ему красивый ярлык.

Но любовь не гомосексуальна и не гетеросексуальна. Любовь это просто любовь! Фактически, любовь не имеет ничего общего с объектом. Любовь это такое состояние сознания, когда ты полон радости, когда в твоём существе есть танец. Нечто в твоём центре начинает вибрировать, излучать; нечто начинает пульсировать вокруг тебя. Оно доносится до людей: это может быть женщина, это может быть мужчина, это могут быть скалы, деревья и звезды.

Когда я говорю о любви, я говорю о *такой* любви: о любви, которая не отношения, но состояние существа. Всегда помни: когда я употребляю слово «любовь», я имею в виду состояние существа, не отношения. Отношения это лишь очень незначительный аспект. Но твоё представление о любви это в своей основе представления об отношениях, как будто это все.

Отношения нужны лишь потому, что ты не можешь быть один, лишь потому, что ты ещё не можешь медитировать. Поэтому медитация *обязательно* предшествует способности любить. Человек должен быть способен быть один, абсолютно один, и все же быть совершенно блаженным. Тогда ты можешь любить. Тогда в любви ты делишься, а не требуешь, это больше не потребность. Ты не будешь становиться зависимым от людей, которых ты любишь. Ты будешь делиться — а это красиво.

Но вот что обычно происходит в мире: у тебя нет любви, нет любви и в существе человека, которого ты думаешь, что любишь, и оба вы просите друг у друга любви. Два нищих просят друг у друга подаяния! Отсюда борьба, конфликт, постоянные ссоры между любовниками — из-за мелочей, чепухи, глупостей! — но они продолжают ссориться.

Основа всех ссор в том, что муж считает, что он не получает того, что ему причитается по праву, а жена считает, что она не получает того, что причитается ей по праву. Жена считает себя обманутой и муж считает себя обманутым. Где же любовь? Никто не заботится о том, чтобы давать, каждый хочет получать. А когда все стремятся получать, не получает

никто. И каждый чувствует себя растерянным, пустым, напряженным.

Отсутствует сам фундамент, а вы начинаете строить храм без фундамента. Он может упасть и развалиться в любой момент. Ты знаешь, сколько раз разваливалась твоя любовь, и все же ты продолжаешь делать то же самое снова и снова.

Ты живешь в такой неосознанности! Ты не видишь, что ты делал и делаешь со своей жизнью и с жизнями других. Ты продолжаешь механически, подобно роботу, повторять старый образец, прекрасно зная, что ты уже делал это раньше. Ты знаешь, чем всегда все кончалось, и глубоко внутри ты настороже, ожидая, что это повторится снова — потому что ничто не изменилось. Ты движешься к прежней концовке, к прежнему расколу.

Если и можно вынести какой-то урок из поражения любви, то лишь этот: стань более осознающим, более медитативным. Под медитативностью я подразумеваю способность быть блаженным в одиночестве. Очень редко люди могут быть блаженными совершенно без причины — просто сидя в молчании и блаженстве! Другие сочтут их сумасшедшими из-за своей идеи, что счастье должно приходить от кого-то другого. Ты встречаешь красивую женщину, и ты счастлив, ты встречаешь красивого мужчину, и ты счастлив. Ты сидишь один в комнате, и ты так блажен, так восторжен! Должно быть, у тебя не все дома! Люди заподозрят, что ты принимаешь наркотики, что ты опьянен.

Да, медитация это чистейшая ЛСД! Она высвобождает твои собственные психоделические силы. Она высвобождает твое заточенное величие. Ты становишься таким радостным, в твоём существе возникает такое празднование, что тебе не нужно никаких отношений. И все же ты можешь общаться с людьми... вот разница между общением и отношениями.

Отношения это вещь: ты цепляешься за нее. Общение это поток, движение, процесс. Ты встречаешь какого-то человека, ты любишь его, потому что у тебя есть столько любви, чтобы отдавать — и чем больше ты отдаешь, тем больше ты получаешь. Однажды ты понимаешь эту странную арифметику

любви: чем больше ты даешь, тем больше у тебя есть... Она в точности противоположна экономическому закону, который действует во внешнем мире. Однажды узнав это, если ты хочешь больше любви и больше радости, ты отдаешь и делишься, тогда ты просто делишься. И ты чувствуешь благодарность к каждому, кто позволяет тебе поделиться с ним или с ней своей радостью. Но это не отношения; это подобный реке поток.

Река протекает мимо дерева, здоровается с ним, питает его корни, дает им воду... и движется дальше, танцует дальше. Она не цепляется за дерево. И дерево не говорит:

— Куда ты уходишь? Мы поженились! И прежде чем ты можешь уйти, тебе нужно получить развод! Куда ты уходишь? Если бы тебе нужно было уйти, зачем было так красиво танцевать вокруг меня? Зачем, прежде всего, ты меня питала?

Нет, дерево осыпает реку цветами в глубокой благодарности, и река движется дальше. А дерево отдает свой аромат ветрам.

Это общение. Если человечество станет когда-нибудь взрослым, зрелым, таким будет путь любви: люди встречаются, делятся, движутся — с новым качеством, без стремления к обладанию, без стремления подчинить себе другого. Иначе любовь становится путешествием власти.

Кришна Прем, пусть тебя не беспокоит, что такое платоническая любовь. Медитируй на это: Что такое любовь?

Однажды миссис Грин болтала со своей соседкой, миссис Кеньон.

— Миссис Грин, — сказала миссис Кеньон, — наверное, это не мое дело, но в конце концов мы были друзьями так долго, и меня заботит ваша репутация. Вы разведены, это правда, но люди болтают о вас. Когда восемнадцатилетний мальчик приходит каждый вечер и остается у вас до такого позднего часа, это выглядит подозрительно.

— Не беспокойтесь об этом, — улыбнулась миссис Грин, — это совершенно платонические¹ отношения.

¹ англ. platonic: платонический

— Как же они могут быть платоническими?
— Это игра² для него и тонизатор³ для меня!

Вот что такое платоническая любовь: для одного это игра, а для другого тонизатор! Больше об этом я ничего не знаю.

Четвертый вопрос:

*Розлюбленный Мастер,
Я бизнесмен. Могу ли и я медитировать и стать саньясином?*

Рам Прасад,
Человек должен что-то делать в жизни. Кто-то плотник, а кто-то король, кто-то бизнесмен, а кто-то воин. Это способы пропитания, это способы добычи хлеба с маслом и крова. Они не могут изменить твое внутреннее существо. Воин ты или бизнесмен, не имеет никакого значения: один человек выбрал один способ зарабатывать себе на пропитание, другой выбрал что-то другое.

Медитация это жизнь, не пропитание. Она не имеет ничего общего с тем, что ты делаешь; она полностью относится к тому, кто ты. Да, бизнес не должен входить в твое внутреннее существо, это правда. Если твое существо становится деловым, тогда медитировать трудно, а стать саньясином невозможно... потому что если твое существо становится деловым, ты становишься расчетливым. А расчетливый человек труслив: он слишком много думает, он не может совершать никаких прыжков.

Медитация это прыжок: сначала из головы в сердце, а в конце концов — из сердца в свое высшее существо. Ты будешь идти глубже и глубже, туда, где все расчеты останутся позади, туда, где вся логика лишится смысла. Ты не можешь принести туда свою хитрость.

² англ. play:

³ англ. tonic:

Фактически, хитрость это и не истинная разумность; хитрость это бедный заменитель разумности. Люди, которые не разумны, учатся быть хитрыми. Людям, которые разумны, хитрость не нужна; они невинны, им не нужно коварство. Они действуют из состояния незнания.

Если ты бизнесмен, все в порядке. Если Иисус может стать медитирующим и саньясином, а в конце концов — христом, буддой... а он был сыном плотника и помогал своему отцу, носил воду, рубил дрова. Если сын плотника может стать буддой, почему не можешь ты?

Кабир был ткачом. Он продолжал работать всю жизнь; даже после просветления он продолжал ткать; он это любил! Много раз ученики просили его, молили со слезами на глазах:

— Не нужно больше работать — мы позаботимся о тебе! У тебя столько учеников, зачем же ты в таком возрасте продолжаешь прясть и ткать?

— Но знаете ли вы, для кого я тку, для кого я пряду? Для Бога! — потому что теперь для меня божествен каждый. Это мой способ молитвы.

Если Кабир может стать буддой, оставаясь ткачом, почему не можешь ты?

Но бизнес не должен входить в твое внутреннее существо. Бизнес должен быть снаружи и оставаться лишь одним из способов пропитания. Когда ты закрываешь лавку, забудь о бизнесе все. Когда ты приходишь домой, не приноси домой лавку у себя в голове. Когда ты дома, со своей женой, со своими детьми, не будь бизнесменом. Это уродливо: это значит, что твое существо окрашивается твоими действиями. Действия это поверхностная вещь. Существо должно оставаться перпендикулярным к твоим действиям, ты всегда должен быть способен отложить действия в сторону и войти в мир своего существа. В этом заключается вся медитация.

Сотрудник агентства знакомств пытался сосватать бизнесмена и красивую молодую девушку. Но бизнесмен был очень упрямым.

— Прежде чем купить товар, — говорил он, — Я должен посмотреть образцы, и прежде чем жениться я должен также увидеть образец.

— Святые небеса! Вы не можете просить об таком respectable девушку! — отвечал тот.

— Простите, но это мое строгое правило, и я хочу, чтобы все было так или не было вообще.

В отчаянии агент пошел поговорить с девушкой.

— У меня есть замечательный парень, — сказал он, — с хорошими деньгами. Но у него очень строгое правило ничего не делать вслепую. Ему нужен образец.

— Послушайте, — сказала девушка. — Я разбираюсь в бизнесе не хуже его. Образцов он не получит — но я предоставлю рекомендательные письма!

Если ты бизнесмен *такого* типа, Рам Прасад, тогда медитировать будет трудно, а стать саньясином невозможно.

Но ты пришел сюда, ты слушал меня; в тебе даже возникло желание стать саньясином. Это хороший признак, это значит, что бизнес еще не отравил твою душу полностью. Часть тебя все еще открыта для любви, часть тебя все еще открыта для божественного. Часть тебя еще не стала деловой — иначе ты не был бы здесь.

Деловые люди не могут сюда прийти; никакое общение со мной для них невозможно. Из того, что здесь звучит, они не могут понять ни единого слова — не говоря о молчании, которое здесь присутствует. Они живут в совершенно другом мире, в очень будничном мире.

Дело было в фешенебельном баре в лучшей части города. Новоприбывший заказал бутылку пива. Расплатившись банкнотой в один доллар, он был удивлен, когда молодой бармен дал ему сдачи девяносто центов. В ответ на вопрос он услышал, что с него только десять центов.

Проголодавшись и обрадовавшись очевидной дешевизне, он заказал ржаной бутерброд с ветчиной и сыром.

— Пятнадцать центов, — ответил бармен.

Глаза покупателя округлились:

— Я не понимаю. Как вы можете все продавать так дешево?

— Послушай, дружок, — ответил бармен, — Я просто работаю здесь. Я не начальник. Он наверху с моей женой, а я делаю с ним то же самое здесь!

Есть определенный тип ума, который всегда функционирует в деловом режиме; во всех измерениях жизни он всегда остается бизнесменом. Если ты бизнесмен такого типа, это место не для тебя.

Это место для игроков. Это место для людей, которые могут рисковать — которые могут рискнуть всем ни за что. Да, в точности *ни за что*, потому что медитация приведет тебя в ничто. Но те, кто достигает ничто медитации, тотчас же осознают, что они достигли и наполненности божественным. Ничто для тебя есть наполненность божественным, это другой аспект. Ты превращаешься в ничто, и внезапно на тебя снисходит великое изобилие — ты переполняешься божественным. Когда ты ничто, в тебе больше пространства, и ты можешь принимать великого гостя.

Но если ты постоянно рассчитываешь, ты не можешь превратиться в ничто. Как ты можешь отбросить свое существо ради ничто? Ты всегда будешь рассчитывать: ты будешь двигаться осторожно.

Тогда это место не для тебя. Тогда иди к старым, традиционным, притворным учителям. Они утешат тебя. Они скажут тебе, что ты можешь оставаться бизнесменом и открыть банковский счет в раю. Будь филантропом, занимайся благотворительностью; жертвуй бедным; жертвуй на храм, церковь, синагогу, больницу, школу — и ты будешь вознагражден после смерти. Просто делай добродетельные вещи, которые тебе по карману. Если ты эксплуатируешь людей, ты всегда можешь им вернуть некоторую часть отнятого.

Я слышал:

Священник сказал людям в церкви:

— Здание стало очень старым, и нам нужны деньги.

Никто не отозвался — вокруг были одни бизнесмены! Все оглядывались друг на друга, ожидая, что кто-то окажется достаточно глупым.

Тогда встала женщина — городская проститутка! — и сказал: — Я жертвую церкви тысячу долларов.

Священник не мог поверить своим ушам, своим глазам! Оправившись от потрясения, он ответил:

— Но я не могу принять ваши деньги, это грязные деньги.

Один бизнесмен встал и сказал:

— Не беспокойтесь, это наши деньги! Мы просто переводим их через нее — примите их!

Ты можешь сделать небольшое пожертвование церкви, какому-нибудь благотворительному учреждению, ты можешь дать немного денег бедным. Это утешения. А на небесах тебе будет зарезервировано место.

Не будь таким дураком — небеса не так дешевы. Фактически, нигде нет такого места как небеса; это нечто у тебя внутри. Туда тебя не приведет никакая благотворительность, но если ты туда попадешь, благотворительностью станет вся твоя жизнь; тогда это совершенно другое явление. Если ты туда попадаешь, вся твоя жизнь становится состраданием.

Оставайся бизнесменом, но на несколько часов забывай об этом все. Я не говорю тебе бежать от обычной жизни. Я здесь для того, чтобы сообщить тебе способы и средства, передать тебе алхимию, которая трансформирует обычное в необычайное. Будь бизнесменом в лавке, но не будь бизнесменом дома. А иногда на несколько часов забудь даже о доме, о семье, о детях. Несколько часов оставайся один на один с самим собой. Просочись глубоко в свое собственное существо. Наслаждайся собой, люби себя.

И постепенно ты начнешь осознавать, что внутри тебя бьет ключом огромная радость, для которой нет причины во внешнем мире, снаружи. Это твой собственный аромат, это твое собственное цветение. Это медитация.

Сидя в молчании, не делая ничего, приходит весна, и трава растет сама по себе. Сиди в молчании, не делай ничего и жди весны. Она приходит, она всегда приходит, и когда она при-

ходит, трава растет сама по себе. Ты увидишь, что в тебе возникает огромная радость без всякой причины. Тогда поделись ею, отдай ее людям! Тогда твоя благотворительность будет внутренней. Тогда она не будет лишь средством, чтобы достичь какой-то цели; она будет присущей тебе ценностью.

А когда ты становишься медитирующим, недалеко и до саньясы! В частности, моя саньяса не требует ничего другого, кроме как жить в обычном мире, но жить таким образом, чтобы не принадлежать ему; оставаться трансцендентальным, оставаться в мире, и в то же время немного выше его. Это саньяса.

Это не старая саньяса, Рам Прасад: в этом случае тебе пришлось бы бежать от жены, детей, бизнеса и идти в Гималаи. Но такие вещи совершенно не помогали. Многие уходили в Гималаи, но они уносили с собой свои глупые умы. И Гималаи никак им не помогли; напротив, они уничтожили красоту Гималаев. Как могут Гималаи тебе помочь? Ты можешь оставить этот мир, но ты не можешь оставить вместе с ним и свой ум. Ум пойдет с тобой; он у тебя внутри. И где бы ты ни был, твой прежний ум создаст вокруг тебя прежний мир.

Великий мистик умирал. Он позвал своего ученика, старшего ученика. Ученика очень обрадовало, что мастер зовет его. Вокруг собралась большая толпа, а зовут только его; наверное, он передаст ему какой-то тайный ключ, который до сих пор не давал никому.

— Таким образом он выбирает меня своим преемником!

Он подошел ближе.

Мастер сказал:

— Я могу сказать тебе только одно. Я не слушал своего мастера — он тоже сказал мне это, когда умирал, но я был дураком и не слушал его, я даже не понял, что он имел в виду. Но я говорю тебе, опираясь на собственный опыт, что он прав, хотя это и показалось мне абсурдным, когда он это сказал.

— Что же это? Пожалуйста, скажи мне. Я попытаюсь последовать этому слову в слово, — ответил ученик.

— Это очень просто: никогда, никогда в жизни не держи кошку в доме!

И прежде чем ученик смог спросить почему, мастер умер!

Он был в растерянности — такая глупость! Кого ему теперь спросить? Он стал спрашивать всех стариков в своей деревне:

— Есть ли ключ к этому посланию? В этом должно быть что-то таинственное!

Один старик ответил:

— Да, я знаю, потому что его мастер — мастер твоего мастера, — тоже сказал ему: «Никогда, никогда не держи кошку в доме!», но он не послушал. Я знаю всю эту историю.

— Пожалуйста, объясни мне это, чтобы я понял. Какая тайна здесь скрыта? Я хочу, чтобы ты расшифровал ее, чтобы я мог следовать ей.

Старик рассмеялся и рассказал историю:

«Это очень просто, это не абсурд. Мастер твоего мастера передал ему великое послание, но он никогда не спрашивал, в чем его смысл. По крайней мере, ты достаточно разумен, чтобы задавать вопросы. Он просто забыл об этом. Твой мастер был молод, когда ему было передано это послание; он жил в лесу. У него было только две рубашки; это все, что у него было. Но в доме завелись большие крысы, и они рвали его рубашки, и ему снова и снова приходилось просить у жителей деревни новые рубашки.

— Почему бы тебе не завести кошку? — сказали жители деревни. — Заведи кошку, кошка съест крыс, и проблем больше не будет. Иначе — мы бедные люди, — где нам брать для тебя новые рубашки каждый месяц?

Это было так логично, что он попросил у кого-то кошку. Как только у него появилась кошка, начались проблемы. Кошка, конечно, спасла его рубашки, но ей понадобилось молоко, потому что крысы кончились, и она проголодалась. Этот бедняга не мог медитировать, потому что рядом все время была мяукающая, кричащая, бегающая кругами кошка.

Он снова пошел в деревню, и люди сказали:

— Это сложно: теперь нам нужно снабжать тебя молоком. Мы можем дать тебе корову. Ты можешь пить молоко, не бу-

дет голодать и кошка. Тогда тебе не придется и приходить каждый день за едой.

Идея была совершенно правильной. Он взял корову... и начался мир. Именно так начинается мир. Корове понадобилась трава, и люди сказали:

— Мы придем на следующие выходные и расчистим участок в лесу под поле, и ты можешь начать выращивать там овес и пшеницу, оставив немного места для пастбища.

И они сделали как обещали. Они срубили лес, расчистили участок и посеяли пшеницу. Но теперь возникла другая проблема: ее нужно было поливать... Целый день бедняге приходилось проводить в поле. Не оставалось никакого времени, чтобы медитировать, чтобы читать писания!

Снова он пошел в деревню. Он сказал:

— У меня все больше и больше трудностей. Теперь я не знаю, когда мне медитировать: у меня совсем не остается времени.

— Обожди, — сказали они. — Одна женщина только что стала вдовой, она молода, и мы боимся, как бы она не стала искушением для молодых людей в городе. Поэтому, возьми ее, пожалуйста, к себе. Она достаточно здорова — она позаботится о твоём поле, о корове и кошке, они будут готовить тебе еду, и к тому же, она очень религиозна. Не волнуйся, она не будет тебя беспокоить.

Вот так все пришло к логическому заключению. Как далеко зашел этот человек, начав с кошки!

Женщина пришла и стала заботиться о нем, и несколько дней он был очень счастлив. Она массировала ему ноги... и мало-помалу произошло то, что и должно было произойти — они поженились. А если ты женишься в Индии, это гарантирует, по меньшей мере, дюжину детей! Так исчезла вся медитация, вся саньяса.

Он вспомнил, лишь когда умирал. Он снова вспомнил, что когда *его* мастер умирал, он сказал ему остерегаться кошек. Вот почему он сказал это тебе. Берегись кошек! Лишь один шаг в неверном направлении, и ты на ложном пути; и твой ум будет с тобой, куда бы ты ни пошел.

Я путешествовал по Гималаям. Однажды я был в удаленной части Гималаев с двумя моими друзьями. Мы вошли в пустую пещеру; она была так красива, что мы решили провести в ней всю ночь.

Утром пришел монах, и он сказал:

— Убирайтесь! Это *моя* пещера!

— Как это пещера может быть твоей? — спросил я. — На сколько я вижу, это естественная пещера. Ты не имеешь на нее никаких прав, и не можешь иметь никаких прав — ты не создал ее. Ты отрекся от мира, от своего дома, от своей жены, своих детей, своих денег и всего остального, и теперь ты говоришь: «Это *моя* пещера — убирайтесь отсюда!» Эта пещера не принадлежит никому!

Он очень разозлился.

— Ты не знаешь меня — я опасный человек! Я не могу оставить ее вам. Я жил в этой пещере тринадцать лет!

Мы провоцировали его, как только могли, и он весь пылал, он был готов драться, убивать! Тогда я сказал ему:

— Подожди — мы уходим. Мы просто провоцировали тебя, чтобы показать, что прошло тринадцать лет, а твой ум остался прежним. Теперь эта пещера «твоя», лишь потому, что ты прожил в ней тринадцать лет, она твоя. Ты не принес ее, когда родился, и не возьмешь с собой, когда умрешь. И мы не собираемся оставаться в ней навсегда, мы только хотели переночевать. Мы только путешественники, мы не монахи. Я просто пришел посмотреть, сколько глупцов живет в этом районе — и кажется, ты среди них чемпион!

Ты можешь покинуть мир... ты останешься прежним. Ты снова создашь тот же мир, потому что ты носишь его слепок у себя в уме. Дело не в том, чтобы покинуть мир, дело в том, чтобы изменить ум, отречься от ума. Вот что такое медитация, вот что такое моя саньяса.

Последний вопрос:

Возлюбленный Мастер,

Что такое неосознанность?

Динкар,

Быть в уме, быть отождествленным с умом есть неосознанность. Думать: «Я это ум» есть неосознанность.

Знать, что ум это просто механизм, как и тело, знать, что ум отделен... Приходит ночь, приходит утро: ты не отождествляешься с ночью. Ты не говоришь: «Я это ночь», ты не говоришь: «Я это утро». Приходит ночь, приходит утро, приходит день, снова приходит ночь; колесо продолжает вращаться, но ты помнишь, что ты не все эти вещи. То же самое касается и ума.

Приходит гнев, но ты забываешь — ты становишься гневом. Приходит жадность, ты забываешь — и становишься жадностью. Это неосознанность.

Осознанность в том, чтобы наблюдать ум, полный жадности, полный гнева, полный ненависти, полный похоти, но ты — просто наблюдатель. Тогда ты видишь, как жадность возникает, становится огромным темным облаком и затем рассеивается — а ты остаешься незатронутым. Долго ли это может продолжаться? Твой гнев мгновенен, твоя жадность мгновенна, твоя похоть мгновенна. Просто понаблюдай немного, и ты удивишься: она приходит и уходит. А ты остаешься, незатронутый, холодный, спокойный.

Великий король попросил суфийского мистика дать ему что-нибудь в письменной форме — какую-нибудь сутру, небольшую максиму, которая помогала бы ему в любой возможной жизненной ситуации, хорошей или плохой, которая помогала бы ему в успехе, в поражении, в жизни, в смерти.

Суфий дал ему кольцо и сказал:

— Здесь послание. Когда ты действительно в нужде, в настоящей опасности, просто открой кольцо, вынь бриллиант, и внутри ты найдешь послание — но не делай этого из любопытства; ты можешь увидеть мое послание, лишь когда есть настоящая опасность, с которой ты не можешь справиться сам, и я нужен тебе.

Много раз королю становилось интересно, что же в этом кольце, но он устоял перед искушением: он дал обещание, слово. Он был человеком слова.

Через десять лет на него напали враги, и он потерпел поражение. Он бежал в леса, в горы, и враги гнались за ним. Он слышал, что стук копыт их лошадей становится ближе и ближе — смерть подходила ближе и ближе. Они хотят его убить! Он устал, устала его лошадь. Он был ранен, ранена была и его лошадь.

И внезапно он оказался в тупике. Дорога кончалась; впереди была пропасть. Нельзя было повернуть назад, потому что враги были слишком близко и приближались с каждым мгновением. Не мог он и прыгнуть в пропасть; это было бы верной смертью. Ничего не оставалось, кроме как ждать.

Внезапно он вспомнил о кольце. Он открыл его и извлек бриллиант. Внутри был кусочек бумаги; на нем было написано одно простое предложение: «И это пройдет».

В точности так и случилось. Он слышал, что лошади совсем близко; постепенно звуки стали удаляться. Враги повернули не туда. Он пересек перекресток, а они, должно быть, свернули на другую дорогу. Тогда он собрал свои армии, снова сразился с врагом и отвоевал свое королевство. Его встречали с великой радостью: в венках, осыпаемый цветами, он въехал в столицу, которая была вся украшена в его честь.

Вдруг он почувствовал, что в нем возникает огромное эго. Снова он вспомнил послание: «И это пройдет», и эго исчезло. Все эти гирлянды, все эти приветствия стали просто детской игрой. Это помогло в поражении, это помогло в успехе.

Это стало его медитацией, это стало его мантрой. Что бы ни произошло, глубоко внутри он повторял — он не произносил слов, но это чувство было в его сердце — «И это пройдет».

Если ты можешь об этом помнить, что бы ни пришло в твой ум, ты просто остаешься свидетелем: «И это пройдет». Это свидетельствование и есть осознанность — но мы отождествляемся. Мы становимся жадностью, мы становимся гневом, мы становимся похотью. Мы отождествляемся со

всем, что проходит через наше сознание. Это так же глупо, как поведение очень маленьких детей.

Ты никогда не пробовал? Просто поставь зеркало перед маленьким ребенком. Он посмотрит в зеркало и удивится, он спросит с круглыми глазами: «Кто этот парень?» Он попытается поймать его, но не сможет. И тогда, если ребенок разумен, он попытается обойти зеркало сзади: «Может быть, этот ребенок прячется за зеркалом». Он еще не сознает, что это только зеркало; оно нереально.

Ум это только зеркало: оно отражает облака мира, оно отражает все, что происходит в мире. Кто-то оскорбляет тебя, и возникает гнев — это отражение. Мимо проходит кто-то красивый, и оно отражает — это похоть. Ты тотчас же отождествляешься с этим.

Держись не небольшом расстоянии... и постепенно ты станешь замечать, что это расстояние постоянно растет. Однажды ум становится так далеко, что вообще не влияет на тебя.

Это возвращение домой, природа будды. *Эс дхаммо сантанто*: это неисчерпаемый закон жизни. Если ты можешь быть свидетелем, ты сможешь пройти через великую трансформацию: ты узнаешь свою настоящую природу.

Старая дева гладила по голове своего кота и вздыхала о том, чего ей в жизни не хватает. Вдруг, ни с того, ни с сего перед ней появилась фея и сказала, что исполнит три желания. Фея предложила ей не волноваться, не торопиться и выбирать тщательно.

Первым желанием она загадала красивое тело. Со взмахом жезла ее желание исполнилось. Изучив результат в зеркале, она тут же загадала второе: одежду для этой прекрасной фигуры. Снова ее желание было исполнено грудой красивой, прекрасно сшитой одежды.

Третьим ее желанием был мужчина.

— Какой у тебя красивый кот, — сказала фея. — Не сделать ли мне из него мужчину для тебя?

Она согласилась, и кот стал мужчиной. Старая дева была очень счастлива. Фея спросила ее, полностью ли она удовле-

творена, и она сказала да. Тогда фея спросила мужчину, полностью ли он удовлетворен.

— Я да, — сказал он, — но только не она.

— Почему?

— Она забыла о том, что мы уже съездили к ветеринару!

Ты продолжаешь делать вещи, не осознавая, что ты делаешь. Ты продолжаешь чего-то просить, не осознавая, чего ты просишь. Если бы все твои желания исполнились, ты был бы самым несчастным человеком в мире; хорошо, что они не исполняются.

Действительно религиозный человек никогда ничего не просит у Бога. Он говорит:

— Пусть исполнится твоя воля, пусть придет твое царство. Что я могу попросить из своей неосознанности? Что бы я ни попросил, это будет неправильно.

Он просит лишь об одном:

— Пусть исполнится твоя воля.

Будь медитативным, будь молитвенным. Помни эти две сутры: «И это пройдет» — это поможет тебе медитировать, — и вторую сутру: «Пусть исполнится воля твоя»; это поможет тебе быть молитвенным. А когда встречаются молитва и медитация, ты на высочайшей возможной вершине сознания.

На сегодня достаточно.

Глава 5

Живи в радости

*Живи в радости,
В любви,
Даже среди тех, кто ненавидит.*

*Живи в радости,
В здоровье,
Даже среди тех, кто заражен.*

*Живи в радости,
В мире,
Даже среди обеспокоенных.*

*Живи в радости,
Без собственности,
Как живут сияющие.*

*Победитель сеет ненависть,
Потому что страдает проигравший.
Простись с победой и поражением
И найди радость.*

*Никакой огонь не сравнится со страстью,
Ни одно преступление — с ненавистью,
Ни одно горе — с разлукой,
Ни одна болезнь — с голодом,
А ни одна радость — с радостью свободы.*

*Здоровье, удовлетворенность и доверие —
Вот твоя величайшая собственность.
А свобода — величайшая радость.*

*Смотри вовнутрь.
Будь тих.
Свободные от страха и привязанности
Знают сладкую радость пути.*

*Какая радость смотреть на пробужденных
И быть в обществе мудрых!*

*Как длинна дорога для человека,
Путешествующего с дураком!
Но кто бы ни следовал тем, кто следует пути,
Он находит свою семью и полон радости.*

*Следуй же сияющим,
Мудрым, пробужденным, любящим,
Ибо они знают, как работать и быть терпимыми.*

*Следуй им,
Как луна следует по пути звезд.*

Медитировать на эти сегодняшние сутры — приятный сюрприз. Они противоречат преобладающему сегодня представлению о Гаутаме Будде. Его друзья и враги представляют его как непревзойденного пессимиста. Он совершенно не пессимист; он один из самых радостных людей, которых только знал этот мир:

*Живи в радости,
В любви,
Даже среди тех, кто ненавидит.*

Радость — вот ключевое слово всех этих сутр. Радость это не счастье, потому что счастье всегда перемешано с несчастьем. Его нельзя найти в чистом виде; оно всегда загрязнено. Оно всегда отбрасывает длинную тень несчастья. Счастье следует за несчастьем точно так же, как ночь за днем.

Тогда что же такое радость? Это состояние трансценденции. Человек не счастлив и не несчастен, он — совершенно мирный, тихий, в полном равновесии; он такой молчаливый и такой живой, что его молчание — песня, что его песня — не более чем молчание. Радость навсегда; счастье мгновенно. Счастье вызывается извне, поэтому извне его можно и отнять — тебе приходится зависеть от других. Эта зависимость уродлива, эта зависимость заковывает тебя в цепи. Радость возникает внутри; она не имеет никакого отношения ко внешнему. Ее не вызывают другие, ее вообще ничто не вызывает. Это спонтанный поток твоей собственной энергии.

Когда твоя энергия застаивается, радости нет. Если твоя энергия становится потоком, движением, рекой, возникает великая радость — без всякой причины, лишь потому, что ты стал более жидким, более текучим, более живым. Песня рождается у тебя в сердце, возникает великий экстаз.

Когда он возникает, ты удивлен, потому что ты не можешь найти никакой причины. Это самый таинственный в жизни опыт: нечто беспричинное, нечто из за пределов причинно-следственного закона. У него нет причины, потому что это

свойственная тебе природа, с которой ты рождаешься. Это нечто врожденное, это ты во всей своей полноте, в течении.

Когда ты течешь, ты течешь к океану. Это радость: танец реки, которая движется к океану, чтобы встретить своего последнего возлюбленного. Когда твоя жизнь похожа на стоячий пруд, ты просто умираешь. Ты никуда не движешься — нет океана, нет надежды. Но когда ты течешь, океан становится ближе с каждым мгновением, и чем ближе подходит река, тем больше в ней танца, тем больше в ней экстаза.

Твоя сознание это река. Будда назвал его континуумом. Это продолжительность, это вечная продолжительность, вечный поток. Будда никогда не думал о тебе и твоём существе как о чем-то статичном. В его видении слово “существо” неправильно. Для него существо это не что иное как бытие. Он отрицает существо; он принимает бытие, потому что существо дает тебе застывшее представление о том, что у тебя внутри есть что-то подобное скале. Бытие дает тебе совершенно другое представление: река, распускающийся лотос, восход солнца. Что-то постоянно происходит. Ты не сидишь на месте, как скала, ты постоянно растешь.

Будда меняет всю метафизику: он заменяет существо бытием, он заменяет вещь процессом, он заменяет существительные глаголами.

Живи в радости... Живи в святая святых своей собственной природы, абсолютно принимая себя, кем бы ты ни был. Не пытайся манипулировать собой согласно идеям кого-то другого. Просто будь собой, своей подлинной природой... и обязательно возникает радость; она наполняет тебя изнутри.

Если о дереве заботиться, поливать, вскапывать почву, однажды оно естественно зацветет. Когда приходит весна, происходит великое цветение. Так же и с человеком. Заботься о себе. Найди настоящую почву для своего существа, найди нужный климат и иди в себя глубже и глубже. Не исследуй мир; исследуй свою природу. Потому что, исследуя мир, ты можешь получить многое, но ты не будешь хозяином самому себе. Исследуя себя, возможно, ты не будешь многим владеть,

но ты будешь себе хозяином. Лучше быть хозяином самого себя, чем хозяином всего мира.

Живи в радости, в любви... Человек, живущий в радости, естественно живет и в любви. Любовь это аромат цветка радости. Внутри есть радость; ты не можешь сдерживать ее. Она так велика, она нестерпима. Если ты попытаешься скупиться, тебе будет больно. Ее может быть так много, что если ты ей не делишься, она станет страданием, она станет болью.

Радостью нужно делиться; делясь ей, ты избавляешься от бремени, в тебе открываются новые источники, новые потоки, новые ключи. Когда ты отдаешь свою радость, это и есть любовь. Поэтому нужно запомнить одно: ты не умеешь любить, пока не достигнешь радости.

А миллионы людей продолжают это делать: они хотят любить, ничего не зная о том, что такое радость. Тогда их любовь — полая, пустая, бессмысленная. Тогда их любовь приносит отчаяние, страдание, тоску; она создает ад. Пока в тебе нет радости, ты не умеешь любить. Тебе нечем поделиться, ты сам — нищий. Сначала ты должен быть королем — а твоя радость сделает тебя королем.

Когда ты излучаешь радость... Будда говорит: Когда ты становишься сияющим, когда твои скрытые секреты больше не секреты, а аромат, выпускаемый в ветер, дождь, солнце; когда твое цветение освобождено из заточения; когда твоя тайна становится открытым явлением, когда она вибрирует, пульсирует вокруг тебя, когда она в самом твоём дыхании, в биении твоего сердца — тогда ты умеешь любить. Тогда ты касаешься пыли, и пыль преобразается в божественное. Тогда все, чего бы ты ни коснулся, становится золотом. Обычная галька в твоих руках превратится в бриллианты и изумруды. Обычная галька... люди, которых ты коснешься, больше не будут обычными.

Человек, достигший радости, становится источником великой трансформации для многих людей. Его пламя зажжено, теперь он может помочь другим. Незажженные огни, приближаясь к тому, кто воспламенен радостью, могут также быть зажжены.

Вот что такое *самсанг*, вот что такое причастие к мастеру: приблизиться к его огню, приблизиться к его аромату, приблизиться к его славе, приблизиться к тому, что с ним случилось. И в самом этом приближении пламя перекидывается на тебя, и ты уже никогда не будешь прежним.

Любовь возможна, лишь когда огонь зажжен. Иначе ты живешь на темном континенте — и ты притворяешься, что даешь другим свет? Любовь есть свет, ненависть есть тьма. У тебя внутри темно, и ты пытаешься дать свет другим? Ты добьешься лишь того, что их тьма сгустится — а они уже во тьме. Ты лишь преумножишь их тьму, ты сделаешь их еще более несчастными. Не пытайся делать это, потому что это невозможно, это не отвечает природе вещей. Так не бывает. Ты надеешься, но все твои надежды тщетны. Сначала пусть тебя наполнит радость.

Живи в радости, даже среди тех, кто ненавидит. И тогда дело не в том, что делают с тобой другие. Тогда человек может любить даже тех, кто его ненавидит. Тогда человек может жить в любви и радости даже среди врагов.

Один ученик Будды стал просветленным, и Будда сказал ему: — Теперь, когда ты вошел в храм, иди и распространяй послание, потому что есть многие люди, которым нужно немного помощи, есть многие люди, которые тонут в реке отчаяния. Теперь, когда ты научился плавать — помоги другим. Теперь, когда у тебя есть лодка, ты можешь переправить их на другой берег. Помни, как я помог тебе; теперь ты иди и помоги другим.

— Я сделаю все, что ты говоришь, — ответил ученик. — Я уйду. Мне больно покидать тебя. Больно, мучительно уходить от тебя, но если ты говоришь уйти, я уйду. Если бы ты сказал мне раньше... — Смотрите, вот любовь ученика, преданного! Он говорит, — ...Если бы ты сказал мне раньше, я забыл бы о просветлении, потому что быть с тобой гораздо важнее. Я рискнул бы просветлением, я бросил бы весь этот проект, если бы я знал, что мне придется тебя покинуть. Но сейчас слишком поздно. Если ты скажешь, я уйду.

— Ты можешь выбрать, в какую сторону, в какое место ты пойдешь.

В провинции Бихар была одна местность, в которую никогда не приходил ни один ученик Будды: она называлась Шука. Ученик ответил:

— Я пойду в Шуку.

Будда, казалось, был немного удивлен. Ученик был молод, и не только в возрасте, но и в просветлении. Он не знал путей мира. Будда сказал:

— Кажется, ты не знаешь, что люди в Шукe очень опасны, это убийцы, воры, грабители. Вот почему до сих пор никто не хотел идти туда.

— Но именно поэтому я выбираю это место: и им нужно твоё послание. Ты им нужен, и даже больше, чем другим. Благослови меня пойти туда и помочь некоторым людям.

— Тогда тебе придется ответить на три вопроса. Первый: эти люди полны злобы — я их знаю, — если ты туда пойдешь, они не послушают тебя. Они будут тебя оскорблять, они попытаются тебя унижить, они будут на тебя очень злы. Каким будет твой ответ на оскорбления и злость?

— Не нужно спрашивать, ты знаешь, как я отвечу. Я поблагодарю их, потому что они хорошие люди. Они только оскорбляют и унижают меня. Они могли бы избить меня, но делают этого. Они могли бы швырять в меня камни, но не делают этого. Они хорошие люди! Я буду им благодарен за то, что они причиняют вреда моему телу.

— А если они станут тебя бить, ранить, швырять в тебя камнями, каким будет твой ответ?

— Я буду очень благодарен им за то, что они только кидают камни и бьют меня, но все же я жив, они не убивают меня. Они могли бы меня убить!

— А теперь последний вопрос. Если они тебя убьют, в последнее мгновение перед смертью каким будет твой ответ?

— Я все же буду благодарен им, потому что они убили лишь мое тело; они не могут убить меня. И рано или поздно моего тела все равно не станет. К тому же, я буду благодарен за то, что разрушив мое тело, они лишили меня возможности со-

вершить какую-нибудь ошибку, и мне уже не заблудиться. Я буду признателен, я умру с великой благодарностью.

— Теперь ты можешь идти куда угодно, — сказал Будда. — Ты можешь пойти даже в Шуку, ты готов. Если таким будет твой ответ, ты стал буддой: ты — сияющий.

Суть не в том, чтобы любить тех, кто любит тебя. Это очень обычная деловая сделка. Настоящая любовь — любить тех, кто тебя ненавидит. Прямо сейчас даже любить тех, кто тебя любит, невозможно, потому что ты не знаешь, что такое радость. Но когда ты узнаешь радость, случается чудо, волшебство. Тогда ты способен любить тех, кто тебя ненавидит. Фактически, больше нет вопроса о том, любить или не любить, потому что *ты* стал любовью; тебе ничего не остается.

В Коране, я слышал, есть слова: "Ненавидь Дьявола". Великий суфийский мистик, Рабия, вычеркнула их из *своего* Корана. Рядом был Хасан, другой суфийский мистик, и он увидел, что она это сделала.

— Что ты делаешь! — спросил он. — Коран нельзя исправлять — это святотатство. Из Корана нельзя ничего вычеркивать, он совершенен, как он есть. Невозможно его улучшить. Что ты делаешь?

— Хасан, я должна это сделать! Дело не в Коране, дело в совсем другом: с тех пор, как я узнала Бога, я не могу ненавидеть. Даже если Дьявол явится передо мной, я буду его любить, потому что теперь я могу только любить; я неспособна ненавидеть — это исчезло. Если человек полон света, он может дать тебе только свет; не имеет значения, враг ты или друг.

— Откуда, — сказал Рабия, — мне взять ненависть для Дьявола? Ее больше нет — я есть свет. Мой свет будет падать на Дьявола точно так же, как и на Бога. Теперь для меня больше нет Бога и Дьявола, я не могу их различить. Все мое существо трансформировано в любовь; ничего не осталось.

Я не исправляю Коран — кто я такая, чтобы исправлять его? — но эти слова больше не относятся ко мне. Это *моя* книга; я

не исправляю Коран никого другого. Я имею право привести свой Коран в согласие с собой. Эти слова причиняют мне боль каждый раз, когда я на них натыкаюсь. Для меня это не имеет никакого смысла, поэтому я вычеркиваю их.

Человек, который полон радости и любви, ничего не может с этим сделать. Он любит друзей, он любит врагов. Вопрос не в том, чтобы решить, кто на его стороне; любовь это теперь настолько же его природа, как и дыхание. Перестанешь ли ты дышать, если к тебе придет твой враг? Скажешь ли ты:

— Как я могу дышать перед своим врагом?

Скажешь ли ты:

— Как я могу дышать? Мой враг тоже дышит, и воздух, прошедший через его легкие, может попасть в мои. Я не могу дышать.

Ты задохнешься, ты умрешь. Это будет самоубийством и полной глупостью.

На пути наступает момент, когда любовь становится как дыхание — дыхание твоей души. Ты продолжаешь любить.

В этом свете ты можешь понять слова Иисуса: Люби своих врагов как самого себя. Если ты спросишь Будду, он скажет: В этом нет необходимости, потому что ты не можешь по-другому. Тебе придется любить. Фактически, *ты есть любовь*, поэтому где бы ты ни был — в цветах, в шипах, в темной ночи, в полуденном приливе, в несчастье, окружающем тебя как океан, или в успехе — не имеет значения. Ты остаешься любовью; все остальное становится несущественным. Твоя любовь становится чем-то от вечного, она продолжается. Человек может принять ее или не принять, но ты не можешь ненавидеть; тебе придется быть своей истинной природой.

Живи в радости, — повторяет Будда, —

В здоровье,

Даже среди тех, кто заражен.

Под здоровьем Будда подразумевает целостность. Здоровье происходит от того же корня, что и “исцеление”¹. Исцеленный человек значит целый человек. Под “здоровьем” Будда не подразумевает обычное, медицинское значение этого термина; это значения не медицинское, а “медитационное” — хотя ты и удивишься, когда узнаешь, что слово “медитация” и “медицина” происходят от одного корня. Медицина исцеляет тебя физически, медитация исцеляет тебя духовно. Оба процесса целительны, оба они приносят здоровье.

Но Будда не говорит о здоровье тела; он говорит о здоровье твоей души. Будь целым, будь тотальным. Не будь расщепленным на части, не будь разделенным. Будь буквально индивидуальным³: неделимым, кристалльным.

Люди не кристалльны; в них много фрагментов, кое-как удерживаемых вместе. Они могут распасться в любой момент. Человек как Шалтай-болтай, нагромождение множества вещей. Любой новой ситуации, новой опасности, тревоги достаточно, чтобы они рассыпались на части. Твоя жена умерла, ты обанкротился, ты потерял работу — любая мелочь может оказаться последней соломинкой на спине верблюда. Разница только в степени. Кто-то нагрет до температуры девяносто восемь градусов, кто-то — девяносто девять и девять десятых, разница только в градусах, и любое небольшое изменение может нарушить равновесие. Ты можешь сойти с ума в любое мгновение, потому что у тебя внутри уже целая толпа.

Столько желаний, столько снов, столько людей живет в тебе. Если ты внимательно наблюдаешь, ты найдешь не одного человека, но много лиц, меняющихся с каждым мгновением. Как будто ты — рынок, где столько приходящих и уходящих людей, столько шума, в котором нет никакого смысла.

Вчера Субхаш задал вопрос: “Возлюбленный Мастер, тебе когда-нибудь снятся сны?”

¹ англ. *health*: здоровье;
healing: исцеление.

² Ошо использует слово *meditational*, которого нет в нормативном английском языке.

³ англ. *individual*: индивидуальный;
indivisible: неделимый; от *to divide*: делить.

Сны могут сниться, лишь если в тебе многие. Сны могут сниться, лишь если у тебя много желаний. У меня их нет. Сны это побочное следствие желания: то, чего ты желаешь днем, снится тебе ночью. Сны это пережиток; за день что-то осталось неоконченным, и его нужно закончить. Ум стремится к совершенству; он пытается всеми возможными способами привести все к завершению.

По дороге ты увидел прекрасный ресторан, но очень спешил. Тебе нужно было сделать какую-то работу, и ты не мог зайти в ресторан. Запах еды был так привлекателен, вид еды... Ты хотел зайти, но не мог. Тебе приснится этот ресторан; тебе придется увидеть этот сон, просто чтобы завершить весь процесс, чтобы отбросить его и никогда к нему не возвращаться. Но твои сны отражают твоё безумие.

Здравый человек не может видеть снов — под “здравым человеком” я подразумеваю будду, сияющего. Я не подразумеваю то, что подразумеваешь ты. Для тебя сумасшедшие в сумасшедших домах, а все остальные нормальны. Это не так. Здоровье от безумия не отделяет лишь стена сумасшедшего дома. Сумасшедшие внутри, сумасшедшие снаружи. Людей, которые снаружи, еще не поймали, или, возможно, они по-прежнему остаются в рамках нормального поведения. По крайней мере, это им удастся на поверхности; в своем внутреннем центре они могут быть сумасшедшими.

Я не могу видеть снов, даже если бы хотел; это невозможно. Когда я сижу, я просто сижу — мыслей нет. Когда я сплю, я просто сплю — снов нет. Но Субхаш, должно быть, страдает от снов. Каждый страдает — изо дня в день.

— Я обеспокоен. Вчера мне приснилось, что я наедине с сотней блондинок, сотней брюнеток и сотней шатенок. Это было ужасно!

— Святые небеса! Что же здесь ужасного? — спросил психиатр пациента.

— Но мне снилось, что и я девушка!

Твои сны отражают тебя. Кого еще они могут отражать? Твои сны это ключ; из снов о тебе можно узнать многое.

Весь психоанализ построен на поиске ключа в твоих снах. Когда ты бодрствуешь, тебе нельзя доверять; то, что ты о себе говоришь, это обман. В снах ты более невинный, потому что никого нет, чтобы управлять и подавлять. Совесть крепко спит, морали нет; ты более естествен, более нормален. В снах ты чище. Поэтому психоанализу приходится полагаться на сны, и из снов он выводит заключения о тебе.

Это очень печальное состояние дел: тебе вообще нельзя доверять, потому что ты говоришь одно, а на самом деле ты совершенно другое. И дело не в том, что ты преднамеренно пытаешься кого-то обмануть; обман стал почти твоей второй натурой. Вот почему ты тотчас же забываешь свои сны; это стратегия ума. Через пять секунд после пробуждения... когда ты просыпаешься, сон еще немного медлит у тебя в памяти — несколько отрывков, последние части твоего сна. Но через пять секунд их больше нет. К тому времени, как ты встаешь, твои сны исчезают, и ты полностью забываешь о них. Если ты не сделаешь сознательного усилия, ты не сможешь их вспомнить. Это стратегия ума, он просто закрывает дверь, потому что эти сны могут обеспокоить тебя.

Если ты узнаешь, что во сне ты убил своего отца, тебе будет тяжело, ты можешь почувствовать себя виноватым. Если ты очень, очень моральный человек, и во сне ты увидишь, что сбежал с женой своего соседа и наслаждался этим, тебя это обеспокоит. Ты начнешь сомневаться в своей моральности, в своей чистоте. Это будет обволакивать тебя как облако.

Ум просто отрезает тебя от твоих снов. Он создал два мира: один, мир сновидений, и другой, совершенно отдельный, мир так называемого бодрствования. Ты живешь в разных отсеках. Когда тыходишь в сны, ты совершенно забываешь о бодрствовании; когда тыходишь в бодрствование, ты совершенно забываешь о снах.

Будда пробужден, даже когда он спит. В его существе нет отсеков. Он не многие, он один. Поскольку он один, он не цепляется за воспоминания желает чего-то в будущем, ему хва-

тает настоящего. Тогда он живет от мгновения к мгновению во всей тотальности этого мгновения; он не живет частями. Твои сны просто показывают, что ты живешь частями, и непрожитые части тебе приходится проживать во сне. Если ты живешь тотально в каждое мгновение, тогда никакие сны невозможны.

Это случилось однажды:

Ко мне пришел суфий, очень красивый человек, который практиковал суфийскую медитацию — *зикр*, — и приобрел способность читать чужие мысли. Некоторые из его учеников, которых я знал, захотели, чтобы он пришел ко мне и прочитал мои мысли.

— Хорошо, — сказал я, — приводите его.

Этот человек действительно это умел. Он закрывал глаза и рассказывал, какие мысли к тебе приходят. Полчаса он сидел с закрытыми глазами, очень озадаченный. В конце концов он сдался.

— Но я ничего не вижу, просто полная пустота, — сказал он.

— В первый раз я ничего не могу прочесть. Что ты сделал со мной?

Я ничего с ним не делал. Я сказал ему:

— Я ничего не делал. Я просто сижу и ничего не делаю, ни с тобой, ни с кем-либо другим. Но как ты можешь читать мысли, если их нет? Дело не в том, что я нарушил твою способность их читать.

Он думал, что я нанес какой-то ущерб его способности читать мысли. Я сказал:

— Я ничего не сделал. Если хочешь, я начну о чем-то думать. Для этого потребуется усилие. Точно так же, как я говорю вслух, я начну говорить внутри. Мне придется подумать о моих саньясинах, и я буду говорить с ними — тогда ты сможешь читать. Твоя способность осталась в полной сохранности. Но я сидел в молчании, как делаю всегда, когда я один. Я не думаю днем, не вижу снов ночью. Все сны исчезли, все дневные желания исчезли. Все мысли стали бессмысленными в

тот день, когда я узнал, что я не ум. Но я понимаю твое затруднение, я понимаю твое замешательство.

Состоятельный хлопковый магнат отправился в круиз на своей изысканной яхте, взяв с собой пять приятелей, шесть сногшибательных девушек и моряка, чтобы управлять кораблем. На море поднялось сильное волнение, лодка потонула вместе с магнатом и его друзьями, но женщинам и моряку удалось добраться до безлюдного острова с непромокаемой сумкой провианта.

Почти неделю все было хорошо. Наш морской волк хорошо заботился о своих Понедельнике, Вторнике, Четверге, Пятнице и Субботе. Единственной проблемой было то, что у них кончалась еда.

В воскресенье к ним приблизилась аборигенка, принеся в подарок бананы, кокосы и прочее съестное. Девушки пришли в восторг.

— Мы спасены! — закричали они.

— Вот и воскресенье накрылось, — вздохнул он обреченно.

Мы живем в состоянии большого замешательства внутри. И не только молодые; даже когда люди становятся старше, прежнее состояние продолжается — и не только продолжается, но и становится еще более запутанным, потому что, если ты накапливаешь опыт, это усиливает замешательство.

Взяв интервью у шестидесятипятилетнего чемпиона родео в Амарилло, Техас, репортер заметил:

— Вы должны быть действительно необычным человеком, чтобы стать чемпионом родео в таком возрасте.

— Вздор, — сказал ковбой, — Я своему папе в подметки не гожусь. Он только что согласился выступать защитником в профессиональной команде регби, а ему уже стукнуло восемьдесят восемь.

— Поразительно! — вырвалось у журналиста. — Я хотел бы встретиться с ваших отцом.

— Только не сейчас. Он помогает дедушке в Форт Уорт. Завтра дедушка женится; ему сто четырнадцать.

— Ваша семья просто невероятна! — сказал журналист. — Начать с вас, чемпиона родео в шестьдесят пять. Потом ваш отец, который играет в регби в восемьдесят восемь. И наконец, ваш дедушка, который хочет жениться в сто четырнадцать!

— Черт возьми, мистер, вы все перепутали, — сказал техасец. — Дедушка не хочет жениться — но уже никуда не денешься!

Ты продолжаешь копить. Твое детство было ближе всего к природе будды. По мере роста ты постепенно становишься ненормальным. Становясь старше, ты уходишь дальше и дальше от природы будды. Это действительно странное состояние; так быть не должно. Человек должен расти к состоянию будды, но люди растут в противоположном направлении.

Будда говорит: *Живи в радости, в здоровье, даже среди тех, кто заражен.*

Это очень важная сутра, о которой нужно помнить — и в особенности потому, что христиане создают совершенно неправильный подход к жизни. Они говорят: Если в мире столько страдания, как ты можешь быть радостным? Иногда они приходят ко мне и говорят:

— Люди голодают, люди бедствуют. Как ты можешь учить людей танцевать, петь и быть радостными? Столько людей заражено столькими болезнями, а ты учишь людей медитации? Это эгоизм!

Но именно это в точности говорит Будда. Он говорит: *Живи в радости, в здоровье, даже среди тех, кто заражен.*

*Живи в радости,
В мире,
Даже среди встревоженных.*

Ты не можешь изменить весь мир. Продолжительность твоей жизни невелика, и скоро она кончится. Ты можешь по-

ставить такого условия: “Я буду радоваться, лишь когда весь мир изменится и каждый будет счастлив”. Этого никогда не произойдет, не в твоих силах и сделать это.

Люди решили быть несчастными; это их решение, никто больше не заставляет их быть несчастными. Бедность это их решение, возможно, принятое бессознательно, но это их решение. Можно проследить, как это происходит.

Лишь триста лет назад аборигены Америки были так бедны, как только можно себе представить. У них была земля — та же самая земля, — но они выбрали такой образ жизни, который удерживал их в бедности. Сейчас Америка стала самой богатой страной. Это та же самая страна, но населенная людьми другого типа.

И удивительно, что первые поселенцы, приехавшие в Америку, не были очень добродетельными, религиозными людьми — нет. Фактически, добродетельные и религиозные остаются несчастными. Люди, заселившие Америку и Австралию, пионеры, были более практичны: “Ешь, пей и веселись”. Эти люди преобразили всю судьбу американского континента; они превратили бедную страну в сказочно богатую.

То же самое может произойти и с этой страной, но она выбрала неправильный стиль жизни. Она прожила с этим стилем жизни столько веков, что он кажется единственным способом жить. Индия поклоняется людям, которые поддерживают этот стиль, потому что они соответствуют ее идеологии.

Люди в этой стране не могут со мной согласиться, потому что я пытаюсь изменить сам их стиль жизни, сам образец, саму структуру мысли, ума, существа. Они могут стать богатыми, как и любая страна в мире, возможно, даже богаче, но сначала они должны изменить весь стиль своего мышления, жизни, бытия. Они поклоняются бедности — как они могут стать богатыми? Они осуждают богатство — как они могут стать богатыми? Они осуждают все радости земли, они целиком и полностью за отречение, они антижизненны. Как жизнь может излить на них свое милосердие, блаженство, радости? Они не восприимчивы; они совершенно слепы и глухи.

Если для тебя единственный способ быть счастливым это сделать счастливыми всех остальных, ты никогда не будешь счастлив. Будда просто констатирует факт. Он говорит: *Живи в радости, в здоровье, даже среди тех, кто заражен.* Он не говорит не помогать им, но ты ничем им не поможешь, если заболеешь сам. Оставаясь бедным, ты не сможешь помочь бедным, хотя бедные и будут поклоняться тебе, потому что они увидят, какой ты великий святой. Они поклонялись Махатме Ганди по единственной причине: он пытался жить, как бедный человек. Но просто живя бедно, ты ничем не поможешь бедным. Если врач тоже заболеет, чтобы помочь своим пациентам, назовешь ли ты его святым? Ты назовешь его глупцом, потому что в этот момент ему нужно все его здоровье, чтобы помочь людям.

Это странная логика, но она преобладала веками: если хочешь помочь бедным, будь бедным, живи как они. Конечно, бедные будут уважать и почитать тебя, но это ничем не поможет бедным, это только удовлетворит их эго. А любое удовлетворение эго создает для тебя страдание, не радость.

Живи в радости, в здоровье, даже среди тех, кто заражен. Живи в радости, в мире, даже среди встревоженных. Это единственный способ помочь, единственный способ служить. Сначала позаботься о себе, сначала трансформируй себя. Твоя жизнь в мире, в радости, в здоровье может быть великим источником питания для людей, которым не хватает духовной пищи.

Люди на самом деле голодают не из-за материальных вещей. Материальное богатство очень просто: лишь немного больше технологии, немного больше науки, и люди могут быть богатыми. Настоящая проблема в том, как быть богатым внутренне. Когда ты разбогатеешь снаружи, тебя ждет сюрприз: впервые ты начнешь явственно и остро осознавать свою внутреннюю бедность. В первый раз весь смысл исчезает из жизни, когда ты становишься внешне богатым, потому что по контрасту отчетливее видна внутренняя бедность. Снаружи все залито светом, а внутри ты остаешься темным островом.

Богатый знает свою бедность лучше бедного, потому что у бедного нет контраста. Снаружи темно, темно внутри; он знает, что тьма это и есть жизнь. Но когда снаружи светло, ты начинаешь желать нового явления: ты тянешься к внутреннему свету. Когда ты видишь, что внешнее богатство возможно, почему бы не быть богатым и внутри?

Живи в радости,

Без собственности,

Как сияющие.

Будда говорит: Наслаждайся миром, наслаждайся солнцем, луной, звездами, небом, землей. Живи в радости и мире, без собственности. Не обладай. Пользуйся, но не обладай — потому что владелец не может пользоваться. Владельцем на самом деле владеют его владения. Вот почему столько богатых становятся очень несчастными, они живут бедной жизнью. У них есть все деньги мира, но они живут бедно. Только пятьдесят лет назад самым богатым в мире был низам Хидерабада — самый богатый человек в мире. Фактически, его богатства были столь велики, что никто не мог подсчитать точно, сколько у него было денег. Его сокровищницы были полны бриллиантов; все было сделано из бриллиантов. Самый большой бриллиант в мире был его пресс-папье; даже Кохинор был в три раза меньше.

Когда он умер, пресс-папье нашли у него в туфле. Бриллианты не считали, потому что их было слишком много. Их не считали, их взвешивали — сколько килограмм, а не сколько бриллиантов, — кто мог их сосчитать?

Каждый год бриллианты вынимали из подвала. У него величайший в Индии дворец, но и его крыш было недостаточно, чтобы разложить его бриллианты — каждый год им нужно было давать хотя бы немного солнечного света.

Но этот человек жил в таком страдании, что невозможно поверить; даже нищие живут гораздо лучше. Он подбирал окурки сигарет, которые выкурили и выбросили другие — просто окурки. Он не покупал себе сигарет, он собирал эти

окурки и выкуривал их. Какой скряга! Пятьдесят лет он носил одну и ту же шляпу — она была такая грязная и вонючая! В этой же шляпе он и умер. Он никогда не менял одежду. Говорят, что он покупал одежду на блошином рынке, где продавались старые, гнилые, использованные вещи. Наверное, его туфли были самыми грязными в мире, но лишь изредка он посылал их в ремонт, он не хотел покупать новые.

Самый богатый человек в мире живет в таком страдании и в такой скупости — что с ним случилось? Жажда собственности! Собственность была его болезнью, его манией. Он хотел владеть всем. Он скупал бриллианты со всего мира; он посылал своих агентов всюду, где только были бриллианты. Купить еще один! Но нельзя есть бриллианты — а он ел самую бедную еду. Он так боялся, что не мог спать — из-за постоянного страха, что ночью у него что-нибудь украдут.

Вот как пресс-папье — самый дорогой из его бриллиантов, в три раза больше самого Кохинора, — оказалось у него в туфле. Умирая, он спрятал его в туфлю, чтобы никто не мог его украсть — пресс-папье слишком заметно, слишком на виду. Даже умирая, он был больше озабочен своими бриллиантами, чем своей жизнью. Он никогда никому ничего не давал.

Вот что случается с людьми, которые становятся собственниками: они не используют вещи, вещи используют их. Они не хозяева, они слуги собственных вещей. Они продолжают копить и умирают, так и не насладившись всем тем, что у них было.

Будда говорит: *Живи в радости, без собственности, как сияющие*. Живи как будды, которые ничем не владеют, но могут пользоваться всем. Миром нужно пользоваться, не владеть. Мы приходим с пустыми руками и уходим с пустыми руками, поэтому чем-то владеть нет смысла. Стремиться к обладанию уродливо — но пользуйся всем! Пока ты есть, пользуйся миром, наслаждайся всем, что предлагает мир, а затем уходи, не оглядываясь назад, не цепляясь за эти вещи.

Это путь будд. *Эс дхаммо санантано*: это неисчерпаемый закон будд. Будда может быть нищим, если он так решит —

если таков его путь, — или императором. Были императоры, которые были буддами.

В Индии один человек, Джанака, отец Ситы, жены Рамы, был буддой. Он жил во дворце, окруженный всеми богатствами, подобающими великому королю, но он был абсолютно лишен чувства собственности, он ничем не владел. Он будто бы жил в гостинице: ты ничем не владеешь. Несколько дней ты пробудешь здесь, потом тебя больше не будет. Ты пользуешься.

Разумный человек пользуется жизнью, и пользуется ею красиво, эстетично, чувствительно. Тогда мир хранит для него множество сокровищ. Он никогда не привязывается, потому что в то мгновение, когда ты привязываешься, ты спишь.

Победитель сеет ненависть,

Потому что побежденный страдает.

Простись с победами и поражениями

И найди радость.

Как найти радость? Позволь исчезнуть своим амбициям; амбиции это препятствие. Амбиции означают путешествие эго: “Я хочу быть тем-то и тем-то — больше денег, больше власти, больше престижа”. Но помни, говорит Будда: *Победитель сеет ненависть, потому что побежденный страдает. Простись с победами и поражениями и найди радость*. Если ты хочешь найти радость, забудь о победах и поражениях. Жизнь это драма, игра. Играй ее красиво и забудь все о поражениях и победах. Настоящий спортивный дух не в том, чтобы побеждать или проигрывать, это не настоящий вопрос. Он наслаждается игрой; вот настоящий игрок. Если ты играешь, чтобы выиграть, ты играешь с напряжением, с тревогой. Тебя не волнует сама игра, ее радость и тайна; тебя больше волнует результат. Это не правильный способ жить в мире.

Живи в мире, не имея ни малейшего понятия о том, что будет дальше. Будешь ли ты победителем или проигравшим, не имеет значения. Смерть отнимает все. Победишь ты или проиграешь, несущественно. Лишь одно важно и было важно

всегда: как ты сыграл в игру. Наслаждался ли ты? — самой игрой — тогда она радостна в каждое мгновение. Никогда не жертвуй этим мгновением ради будущего.

Ни один огонь не сравнится со страстью...

Будда говорит: Остерегайся похоти. Любовь красива, но похоть это только огонь. Она обжигает тебя, и обжигает круто. Она ранит тебя.

Морское подразделение послали отдыхать в тыл после тяжелого рейда на фронте. Прибыв на базу они обнаружили контингент ВАКС⁴, ожидающих назначения на разные посты.

Морской полковник обратился к командиру ВАКС с предупреждением, что его люди провели слишком много времени на линии фронта и, возможно, не будут слишком обходительны с ВАКС.

— Держите их под замком, — сказал он в заключение, — если не хотите проблем.

— Проблем? — сказала она. — Никаких проблем не будет. У моих девочек здесь кое-что есть! — и она выразительно постучала себя по лбу.

— Мадам, — рявкнул моряк, — не имеет значения, где у них это кое-что, но мои парни это найдут. Держите их под замком!

Похоть это безумие, огонь, яд. Она делает людей слепыми к истине. Она делает их глупыми, она делает их неосознанными, она делает их пьяными.

На рассвете солнца молодой атлет отжимался от пола на пляже. Появился пьяный. Шатаясь, он подошел к взмокшему молодому человеку, сел на песок и рассмеялся.

— Над чем, черт возьми, вы смеетесь? — раздраженно спросил молодой человек.

⁴ часть, состоящая из женщин.

Пьяный продолжал смеяться. Наконец, взяв себя в руки, он произнес:

— Только не расстраивайся: кто-то украл твою девушку!

Человек, живущий в похоти, живет совершенно бессознательно. Все, что бы он не делал, будет неправильно. Он не может видеть, он слепой. Он не может слышать, он глухой. Ничто не делает людей более уродливыми и звероподобными, чем похоть.

Поэтому Будда говорит: *Никой огонь не сравнится со страстью...*

...Ни одно преступление — с ненавистью...

Почему *ни одно преступление не сравнится с ненавистью?* — потому что все остальное, все остальные преступления возникают из нее; это сам их источник. И нет добродетели, равной дружелюбию, любви, потому что все остальные добродетели возникают из нее. Любовь есть величайшая добродетель, а ненависть — величайших грех.

...Ни одно горе — с разлукой...

Будда говорит: Единственное, что делает тебя грустным, это разлука с существованием. В своей бессознательности ты считаешь, что отделен. Ты начал жить жизнью эго. Ты не следуешь вечному закону, дхамме. Ты не течешь с рекой; ты сопротивляешься, борешься.

Не сопротивляйся, не борись. Теки с рекой. Иди с дхаммой, с законом. Будь в гармонии с целым. Не считай себя отдельным — это не так. Ни один человек это не остров; мы все — части великого континента сознания: *...Ни одно горе не сравнится с разлукой...* А теперь очень важные слова:

Ни одна болезнь — с голодом...

Как Будда может поддерживать бедность? Не может быть. Если голод это худшая болезнь в мире, тогда причиной его является бедность. Все преступления, безнравственность, грехи, пороки возникают из бедности.

У меня нет никакого уважения к бедности; я ее полностью осуждаю. Это самая уродливая из ран на человеческой душе. Она должна исчезнуть. Это не было возможным в прошлом, но теперь это возможно. И если этого не происходит, то лишь из-за наших старых, глупых идей.

Сейчас в Индии, одной из беднейших стран, эти глупые идеи имеют такую популярность, что люди до сих пор думают, что они делают что-то духовное, когда ткут собственную одежду. Прядельное колесо стало символом святости. Все индийские политики время от времени позируют перед фотоаппаратом, сидя за своим прядельным колесом. Раз в год они приходят в самадхи Махатмы Ганди и сидят там часами за прядельным колесом, чтобы их могли сфотографировать.

Зачем это прядельное колесо, в чем заслуга людей, которые сами делают свою одежду? Если все будут пытаться носить одежду, сделанную собственными руками, мир будет оставаться бедным. Машины могут делать это гораздо лучше. Машины могут стать для человека великим освобождением, но их нужно использовать правильно. Если их использовать неправильно, они могут быть опасны; они могут загрязнять природу, они могут уничтожить все равновесие — они могут потревожить экологию. Но если вы будете их использовать сознательно, медитативно, все рабство может исчезнуть из мира, потому что машины выполняют ту работу, которую веками делал человек. Они могут создавать еду, одежду, дома.

Поэтому я целиком за науку, я не против науки. Я и за религию, потому что в будущем я вижу возможность возникновения великого синтеза. Он должен возникнуть сейчас. Если этого не произойдет, человек обречен, с ним покончено, и у него нет будущего, нет надежды. Мир можно сделать внешне богатым технологией и наукой; внутренний мир можно сделать богатым медитацией, молитвой, любовью, радостью.

Мы можем создать новое человеческое существо, состоявшееся и снаружи, и внутри.

Ни одна болезнь не сравнится с голодом...

А ни одна радость — с радостью свободы.

Будда говорит, что величайшая радость в жизни это свобода: свобода от предрассудков, свобода от писаний, свобода от всех концепций и идеологий, свобода от желаний, свобода от всей собственности и ревности, свобода от всей ненависти, гнева, ярости, похоти... говоря коротко, свобода от всего, такая свобода, что ты — только чистое сознание, ничем не обремененное и не ограниченное.

Это величайшая радость, и это возможно — это по силам каждому. Тебе лишь придется немного поискать ощупью. Тебе придется искать ее ощупью во тьме, но она близка. Если ты попытаешься, если ты приложишь усилие, ты обязательно ее найдешь. Это твое право от рождения.

Здоровье, удовлетворенность и доверие —

Вот твои величайшие владения,

А свобода — величайшая радость.

Целое: здоровье. Будь удовлетворен: это отсутствие желаний. И доверие: отбрось свою отделенность, свою борьбу с природой. Эти три вещи нужно помнить: будь целым, будь единым, будь удовлетворенным, лишенным желаний. Что бы то ни было, это красиво — наслаждайся им во всей полноте, выжми из этого весь сок. В каждое мгновение пей реальность так тотально, как это только возможно, чтобы не нужно было оглядываться, чтобы не нужно было думать, что ты упустил мгновение.

Никогда не строй планов на будущее, потому что когда будущее придет, оно придет. Просто продолжай проживать каждое мгновение так тотально, как это только возможно, и когда будущее станет настоящим, ты сможешь прожить и его — тотально. Не планируй его, потому что оно непредсказуе-

мо. Все твоё планирование будет бессмысленно. А когда ты что-то планируешь, и этого не происходит, ты разочаровываешься. Так не бывает никогда.

Есть поговорка: Человек предполагает, а Бог располагает. Да, это именно такое чувство, но реальность не в том, что Бог где-то сидит и располагает то, что ты предполагаешь. Бог ни в чем не виноват; виноват ты, потому что ты предполагаешь. Что ты можешь предполагать в своей неосознанности? Все, что ты проецируешь из своего ума, будет как-то отличаться от целого. Это по-прежнему борьба с целым. Поэтому: доверяй, не нужно бороться. Мы — части целого. Мы возникаем из океана целого как волна и снова исчезаем в океане. На мгновение насладись солнечным светом и ветром и исчезни. Возникни красиво, радостно, в танце, и исчезни красиво, радостно, в танце. Живи в безмерной радости и умри в безмерной радости. Вот каким должен быть саньясин: он знает искусство жизни, он знает искусство и экстаз смерти.

Смотри вовнутрь.

Будь тих.

Свободные от страха и привязанности

Знают сладкую радость пути.

Смотри вовнутрь. Эти сутры просты; интеллектуально они очень просты, но экзистенциально их понять очень трудно, потому что мы так привыкли смотреть наружу. Мы совершенно забыли, что есть еще и “внутри”.

Смотри вовнутрь. Будь тих. Вот способ смотреть вовнутрь: будь тих. Научись сидеть в молчании по меньшей мере, несколько часов и ничего не делать, просто быть, дышать, наблюдать свои мысли. И в этом не должно быть напряжения — делай это очень расслабленно, не заботясь о том, что происходит мимо; безразличная наблюдательность, отрешенная, безучастная, холодная. Продолжай видеть поток транспорта ума.

Мало-помалу, по мере того как твоя холодность углубляется, как твое безразличие увеличивается и кристаллизуется,

мыслей будет становиться все меньше и меньше. И однажды ты просто сидишь, совсем без мыслей. Ты оглядываешься: ни одной мысли, ум пуст. В это мгновение внутренней пустоты исчезают все страхи, все привязанности, и человек познает сладкую радость пути.

*Какая радость смотреть на пробужденных
И находиться в обществе мудрых!*

И если тебе посчастливилось находиться в обществе пробужденных, мудрых, сияющих, ничего лучшего не могло случиться с тобой. Потому лишь в компании будд, пробужденных, мудрых есть возможность перемен, трансформации.

*Как длинна дорога для человека,
Который путешествует с дураком.*

Мы путешествуем не с одним дураком и не с двумя дураками. Мы путешествуем с целым сборищем дураков; целая толпа дураков окружает тебя. Под дураками Будда подразумевает тех, кто еще не проснулся. Даже если они хотят делать добро, из него обязательно получается зло; они не могут делать добро. Дурак есть дурак; он живет в бессознательности. Но ты доверяешь дуракам, ты доверяешь им больше, чем буддам, по той простой причине, что дурак говорит на твоём языке, дурак кажется точно таким же, как и ты.

В сумасшедший дом пришел новый смотритель, а старый уходил в отставку. Чтобы попрощаться со старым и приветствовать нового, была устроена церемония. Сумасшедшие действительно радовались, танцевали от радости.

Старый смотритель был немного озадачен. За все время своей службы он никогда не видел их такими радостными. Он спросил, почему они радуются.

— Это просто, — ответили они. — Ты не один из нас, а этот человек выглядит точно как один из нас. Новый смотритель выглядит даже более сумасшедшим, чем мы, вот почему мы

радуемся. Ты никогда на самом деле не был одним из нас, ты был чужаком, а этот человек — участник. За эти два-три дня, которые он пробыл здесь, он стал нашим другом. Мы понимаем его, он понимает нас.

Сумасшедшие довольны появлением еще одного сумасшедшего. Дуракам нравятся такие же дураки. Когда ты окружен дураками, ты чувствуешь себя очень хорошо, потому что они ни в чем не превосходят тебя, твое эго не задето. Но когда ты живешь с буддой, иногда тебя очень беспокоит, что он настолько превосходит тебя, и если ты начинаешь чувствовать себя задетым, тебе придется от него бежать или убить его.

Я получаю письма и телеграммы со всего мира. Только вчера Лакшми принесла телеграмму из Милана, из Италии. Это третья телеграмма от одного и того же человека, и он продолжает писать одно и то же: “Я хочу тебя убить!” Милан так далеко; почему я его так волную? И он уперся не на шутку: три телеграммы в месяц. Надеюсь, он когда-нибудь придет.

Так много писем, в которых говорится: “Мы бы хотели тебя убить”. Чем я так обидел этих людей — я, человек, который никогда не выходит из комнаты? Почему я беспокою всех этих людей в Милане, Берлине, Нью-Йорке, Дели, Калькутте? Почему? — по той простой причине, что они чувствуют обиду.

Все зависит от твоей интерпретации. Рядом с буддой ты можешь наслаждаться; тогда ты начинаешь расти. Рядом с буддой ты можешь чувствовать обиду; тогда ты чувствуешь себя оскорбленным, униженным, ты злишься. Так случилось много раз: Иисус распят, Сократ отравлен, Мансур зверски убит. Одни и те же люди, одни и те же, делали то же самое снова и снова. Счастлив тот человек, который может чувствовать радость, просто видя, как живет будда, и конечно, еще более счастливы те, кто может быть в его обществе.

Ум предложит тебе много способов бегства. Твой ум хитер, коварен: он найдет такие красивые причины — ты даже не

можешь себе представить. Если ты недостаточно бдителен, тебя обязательно обманет твой собственный ум. Водить компанию в уом значит водить компанию с дураком.

Как длинна дорога для того, кто путешествует с дураком — а ты путешествуешь с дураками снаружи и с дураком — настоящим дураком — внутри: с твоим собственным умом.

*Но каждый, кто следует тем, кто следует пути,
Находит свою семью и полон радости.*

Вот что говорю я: быть саньясинем значит вернуться домой, найти свою семью. *Но каждый, кто следует тем, кто следует пути, находит свою семью...* Твоя настоящая семья это не отец, мать, братья, сестры, жена, муж, дети; все они случайны. Твоя настоящая семья это семья будды.

Если тебе посчастливилось чувствовать радость в компании будды, растворишься в этой компании — ты нашел свою семью. Не упusti шанс, потому что это очень редкий шанс. Лишь изредка кто-то становится просветленным.

*Следуй же сияющим,
Мудрым, пробужденным, любящим,
Ибо они знают, как работать и быть терпимыми.*

Будь с буддами, с сияющими, с мудрыми, с пробужденными, с любящими, потому что они знают, как работать над тобой, они знают, как быть с тобой терпимыми. Они знают, как тебя трансформировать. Они побывали на высочайшей, из вершин. Они снова спустились в темные долины, лишь чтобы позвать тебя дальше, взять тебя с собой на вершину жизни, свободы.

*Следуй им,
Как луна следует пути звезд.*

Будь храбрецом, будь искателем приключений. Рискни всем, потому что ничто меньшее не поможет. Рискни всем и

доверься. Если хочешь быть с буддой, это единственный путь: стань более медитативным, чтобы ты мог начать понимать его пути, его методы. Стань более любящим, чтобы ты мог понять его любовь — потому что его любовь совершенно отлична от той, что ты знал. Его любовь холодна; это не страсть, это очень холодный ветер. Тем, кто не может понять, он кажется холодным. Те, кто понимает, наслаждаются его прохладой. Их омолодит и освежит его прохлада, они будут рождены вновь.

На сегодня достаточно.

Обратно пути нет

Первый вопрос:

*Возлюбленный Мастер,
Невообразимый экстаз, невообразимая боль.*

*И*ога Судха,
Это естественно. Экстаз и великая боль происходят вместе, потому что это новое рождение: радость рождения, радость входа в неизвестное, великое подвижничество в божественное. Но есть и боль, огромная боль: боль расставания со старым, знакомым, известным; боль расставания с надежностью, безопасностью; боль смерти — смерти как эго. Если экстаз истинный, обязательно появится огромная боль. Это один из критериев, по которым можно судить, истинный ли экстаз.

То же испытывает дерево, которое выкапывают из известной почвы и пересаживают в новой стране, в новом климате. Дереву снова придется учиться жить с самых азов; тяжело разучиться и научиться снова. Боль неизбежна. Великая боль и агония предшествует великому экстазу. Она может продолжаться месяцами, даже годами — все зависит от тебя.

Не оглядывайся. Что было, то прошло, прошло навсегда и никогда не вернется. Что бы ты ни делала, тебе этого не вернуть.

Ребенок не может снова войти в матку, как бы там ни было приятно, комфортно, удобно, надежно, безопасно. Ребенок может чувствовать ностальгию по матке, по тем прекрасным, вечным девяти месяцам. Да, я говорю вечным, потому что ребенок ощущает их как вечность, не как девять месяцев. Он понятия не имеет о подсчете времени — в эти долгие девять

месяцев такого тепла, такой защищенности, такого безмятежного существования, такого поразительного спокойствия и расслабления. Эта ностальгия окружает его. Ребенку хочется обратно в матку, но это невозможно.

Обратного пути вообще нет; это не в природе вещей. Человек должен всегда идти вперед. А когда ты смотришь вперед, все настолько незнакомо, что возникает великий страх. Человек не знает, где он. Он теряет свою тождественность, он проходит через великий кризис тождественности. Известного больше нет, и за него нельзя цепляться, а неизвестное кажется непостижимым.

Но не оглядывайся назад; что не может случиться, то не может случиться. Смотри вперед! И не интерпретируй новое как небезопасное. Воспринимай новое в терминах приключения, исследования. Воспринимай его как огромную свободу. Будда снова и снова говорит о свободе. Это свобода от прошлого, свобода от матери, свобода от родителей, свобода от общества, свобода от церкви, государства.

То, что я тебе даю — это абсолютная свобода. Да, тебе может стать страшно, но этот страх возникает из-за твоей интерпретации. Где-то глубоко в недрах бессознательного тебе все еще хочется вернуться назад, закрыть глаза и не видеть нового рассвета. Тебе хочется вернуться назад, хотя там и не было ничего слишком ценного, не было ничего значительного, но по крайней мере, там было безопасно. Территория была знакомой; человек жил, окруженный стенами. Мы называем это тюрьмой, но раньше ты называла это своим домом; я вытащил тебя из твоего дома, потому что это был не настоящий дом, это была иллюзия. Эта свобода, этот возникающий экстаз — вот твой настоящий дом.

Цепляясь за прошлое, которое больше не возможно, ты не позволяешь будущему наступить безболезненно, и страдание, агония могут продолжаться месяцами, годами. Ты будешь разделена: одна часть цепляется за «больше нет», а другая — за «еще нет».

Будь храброй. Соверши квантовый скачок! В точности как змея выскальзывает из своей кожи, выскользни из старого. Оно сделало свое дело, оно привело тебя к новому. Тщатель-

но попрощайся с ним и нырни в это исследование того, что для тебя становится ценным. Нырни в эту ненадежность, в эту опасность, потому что жизнь там, где ненадежность; жизнь там, где опасность. Нет способа жить тотально, пока ты не научилась жить опасно — чем больше опасности, тем больше жизни, чем меньше опасности, тем меньше жизни.

Я открываю для тебя вершину за вершиной. Эта цепь бесконечна. Ты достигнешь одной вершины, думая, что это конец, и теперь можно отдохнуть, но немного отдохнув, ты осознаешь, что еще более высокая вершина бросает тебе вызов, зовет тебя. Начинается новое паломничество. И так продолжается без конца.

Жизнь это вечное паломничество. У него нет цели, это чистое путешествие. Поэтому оно радостно. Если бы у него была цель, это поставило бы в твоей жизни точку. Что ты тогда будешь делать? За точкой нет ничего, ничего больше. Жизнь ничего не знает о точках. Жизнь это континуум, песня, которая никогда не кончается, история, которая продолжает разворачиваться.

Твое наблюдение правильно. Ты говоришь: «Невообразимый экстаз, невообразимая боль».

Именно так есть и было всегда. Я мало говорю о боли, потому что это испугает тебя, и ты не совершишь прыжок. Я говорю об экстазе, чтобы убедить, соблазнить тебя совершить этот прыжок. Как только ты совершишь прыжок, ты узнаешь, что в нем есть и великая боль, но эта боль — замаскированное благословение. Эта та самая боль, которую чувствует золото, когда проходит через огонь: она очищает, она делает тебя более и более интегрированной, более центрированной, она создает в тебе душу. Без этой боли не бывает души, без этой боли невозможен экстаз. Тебе хочется достигнуть экстаза, минуя боль, но этого сделать нельзя.

Эс дхаммо санантано: это закон, и закону нужно следовать; ты не можешь пойти против закона. Но когда ты познаешь экстаз, этот экстаз стоит того, чтобы пройти через всю эту боль. Ты можешь пожертвовать всем ради экстаза, потому что экстаз это другое имя божественного, подходящего к тебе

ближе. Ты растворяешься в божественном — вот что такое экстаз.

Слово «экстаз» красиво; оно просто значит «выделиться». Из чего? Из эго, из своей личности, из своего ума; выйти из всей той структуры, в которой ты жила — и не только жила, но и отождествлялась с ней. Выделившись из всего этого, ты лишь чистый свидетель, лишь наблюдатель на холмах — и все осталось в темных долинах внизу.

Отбрось ностальгию. Отбрось мечту о долине. Ты достаточно долго жила в долине, во всех этих цепях, которые считала украшениями. Возможно, они были сделаны из золота и серебра, возможно, они были инкрустированы бриллиантами и изумрудами; но сделана ли цепь из железа или золота, не имеет значения. Фактически, золотые цепи труднее разорвать, потому что ты сильнее привязываешься к ним.

Ты жила в долине так долго, столько жизней — теперь попробуй жить на вершинах. Будь тотально с вершинами. Забудь все о долинах, потому что это будет беспокоить тебя. Это беспокойство создает боль. Ты снова и снова оглядываешься назад: все еще есть какое-то желание, какое-то стремление, какая-то надежда, что ты снова вернешься в прежние структуры.

Но позволь мне сделать это абсолютно ясным: обратного пути нет. Теперь ты переступила черту, на которой человек все еще может вернуться назад, поэтому горевать о том, чего уже нет, это лишь упражнение в бесполезности. Но оно будет удерживать тебя занятой, и ты упустишь радости вершины, свежий воздух вершины, незагрязненную атмосферу вершины, близость солнца и облаков. Пришло время шептаться с облаками, солнцем и звездами! Это красивое мгновение.

Реши в пользу экстаза, и какую бы боль ни повлекло за собой это решение, прими ее с радостью, с благодарностью. Чем более благодарно ты принимаешь ее как часть роста, тем скорее она исчезнет — не оставив на тебе ни малейшего следа; от нее не останется и царапины. Если ты цепляешься за нее слишком долго, она оставит раны. Даже если они будут исцелены, останутся шрамы.

В те мгновения, когда человек переходит из одной стадии существа в другую, он очень уязвим. В эти мгновения человек очень мягок, впечатлителен. Не обращай на боль слишком много внимания.

А именно это ты делала несколько месяцев. Я молча наблюдал. Много раз мне приходится быть лишь молчаливым наблюдателем, потому что я терпеть не могу вмешиваться. Даже если я знаю, что тебе нужна помощь, все же я уважаю твою свободу настолько, что пока ты не сама попросишь, я буду молчать, я не скажу ни слова. Я чувствую к тебе огромное сострадание — я прекрасно знаю о твоих слезах и боли, через которую ты проходишь, — но я преднамеренно оставался в стороне, потому что это единственный способ дать ученику шанс расти.

Если я буду постоянно вмешиваться на каждой стадии, помогать, поддерживать, ты станешь слишком зависимой от меня. Тогда ты никогда не сможешь ходить собственными ногами; тебе всегда нужны будут костыли. Я не хочу давать тебе костыли, я не хочу, чтобы ты полагалась на себя. Единственный подарок, который я могу тебе дать, это подарок полной свободы, независимости.

Поэтому я промолчал, ожидая того дня, когда ты задашь вопрос. Сегодня ты задала вопрос. Теперь я могу говорить, я могу поделиться с тобой своим пониманием, но все же решение всегда остается за тобой. Ты можешь продолжать рыдать и оплакивать сбежавшее молоко, а можешь собраться с духом и нырнуть новый мир, к которому я открыл тебе доступ.

Не трать время. Время действительно драгоценно, гораздо драгоценнее денег, драгоценнее всего в мире, потому что именно через время ты связываешься с вечностью. Эти мгновения редки, и если ты упускаешь их однажды, никто не знает, когда они снова вернутся. Может быть, ты снова столкнешься с буддой многие жизни спустя... и очень вероятно, что ты снова повторишь те же самые ошибки, потому что ум хочет повторяться. Ум есть повторение — даже жизни спустя он повторяет те же самые ошибки.

Однажды это случилось:

Молодой принц попросил Будду посвятить его в *бхиккху*, в саньясины. Будда согласился с некоторой неохотой. Он был очень редким — будды всегда делают это охотно, кроме как изредка: они всегда счастливы, если кто-то просит посвящения.

Ананда, старший ученик Будды, тотчас же понял, что Будда немного колеблется. Он сказал:

— Бхагван, почему ты колеблешься? Я никогда не видел, чтобы ты колебался. Ты убеждаешь людей, ты помогаешь людям, ты делаешь все возможное, чтобы привести их на путь — а этот человек просит сам! И не простой человек — великий принц, великий потенциал. Если он станет учеником, последуют многие другие. Почему ты колеблешься?

— Потому что этот молодой человек в прошлом был посвящен буддами семь раз, — ответил Будда, — но снова и снова совершал те же самые ошибки. Ум стремится к повторению. Я знаю, я могу дать ему посвящение, но он обязательно повторит ту же ошибку. Но если ты просишь, я посвящу его. Теперь смотри, что произойдет.

Молодой человек был посвящен... и, конечно, весь этот диалог с Анандой происходил прямо перед ним, и он был внимателен, чтобы чего-нибудь не повторить. Но он ничего не помнил из своих прошлых жизней, а если ты не помнишь, как ты можешь избежать повторения? Если ты помнишь, ты можешь его избежать.

Он много раз спрашивал Будду:

— Пожалуйста, скажи мне, что это была за ошибка, которую я повторял снова и снова? Ты говоришь, что я был с семьей другими буддами? Я не хочу упускать эту возможность.

— Это мало чем поможет, потому что ты задавал тот же вопрос пятому и шестому будде, и они ответили. Я не собираюсь этого делать. Я скажу тебе, лишь когда придет время.

Время пришло через несколько дней. Они поехали в другой город; они остановились в небольшом караван-сараях — десять тысяч саньясинов, — там не было места. Должно быть, там было все так же набито битком, как здесь! Когда я смотрю на вас, я все время забываю, саньясины вы или сардины в

банке. Мне приходится напоминать себе: «Нет-нет, это мои саньясины».

Старшим саньясином Будды дали несколько лучшие места, немного больше пространства — они были старые, старшие. Этот молодой человек был последним пополнением *сангхи* Будды — его ордена; ему было дано место на самом краю, на веранде, где люди обычно оставляли обувь. Там ему пришлось спать. Принц, и спит на веранде, где все оставляют обувь? Он был очень задет.

Ночью он не мог заснуть по тем же причинам, по которым страдаете вы — комары! Это древнейшие враги медитирующих. Если ты не медитируешь, они не будут обращать на тебя ни малейшего внимания; стоит начать медитировать, как вдруг у них появляется к тебе интерес. В крови медитирующего есть некая сладость.

Было много комаров, и он не мог уснуть; караван-сарай был так переполнен, всю ночь люди ходили туда-сюда — кто-то пришел, кто-то уходит. Как можно спать на веранде? Среди ночи он сказал:

— Это глупость, это чепуха! Я не для этого стал саньясином. У меня был прекрасный дворец со всеми удобствами. Завтра утром я распрощаюсь с Буддой.

Фактически, он хотел уйти прямо в этот момент, но это было бы неправильно. По крайней мере, он должен был сказать Будде, что с него довольно.

Но прежде чем забрезжило утро, Будда сам подошел к нему и сказал:

— Вот и пришло время. Я могу ответить на твой вопрос. Это случалось с тобой снова и снова: тебя посвящали семь раз, но тебя так беспокоили мелочи, что ты уходил. Ты можешь идти — это твоя старая привычка. Из-за этой привычки я сомневался.

Он привел с собой Ананду; он сказал ему:

— Смотри! Что ты теперь скажешь? Этот человек хочет завтра уйти.

Молодой человек не произнес ни слова. Он упал к ногам Будды.

— Как ты узнал об этом среди ночи?

— Это не твое дело. На то я и мастер. Ты хочешь уйти утром; ты можешь идти, но иди и осознавай: именно так ты снова и снова терял след.

Молодой человек так и не ушел. Ему было трудно — Будда создавал для него множество дискомфортных ситуаций, — но он был человеком цельности; он принадлежал к прославленной семье, древней, благородной; он принадлежал к расе воинов. Оставить Будду для него значило пойти против всего своего воспитания. Особенно теперь, когда Будда сказал ему об этой причине в прошлом... и по мере того, как углублялась его медитация, он стал вспоминать свои прошлые связи с другими буддами. Мало-помалу он осознал, что да, из-за мелочей он покидал будд; из-за таких мелочей он много раз терял путь.

Да, Судха, есть боль, но не только для тебя; через эту боль пройдут и другие. Многие через нее прошли, многие пройдут. Пройди через нее радостно. Присматривай за экстазом. Не фокусируйся на боли — это неправильный подход. Фокусируйся на экстазе, и считай боль ценой, которую мы платим за экстаз. Вскоре боль исчезнет. Энергия, высвобожденная из боли, принесет тебя к еще более высоким царствам экстаза, к высочайшим высотам экстаза.

Второй вопрос:

*Возлюбленный Мастер,
Ты белый маг или черный маг?*

Прем Туссир,
Я — оранжевый.

Третий вопрос:

*Возлюбленный Мастер,
Как стать более осознанным?*

Панкадж,

Становясь более осознанным, человек становится более осознанным. Другого метода нет. Это простой процесс. Что бы ты ни делал, делай это с таким сознанием, как будто это вопрос жизни и смерти; как будто над тобой занесен меч.

В Индии есть древняя история:

Великий мудрец послал своего старшего ученика ко двору короля Джанака, чтобы молодой человек научился тому, чего ему не хватает.

— Если ты не можешь меня научить, как может этот человек, этот Джанак? — сказал молодой человек. — Ты великий мудрец, а он лишь король. Что он знает о медитации и осознанности?

— Просто следуй моим инструкциям, — ответил великий мудрец. — Пойди и поклонись ему; не впадай в эгоизм, считая себя великим саньясинем, а его простым домовладельцем. Он живет в миру, он мирянин, а ты человек духовности. Забудь об этом. Я посылаю тебя к нему кое-чему научиться; так что на данный момент он твой мастер. Я знаю, я пытался здесь, но ты не понимаешь — поэтому, чтобы это понять, тебе нужен другой контекст. Двор Джанака и его дворец дадут тебе нужный контекст. Просто иди и поклонись ему. В эти несколько дней он будет представлять меня.

Очень неохотно молодой человек отправился в путь. Он был брамином, высшей кастой, а кто такой этот Джанак? Но был богат, владел королевством, но чему он может учить брамина? Брамины всегда считают, что они могут учить людей. Джанак не был брамином, он был *кшатрией*, расой воинов в Индии. Они считаются вторыми после браминов; брамины — первая, главная, высшая из каст. Как поклониться этому человеку? Этого никто никогда не делал. Брамин, кланяющийся кшатрии, совершенно претит индийскому уму.

Но мастер сказал, и это нужно было сделать. Неохотно он пошел и неохотно поклонился. Когда он кланялся, на самом деле он был зол на своего мастера, потому что ситуация, в ко-

торой он должен кланяться Джанаку, была в его глазах такой уродливой.

Во дворце танцевала красивая женщина, а люди пили вино. Джанак видел вместе с ними. Молодой человек был полон осуждения, но все же он поклонился. Джанак рассмеялся и сказал:

— Не нужно мне кланяться, если в тебе столько осуждения. И не будь так предубежден, пока ты меня не знаешь. Твой мастер хорошо знает меня, вот почему он прислал тебя сюда. Он прислал тебя чему-то научиться, а так не учатся.

— Мне все равно, — сказал молодой человек. — Он послал меня, и я пришел. Утром я пойду обратно, потому что я не вижу, чему я могу тут научиться. Фактически, если я чему-то у тебя научусь, вся моя жизнь будет потрачена впустую. Я пришел не для того, чтобы смотреть, как танцуют красивые женщины, пить вино и учиться всей этой распущенности.

Джанак улыбнулся и сказал:

— Утром ты можешь идти. Но раз ты пришел, ты так устал... по крайней мере, отдохни ночь, а утром ты можешь идти. Кто знает? Может быть, эта ночь и станет тем контекстом, ради которого твой мастер прислал тебя ко мне.

Это было очень таинственно. Как его может научить чему-то ночь? Ладно, ему придется провести здесь ночь, но не стоит поднимать вокруг этого шума. Он остался. Король устроил его в самой красивой, самой роскошной комнате дворца. Он проводил молодого человека, позаботился о еде и обо всем, что нужно для сна, и когда тот лег спать, Джанак ушел.

Но молодой человек всю ночь не мог уснуть, потому что, посмотрев вверх, он увидел, что над его головой на тонкой нити висит обнаженный меч. Это было так опасно: в любой момент он мог упасть и убить молодого человека. Поэтому всю ночь он оставался бдительным, наблюдательным, чтобы избежать надвигающейся катастрофы.

Утром король спросил:

— Была ли кровать удобной, была ли комната удобной?

— Удобной? — сказал молодой человек. — Все было удобным

— но что это за меч? И почему ты сыграл со мной такую шутку? Это было жестоко! Усталый, я пришел из далекого леса,

из ашрама моего мастера, а ты сыграл со мной такую жестокую шутку. Что это такое? Повесить обнаженный меч на такой тонкой нити, чтобы я боялся малейшего сквозняка... и меня нет, со мной покончено. Я пришел сюда не для того, чтобы покончить с собой.

— Я хочу спросить тебя только об одном: ты так устал, ты легко мог заснуть, но не заснул. Что случилось? Опасность была так велика, речь шла о жизни и смерти. Поэтому ты был осознанным, бдительным. Вот и все мое учение. Ты можешь уйти, а если хочешь, ты можешь остаться еще на несколько дней и понаблюдать за мной.

Хотя я и сидел во дворце, где танцевала красивая женщина, я был начеку, потому что над моей головой висел обнаженный меч. Он невидим; его имя — смерть. Я смотрел на молодую женщину. Точно так же, как ты не мог наслаждаться роскошью комнаты, я не пил вино. Я просто осознавал, что в любое мгновение может прийти смерть. Я постоянно осознаю смерть. Поэтому я живу во дворце, но в то же время я — отшельник. Твой мастер знает меня, понимает меня. Вот почему он послал тебя сюда. Если ты останешься на несколько дней, ты можешь увидеть сам.

Ты спрашиваешь, Панкадж, как стать более осознанным. Начни осознавать ненадежность жизни. Смерть может случиться в любое мгновение. В следующее мгновение она может постучать в твою дверь. Ты можешь оставаться неосознанным, если считаешь, что будешь жить вечно. Как ты можешь быть неосознанным, если смерть так близко? Невозможно! Если жизнь мгновенна, если это мыльный пузырь — лишь булавочный укол, и ее нет навсегда, — как ты можешь оставаться неосознанным?

Привнеси осознанность в каждое действие. Идя по дороге, будь полностью начеку; когда ты ешь, ешь с полной осознанностью. Что бы ты ни делал, не позволяй вмешиваться прошлому и будущему. Будь в настоящем. В этом и состоит вся осознанность. Принимая душ, просто принимай душ. Не отпускай ум далеко, в прошлое, в будущее. Не пускай ум в эти

дальние экскурсии, в эти путешествия. Принимая душ, просто принимай душ.

Бокудзю, великого мастера дзен, спросили:

— Каково твое основное учение? Как ты стал просветленным?

— Мое учение очень просто, — ответил он. — Когда ты голоден, ешь, когда ты хочешь спать, спи.

Человек был озадачен.

— Я никогда не слышал о такой практике. Я спрашиваю об основной практике, а ты говоришь: «Когда ты голоден, ешь, когда ты хочешь спать, спи». Что это за учение?

— Этого я не знаю, но именно так я стал просветленным, и именно так стали просветленными мои ученики. Ты можешь пойти и спросить их.

— Но это то, что делаем мы все. Когда мы голодны, мы едим. Когда мы хотим спать, мы спим.

— Нет, — сказал Бокудзю, — разница есть, и эта разница огромна. Когда я ем, я просто ем и ничего больше. Когда ешь ты, в голове ты делаешь тысячу и одну вещь — кроме еды; ты делаешь все остальное. Ты ешь механически. Когда ты спишь, действительно ли ты спишь? Как ты можешь спать, если ты видишь сны? За всю ночь ты видишь столько снов; сны набегают волна за волной. Лишь на несколько минут время от времени сны прекращаются, и ты засыпаешь глубоким сном; все остальное время сны продолжают. Сновидения это беспокоят сон: тебя отвлекает тысяча и одна вещь. Но ты не спишь. Ты не делаешь только что-то одно.

Чтобы быть осознанным, Панкадж, человек должен делать только что-то одно. И делай это с полной осознанностью, наблюдательностью.

Воспитательница прогрессивного детского сада хотела, чтобы ее воспитанники получали жизненный опыт из первых рук. После долгой борьбы ей удалось убедить начальство разрешить ей взять класс мальчиков на скачки и обучить их тонкостям игры на тотализаторе.

Через некоторое время некоторые дети попросились в туалет. Она проводила их туда под руководством сотрудника заведения, которых охранял дверь. Она позаботилась о том, чтобы у них не было никаких трудностей, и в некоторых случаях она помогала расстегивать пуговицы. Продвигаясь и помогая, она вдруг увидела нечто такое, что заставило ее вздрогнуть.

— И тебе только пять лет? — вырвалось у нее.

Объект ее изумления ответил:

— Что значит пять лет, мисс? Я еду на Дэнди Чарджере в третьем заезде.

Люди продолжают делать вещи почти во сне. Просто стань немного бдительнее. Делай все, что ты делаешь, но привнеси в свои действия качество сознания — другого метода нет. Ты можешь привнести это качество в мелочи, и это поможет. Когда сидишь, просто наблюдай дыхание. Наблюдай вдох, наблюдай выдох. Просто продолжай наблюдать дыхание. И это очень помогает, потому что, если ты наблюдаешь дыхание, мышление прекращается.

Это нужно понять. Ты можешь либо думать, либо наблюдать дыхание. Нельзя делать и то, и другое одновременно. Дыхание и мышление это такие процессы, что в тебе может существовать лишь один — в осознанности. В неосознанности могут продолжаться оба: ты можешь продолжать дышать и продолжать думать. Но, начав осознавать, ты можешь либо думать, либо дышать; и если ты дышишь с осознанностью, мышление исчезает. Все твоё сознание фокусируется на дыхании. Дыхание это такой простой процесс: тебе не нужно его делать, оно и так происходит. Ты можешь просто привнести в него сознание.

Будда стал просветленным, используя этот простой метод. Он называет его випассаной, внутренним зрением. Дыхание приносит великое прозрение, и когда ты осознаешь дыхание, весь мыслительный процесс просто приходит к остановке — и возникает великая тишина. После наблюдения за дыханием будет легко наблюдать непосредственно мысли, потому что дыхание немного грубее.

Мышление тоньше. У мыслей нет веса, они невесомы; их нельзя измерить, они неизмеримы. Вот почему их не могут принять материалисты. Материя значит измерение — то, что можно измерить, материя. Мысль это не материя, потому что ее нельзя измерить. Она есть, но все же ее нельзя измерить; поэтому это ложное явление. Материалист говорит: «Это лишь побочный продукт, побочный эффект, теневое явление» — как если ты идешь под солнцем, за тобой следует тень. Но тень это ничто. Ты идешь в жизни, и возникает мышление, но это лишь тень. Если ты наблюдаешь эту тень, эту ложную сущность, эти мысли и мыслительные процессы... это будет более тонким явлением, потому что мысли не так грубы, как дыхание.

Но сначала научись процессу осознанности в дыхании, затем переходи к мышлению. И ты будешь удивлен: чем больше ты наблюдаешь мышление... снова, ты можешь либо наблюдать, либо думать. Нельзя делать и то, и другое одновременно. Если ты наблюдаешь, мышление исчезает.

Если появляется мышление, исчезает наблюдение. Если ты стал достаточно бдительным, чтобы наблюдать свои мысли и позволить им исчезнуть в наблюдении, перейди к чувствам — которые еще более тонки. Это три шага випассаны. Сначала дыхание, затем мышление, затем чувства. И когда все три исчезли, то, что остается, и есть существо.

Знать его значит знать все. Завоевать его значит завоевать все.

Четвертый вопрос:

*Возлюбленный Мастер,
Если Будде на самом деле не нужно было покидать жену и детей, чтобы достичь просветления, значит ли это, что просветление может случиться где угодно? Почему я чувствую, что мне нужно быть в Твоем поле будды?*

*Дэва Сурати,
Даже Будда понял это лишь тогда, когда стал буддой — что это может произойти где угодно. Он не осознавал этого,*

пока не был буддой. Тогда ему пришлось уйти, оставить двоюродного брата, жену, детей, родителей и отправиться в дальние пещеры в горах, в дальние джунгли, и жить наедине с природой, чтобы можно было оставить позади общество и все его обусловленности.

Да, когда он стал буддой, он узнал, что это могло случиться где угодно. Но когда ты становишься буддой, ты видишь вещи под совершенно другим углом. Очень легко говорить подобные вещи, когда достиг.

И это одна из величайших проблем: то, что говорят будды, они говорят после того, как они достигли, людям, которые еще не достигли. Общение становится трудным, очень трудным. Будды говорят: «Все вы будды»; когда вы слышите: «Мы уже будды», вы говорите: «Тогда о чем волноваться? Зачем медитировать? Зачем быть саньясином?» Тогда вы упускаете всю суть! Будда не сказал ничего неверного — это абсолютная правда, — но все же, прежде чем осознать истинность этого утверждения, вы должны пережить этот опыт сами.

Однажды ты станешь буддой. Тогда ты тоже сможешь сказать, что не нужно было ничего покидать. Тогда ты скажешь: «Не было необходимости находиться в поле будды мастера». Но прямо сейчас это потребность, абсолютная потребность.

Поле будды облегчает многие процессы, которые могут случиться и без поля будды, но для этого потребуются долгое, тяжкое усилие. Так ветер дует в сторону другого берега: не нужно грести, ты можешь просто предоставить ветрам отвести лодку к другому берегу. В поле будды ветры дуют в сторону другого берега; ты просто отдаешься ветрам, и они приносят тебя к другому берегу. Ты можешь добраться до другого берега и один, но тогда нужно будет грести. Тогда тебе придется рискнуть и остаться одному в необозначенных на картах морях.

В поле будды ты не одна, с тобой идут многие. Некоторые впереди, некоторые позади; и ты знаешь, что люди движутся, что люди получают новые прозрения, что люди эволюционируют, что они продвигаются все ближе и ближе к другому берегу. И те, кто впереди, всегда может заверить тебя: «Не вол-

нуйся. Продолжай. Иди дальше! Из нашего состояния другой берег виден; вскоре его увидишь и ты». И ты можешь многое сказать тем, кто позади. Есть люди, которым нужна большая поддержка. Двигаться в неизвестное — нелегкий процесс; поле будды становится цепочкой.

Да, Сурати, в основе ты права — ты можешь быть буддой где угодно, — но в поле будды все будет гораздо легче. Когда ты с мастером в глубокой любви и доверии, вещи начнут происходить, в точности как приходит весна, и начинают распускаться цветы. Ты можешь заставить цветы расцвести и не в сезон, но на это потребует огромное усилие, ненужное усилие. Если приходит весна, цветы распускаются сами собой. Когда это уже случилось, кажется, что это легко для всех.

Когда Коперник открыл какие-то законы, люди сказали: «И мы могли бы их открыть: они так просты». Но никто не открыл их до него.

Когда Колумб достиг Америки, открыл Америку и вернулся, люди стали говорить:

— Невелика важность. Не поднимай столько шума. Земля круглая. Туда мог попасть кто угодно!

Королева Испании пригласила Колумба на обед; был приглашен весь двор. Все завидовали Колумбу и говорили:

— Не так уж трудно понять, что земля круглая.

— Но три года назад, — сказал Колумб, — когда я говорил, что земля круглая, никто не слушал меня. Фактически, я удивился, когда королева согласилась помочь мне.

Это случалось много раз: когда мужчина оказывался не в состоянии понять что-то неизвестное, это удавалось женщине. Мужчина движется к заключению путем медленного логического процесса. Именно поэтому так трудно спорить с женщиной, говорить с женщиной. Мужчина всегда теряется, потому что он использует искусную логику, готовит почву и идет шаг за шагом. Он «логирует» к заключению, а женщина внезапно прыгает без всяких заключений, без всякого процесса — она просто переходит к заключению. Они живут в совершенно разных мирах.

Королева Испании согласилась. Она сказала:

— Ладно, продолжай, я оплачу все расходы.

Все смеялись над глупой королевой, и люди говорили:

— В конце концов, женщина есть женщина — сумасшедшая, безумная! Что она понимает в географии, в астрономии? Этот человек одурачил королеву.

Теперь все говорили, что это было легко. Колумб сделал одну вещь: он взял с тарелки яйцо и сказал придворным:

— Может ли кто-нибудь заставить его стоять прямо?

Все пытались, но оно падало; оно не хотело стоять прямо. Они сказали:

— Это невозможно. Этого нельзя сделать. Как можно заставить стоять яйцо? Оно такое круглое, что обязательно упадет. Когда каждый попытался, и все согласились, что это невозможно, Колумб взял яйцо, ударил его о стол, чтобы низ стал плоским, и яйцо осталось стоять. Они сказали:

— Это обман! Почему ты не сказал раньше? Мы могли бы это сделать!

— Всегда легко, когда что-то уже сделано, — сказал Колумб.

— Я не мешал вам, я не говорил, что этого делать нельзя, но никто из вас не додумался до этого. Теперь это так легко, теперь это может сделать каждый, это небольшое дело.

Когда ты становишься буддой, ты удивляешься тому, насколько просто все это явление. Ты будешь озадачен... почему этого не случилось раньше, почему это заняло столько времени, столько жизней? — в Индии говорят, миллионы жизней, и это правда.

— Почему это заняло миллионы жизней? Этот процесс так прост! — и человек просто смеется над человеческой глупостью и нелепостью.

Да, будды могут говорить вещи, которые могут быть опасными для тех, кто еще не пробужден.

Например, это слушаешь ты — что Будда мог стать просветленным где угодно, — и ты можешь найти рационализацию, чтобы уехать отсюда. Это будет трюком твоего ума. И я не говорю, что ты не можешь стать буддой — ты можешь стать буддой где угодно, даже в Калифорнии, — но это будет гораздо труднее. Если это не может случиться здесь, в лобом

другом месте это будет очень, очень трудно, хотя я и не говорю, что это абсолютно невозможно. Это не абсолютно невозможно, — это возможно — но то, что возможно, не обязательно случается. Даже возможное можно упустить, если у тебя нет правильного контекста.

Фактически, сама идея о поле будды, о том, чтобы стать буддой, возникла в тебе, потому что ты здесь. На Западе люди поклоняются Христу, но никто не думает, что он может стать христом. Это святотатство. Есть лишь один Христос, единственный сын Божий! Достаточно быть христианином; сама идея о том, чтобы стать христом, кажется безумной.

Это вклад Востока в человеческое сознание — ты можешь стать Буддой, ты можешь стать Христом, ты можешь стать Кришной, что ты можешь достичь высочайшего пика, которого только кто-нибудь когда-нибудь достигал, что несешь в себе трансцендентное в виде семени. Но и семени нужна правильная почва, садовник. Мастер это садовник, а поле его энергии это правильная почва.

Остерегайся трюков ума! Он всегда может найти утешения, рационализации. А те, кто следует пути, должны осознавать утешения и рационализации.

Фермер приехал в город, чтобы кое-что продать. Окончив дела, он решил хорошо провести время и пошел смотреть бурлескное представление. Представление так вдохновило его, что после него он решил купить себе полный набор новой одежды, состоящий из костюма, шляпы и ботинок, чтобы удивить свою жену. Он положил все это под сиденье и отправился в обратный путь.

Доехав до реки, он вылез и выбросил в нее свою старую одежду. Вернувшись в машину, он заглянул под сиденье и обнаружил, что и новой одежды нет.

— Ладно, какого черта, — сказал он себе, заводя машину, — она и так удивится.

Ум всегда может утешить тебя.

— Если этого не происходит там, — может сказать ум, — Кто знает? Наверное, этого не произошло бы и здесь. Если это происходит здесь, это могло бы произойти и где-то еще.

Но я не могу отрицать окончательную истину — хотя окончательная истина это еще не твоя территория. Окончательная истина в том, что вы уже будды. Это не зависит от того, случилось ли это как событие, поэтому где это происходит, неважно. Это может случиться дома; это может случиться в лесу; это может случиться на рынке; это может случиться в монастыре. Это может случиться с мастером; это может случиться без мастера. Это может случиться с грешником; это может случиться со святым. Да, я знаю нескольких святых, с которыми это случилось — поверьте мне! Высшая возможность есть, но претворить высшую возможность в непосредственную действительность — это совершенно другой процесс. Как сделать это непосредственной действительностью?

Мастер оказывает огромную помощь, а если мастер создает поле будды... Мастер может двигаться один, не создавая поля будды. Чтобы создать поле будды, мастер должен создать тысячи учеников. Он должен создать многомерную энергию, в которую внесут, вольют свою энергию все возможные типы людей. Он должен создать океан энергии, такой безгранично мощный, что каждый, кто в него входит, обязательно подвергается трансформации — иногда даже вопреки самому себе; иногда даже не понимая, что происходит.

С мастером это случается легче. Еще легче это случается с мастером, у которого есть поле будды. И мое усилие не только в том, чтобы создать поле будды, но и в том, чтобы создать небольшие оазисы по всему миру. Я не хотел бы ограничивать эту поразительную возможность лишь этой маленькой коммуной. Эта коммуна будет источником, но у нее будут ветви по всему миру. Она будет корнем, но он станет большим деревом. Он достигнет каждой страны, он достигнет каждого человека с потенциалом. Мы создадим небольшие оазисы; мы начали создавать небольшие коммуны, центры, по всему миру.

Почти двести небольших семей действуют во всем мире, но это только начало. Тысячи коммун обязательно случатся, если эта коммуна будет действительно и полностью учреждена. Она создаст такой импульс, она создаст такое стремление во всем мире, что у нас по всему миру будут небольшие коммуны. И где бы ни были вместе мои саньясины, там и я. Где бы они ни сидели в медитации, будет чувствоваться мое присутствие.

Поэтому сначала мы должны создать корень, затем ветви. Весь мир не может сюда прийти, но мы можем послать наших посланцев, апостолов; мы можем пустить ветви повсюду. Мы можем охватить всю землю. Мы *охватим* всю землю!

Сегодня это так безмерно важно, что если этого не случится, у человечества нет будущего. «Старый человек» уже мертв: вы несете труп. Абсолютно необходим новый человек — лишь тогда эта земля может продолжать жить; лишь тогда эта планета может остаться в живых.

У человека есть способность обновляться — умирать для прошлого и рождаться заново. У человека есть способность к воскресению. Но сегодня земля это почти пустыня, и повсюду нужны небольшие оазисы, чтобы жаждущие не могли сказать:

— Что мы можем сделать? Вода недоступна. Как нам утолить жажду?

Мы должны сделать божественное доступным для каждого искателя на земле.

Да, я пытаюсь создать оазисы даже в таких странах как Китай, Советская Россия, в других коммунистических странах. Дело начато: там они в подполье — там им приходится идти в подполье. Вы удивитесь, но в одном городе в России у нас есть двадцать пять саньясинов — конечно, не в оранжевом. Они сделали малы, и когда они встречаются в каком-нибудь подземном подвале, они одевают оранжевую одежду, слушают записи, медитируют, изучают книги. Они перевели несколько книг на русский язык; теперь эти переводы передаются из рук в руки.

Несколько дней назад я получил письмо от женщины, которая организовала подпольную группу, в котором говорится: «Мы готовы стать саньясинами. Лишь один намек, и мы

готовы заявить о себе, какой бы ни была цена». И, конечно, в России это может быть опасно. Это может значить только заключение или пожизненную ссылку в Сибирь. Поэтому я написал ей ответ: «Сейчас в этом нет необходимости. А если вы хотите оранжевую одежду, не делайте ее оранжевой, сделайте ее красной — пусть она выглядит по-коммунистически! Я могу действовать через красное точно так же, как и через оранжевое; не волнуйтесь. Я не люблю напрасных страданий. Я не хочу создавать ненужных мучеников совершенно без причины. И продолжайте работать — работа гораздо важнее».

Слово распространится. Вскоре вы увидите, как повсюду прорастают коммуны, и тогда я смогу действовать в более крупном масштабе. Но основная коммуна должна быть здесь, и в основной коммуне должно быть, по меньшей мере, десять тысяч саньясинов. Это минимум, чтобы создать энергию, которая будет пульсировать по всей земле!

Ты можешь стать буддой где угодно, но здесь стать буддой будет легче, это будет возможно в *этой* жизни. Нельзя сказать, сколько времени нужно, чтобы стать буддой где-то еще — одна жизнь, две жизни, три жизни или много жизней. Ты будешь работать одна; у тебя не будет никакой помощи.

Есть некоторые люди, одиночки, которые хотят идти в одиночестве. Если ты этого хочешь, я буду абсолютно доволен — ты можешь идти одна. Но ты не такого типа. Вот почему ты говоришь: «Почему я чувствую, что мне нужно находиться в твоём поле будды?» — потому что тебе *нужно* здесь находиться! Потому что ты не одиночка. Потому что ты любишь ту энергию, которая пульсирует вокруг тебя. Потому что твой путь это любовь, а не медитация. Любовь возможна лишь тогда, когда ты можешь найти возлюбленных высокого качества. Ты можешь найти любовников повсюду в мире, но эта любовь будет лишь похотью.

Здесь ты найдешь возлюбленных, у которых любовь это не похоть, которые в любви делятся радостью, любовь которых будет для тебя помощью — рукой, протянутой к тебе, чтобы ты могла выбраться из своей грязи.

Пятый вопрос:

*Возлюбленный Мастер,
Я влюблен в одну женщину, но я хочу быть абсолютно уверен, что она никогда никого раньше не любила. Почему я так волнуюсь об этом?*

Рампрем,
Это просто старый подход мужского шовинизма. Ты не волнуешься о себе, любил ли ты раньше кого-нибудь или нет. Об этом ты не беспокоишься, это нормально; мальчики есть мальчики, и им все простительно. Почему ты волнуешься о женщине, которую ты любишь? Фактически, само желание, чтобы женщина никогда никого не любила, неразумно, потому что женщина, которая никогда не любила, будет неопытной. И жить — даже с опытной женщиной — значит жить в аду. Что говорить о неопытной женщине?

Если тебе нужен шофер, чтобы водить твою машину, ты не будешь искать шофера, который никогда ничего не водил. Если тебе нужно что-то напечатать, ты не напишешь в объявлении, что тебе нужен человек, который никогда не печатал. Если тебе нужен повар, ты будешь искать кого-то опытного. Почему у тебя совсем другая логика в отношении любви? Это глупо.

Женщина, которая любила нескольких мужчин, более понимающая; она поймет тебя лучше, она создаст для тебя меньше проблем, она всеми возможными способами поможет тебе выйти из твоего эго, из твоей неразумности, посредственности.

Фактически, есть несколько первобытных племен, в которых опытные женщины пользуются большим спросом. В Индии есть несколько первобытных племен в Бастаре, в которых женщина не может выйти замуж, если она не известна как великая любовница, которая была со многими.

Если женщину никто не любил, это просто показывает, что она безобразна, или с ней что-то не в порядке в самой основе. Должно быть, она непривлекательна, потому что она никому

не нравится. Если женщину любили многие, это показывает, что в ней есть какая-то красота, какая-то притягательная сила, какая-то грация.

Но мужской шовинистический ум веками хотел, чтобы... по одной-единственной причине, которая теперь не имеет смысла. Причина в том, что: «Моя собственность должна принадлежать моему сыну, и никому другому». Вот настоящая причина страха. Люди не были заинтересованы в женщинах, они были заинтересованы в наследниках; поэтому они очень беспокоились: если у женщины раньше были романы, кто знает, может быть, она носит ребенка кого-то другого.

Два молодых человека большими шагами ходили туда-сюда в приемной роддома. Один спросил другого:

— Ты выглядишь встревоженным. Что случилось?

— Что случилось? Это ужасно! У меня отпуск, а моя жена выбрала именно это время, чтобы рожать. Теперь весь мой отпуск пропал.

— Ээ, — сказал другой, — это ерунда. У меня медовый месяц! Моя жена рождает. Мне нужно беспокоиться, а не тебе!

Молодой человек спрашивал у врача:

— Часто ли так бывает? Моя жена скоро собирается родить, а мы женаты всего семь месяцев.

Должно быть, этот врач был мудрым стариком; сейчас этот тип исчез. Теперь появились специалисты, ухо-горло-нос и хирург; кто-то знает об одной части, кто-то о другой, но никто не знает о целом человеке. Старый врач был мудр. Он сказал:

— Да, в первый раз так бывает часто, но больше никогда не повторяется.

Люди всегда очень тревожились, боялись, что их жена может носить сына кого-то другого. Какое это имеет значение? Фактически, когда ты занимаешься любовью с женщиной, высвобождаются миллионы живых клеток; миллионы, и ты не смог бы узнать, какие твои, а какие нет. Они такие крошечные, что даже нельзя увидеть невооруженным глазом, тебе

потребовалось бы механическое приспособление, микроскоп, чтобы их увидеть.

Эти миллионы клеток начинают первую гонку жизни; они борются, они начинают спешить к яйцеклетке женщины, которая находится глубоко внутри матки. И один из этих ребят — который победит в забеге и придет первым — войдет в яйцеклетку. Когда в нее входит один парень, она закрывается. Иногда случается так, что рождаются близнецы, иногда три, четыре, пять, шесть, семь, восемь детей, но это бывает очень редко.

Ты не знаешь, какой именно, но один из миллионов этих ребят станет твоим ребенком. Все остальные клетки умрет в течение двух часов, и ты никогда не узнаешь, кем они были. Женщина может родить двенадцать детей, или, самое большее, восемнадцать детей за всю жизнь, но у мужчины есть потенциал создать столько детей, сколько людей сегодня на земле. У одного мужчины есть столько клеток, что он может населить всю землю.

Ты никогда не узнаешь, сколько из твоих детей умерло, потому что их умерли миллионы и миллионы. И какая разница, происходит ли ребенок из твоего тела или из тела кого-то другого? Он приходит от Бога.

Но эта глупость продолжается. Рампрем, ты должен ее отбросить.

— Дорогая, — выдохнул он страстно, — я первый мужчина, с которым ты занимаешься любовью?

— Конечно, первый, — отрезала она. — Не знаю, почему вы все всегда задаете такие дурацкие вопросы.

Ты не одинок, не падай духом! Вся земля полна таких же глупцов.

Он привлек ее к себе; их окутывая дымка удовлетворения.

— Я первый мужчина, с которым ты занималась любовью? — спросил он.

Она задумчиво посмотрела на него.

— Может быть, — сказал она, — твое лицо кажется знакомым.

Последний вопрос:

*Возлюбленный Мастер,
Я много раз слышал, что Бог есть любовь, Бог есть существование, Бог создал этот мир, и что Бог это сверхъестественная сила, которая организует этот мир.
Я пытался почувствовать это, но не смог. Все эти слова все больше и больше сбивают меня с толку.*

Пожалуйста, скажи мне, что такое Бог. И что это значит, когда Ты используешь слово «Бог» в своих лекциях?

Бал Кришна Бхарти,
Не пытайся подражать тому, что говорят другие. Они могут говорить глубокие истины, но подражая им, ты никогда не достигнешь этих истин; потому что они не достигли их путем подражания. Они достигли этих истин, будучи оригинальными.

Иисус говорит: Бог есть любовь. Я говорю, что любовь есть Бог. Мое утверждение более проникательно, чем слова Иисуса. Иисус говорит: Бог есть любовь; это значит, что у Бога есть много других качеств, одно из которых — любовь. Я говорю, что любовь есть Бог, и нет никакого другого качества, любовь это единственное качество, которое божественно.

Ты слушаешь эти вещи и пытаешься... что ты собираешься делать? Знаешь ли ты, что такое любовь? Ты начинаешь волноваться о Боге — сначала ты должен узнать, что такое любовь, а любовь, которую ты знаешь, это не что иное, как похоть. Мы не говорим о похоти, ни Иисус, ни я, мы говорим о любви. А любовь это нечто настолько таинственное, что никто никогда не мог точно описать ее, есть лишь пальцы, указывающие на луну.

Что мы можем сделать? Слыша, что любовь есть Бог, ты прыгаешь в так называемую любовь, в то, что ты считаешь

любовью, но это лишь бессознательная сексуальность; она лишь замаскирована под любовь. И ты не найдешь Бога; напротив, ты можешь столкнуться с Дьяволом — и тогда ты озадачен.

Нужно избегать подражания. Единственным законом должно быть понимание, но никогда не подражание.

Поэтому, прежде всего, Бал Бхартти, перестань подражать. Слушай меня и других — Кришну, Иисуса, Лао-цзы, Заратустру — просто чтобы понять, но не для того, чтобы подражать. Не торопись, позволь пониманию впитаться в тебя; в спешке ты сделаешь что-то не так.

Путешествующему продавцу, запертому в сельской местности плохой погодой, разрешили разделить спальню с сыном фермера. В положенное время оба они легли спать. Мальчик упал на колени возле кровати, приложив руки к голове, в молитвенной позе.

Продавцу пришла в голову цитата: «И их поведет маленький ребенок». Он почувствовал себя плохим, потому что много месяцев не произносил молитв; он обошел кровать с другой стороны и тоже опустился на колени.

Мальчик поднял голову и сказал:

— Мистер, что вы делаете?

— То же, что и ты, сынок, — ответил тот.

— Тогда мама задаст вам перцу, потому что горшок с этой стороны.

Не дошло.

Я подожду, пока до вас дойдет.

Еще немного!

Подражание не поможет, подражание создаст для тебя проблемы. Понимай! Зачем так торопиться практиковать? Пусть понимание впитается так глубоко, что трансформирует твоё существо. Это единственный способ достичь истины; подражание к ней никогда не вело.

А именно это ты делал. Ты говоришь: «Я пытался почувствовать это, но не смог».

Как ты можешь это почувствовать? — это не дело чувства, это не дело мышления; это дело существа. Существо достигается в понимании. Просто слушай молчаливо, внимательно, как можно более открыто. Будь открыт для меня. Пусть не будет никаких препятствий и преград.

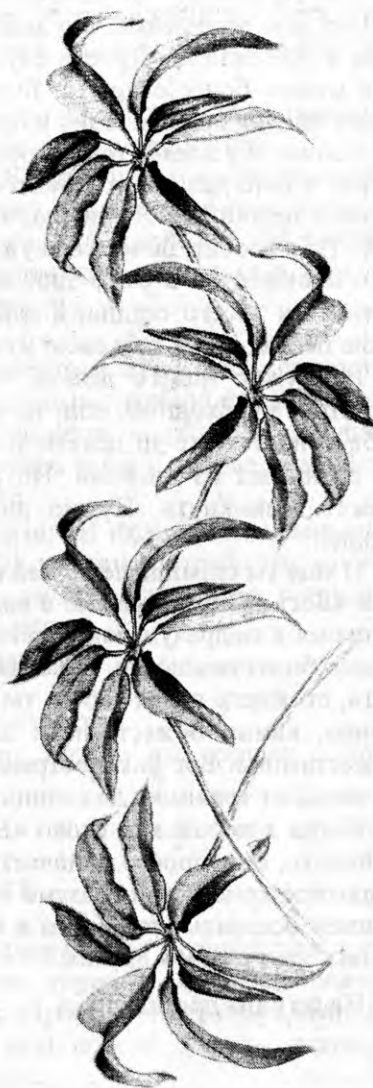
Сейчас эта идея о том, чтобы практиковать, чтобы немедленно что-то делать, становится препятствием между тобой и мной. Спешки нет. Я говорю, что понимание есть освобождение. Тебе вообще ничего не нужно делать. Если ты позволишь мне проникнуть в само твоё ядро, если ты позволишь мне коснуться твоего сердца, я дам тебе свой танец, я дам тебе свою песню, я дам тебе свою музыку.

Не нужно ничего делать, быть с мастером достаточно. Действие необходимо, если ты углубляешься в писания; тогда тебе придется что-то делать, потому что понимание никогда не возникает из писаний. Но рядом с мастером понимание может возникнуть. Нужно лишь немного более открытое сердце.

И еще ты спрашиваешь меня, что я подразумеваю под словом «Бог». Я просто имею в виду качество, присутствие. Под «Богом» я подразумеваю божественность; всё существование полно божественности. И когда ты познаешь, ты не увидишь бога, стоящего перед тобой, ты увидишь, что деревья божественны, камни божественны, люди божественны, животные божественны. Бог распространен повсюду вокруг, от гальки до звезд, от травинки до солнца — всё божественно.

Когда я использую слово «Бог», оно никогда не означает личность; оно просто означает присутствие, молчаливое абсолютное присутствие разума существования. Но сначала ты должен осознать этот разум в себе, лишь тогда ты сможешь узнать этот разум в других.

На сегодня достаточно.

Глава 7
Забывание ~
единственный грех

Не позволяй удовольствиям отвлекать тебя
От медитации, от пути.

Освободись от удовольствий и боли.
Ибо стремясь к удовольствия или лелея боль,
Ты пожнешь лишь отчаяние.

Не люби ничего, чтобы его не потерять,
Чтобы оно не принесло тебе горе и страх.
Иди за пределы симпатий и антипатий.

Из страсти и желания,
Чувственности и похоти
Возникает горе и страх.
Освободи себя от привязанности.

Он чист и видит.
Он говорит истину и живет ею.
Он делает свою работу,
И за это им восхищаются, и его любят.

Решительным умом и бесстрастным сердцем
Он жаждет свободы.
Его называют уддхамсото —
«Тот, кто плывет против течения».

Когда путешественник наконец приходит домой
Из дальних странствий,
С какой радостью
Семья и друзья принимают его!

Так твои добрые дела
Приветствуют тебя как друзья, —
С какой радостью! —
Когда ты переходишь из этой жизни в следующую.

Врач проверял пациента сумасшедшего дома на предмет выписки. Первым вопросом было:

— Что вы собираетесь делать, когда покинете это учреждение?

— Я сделаю рогатку, — говорит пациент, — и вернусь сюда и разбахаю все чертовы окна в этом доме!

Еще через шесть месяцев лечения пациент снова предстал перед главврачом на предмет выписки, и ему был задан тот же вопрос.

— Наверное, я найду работу, — ответил пациент.

— Хорошо, — сказал врач, — а что потом?

— Я сниму квартиру.

— Очень хорошо.

— Потом я встречу красивую девушку.

— Отлично.

— Я приведу девушку в свою квартиру и задеру ей юбку.

— Совершенно разумно.

— Тогда я стащу с нее трусы, сделаю из них рогатку и разбахаю все чертовы окна в этом доме!

Человек движется почти по одному и тому же кругу. Такой, какой он есть, человек ненормален, его нельзя назвать нормальным. Но это безумие так широко распространено, оно так нормально, что мы не осознаем его... Когда ты становишься пробужденным, ты удивлен тем, как живут люди, что они делают с собой и с другими. Вся их жизнь это не что иное как сущее безумие. Кто-то сходит с ума из-за денег, кто-то сходит с ума из-за власти, кто-то сходит с ума из-за славы — а все эти вещи абсолютно тщетны.

Приходит смерть, и вся конструкция, которую ты построил с таким трудом, разваливается. Смерть приходит и забирает тебя, и все, что ты создал, было тщетно.

Здравый человек это тот, кто создает нечто, что не может разрушить даже смерть. Пусть это будет определением нормальности: человек, который что-то знает о бессмертии, вечности — он нормален, он будда. Быть буддой это просто значит быть нормальным. Человек, который не знает о бессмертии, живет во времени и мыслит только в терминах этого

мира, ненормален. Он не осознает самого себя, как он может быть нормальным?

Мы пока не смогли создать нормальное общество по той простой причине, что мы не смогли создать много будд. Чем больше в мире будд, тем больше у человечества возможностей подняться к высшим высотам существа, понимания, любви, сострадания. Иначе вы продолжаете двигаться из одного кошмара в другой.

Крупный бизнесмен молился в синагоге, прося Бога помочь ему заключить сделку на пятьдесят тысяч долларов. Как раз в это время очень бедный человек вошел в синагогу и стал просить у Бога два доллара.

Раздраженно бизнесмен вытащил из кармана два доллара, швырнул их бедняге и прошептал:

— Вот, возьми, дурак, и убирайся отсюда. Перестань отвлекать его от моего дела!

Бедный и богатый, невежественный и знающий, знаменитый и безвестный — все они в одной лодке. Просишь ли ты у Бога два доллара или пятьдесят тысяч, не имеет значения. Идти к Богу с желанием значит вообще не идти к нему, потому что лишь отсутствие желаний становится мостом. Желать значит создавать стену между собой и целым.

В то мгновение, когда ты желаешь, ты говоришь: «Я мудрее целого». Ты говоришь: «Ты не знаешь, что нужно сделать, и я пришел тебе посоветовать». Ты говоришь целому: «Так, как есть, неправильно: все должно быть по-моему».

Молитва это полная противоположность желанию. Молитва означает: «То, что есть, абсолютно совершенно, как и должно быть. Поэтому во мне нет ничего, кроме глубокой благодарности». Настоящая молитва склоняется перед существованием в глубокой благодарности, потому что, что бы ни было и как бы то ни было, все так совершенно, как только может быть. Молитвенное сердце знает, что вселенная совершенна в каждое мгновение; она движется от совершенства к большему совершенству.

Мир не движется от несовершенства к совершенству, помни: он движется от совершенства к большему совершенству. Вот понимание молитвенного сердца. Но мы полны желаний.

Если ты пойдешь в синагогу, храм или церковь, ты найдешь там тех же людей, с тем же умом, совершенно ничем не отличающихся. Они действуют с тем же умом, что и в мире, они идут в храм с тем же умом. Как можно идти в драм с тем же умом, который прекрасно действует в мире? Мир это сумасшедший дом! Тебе придется научиться другому языку. Но люди продолжают повторять те же самые глупости. Их нельзя даже потрясти, вытряхнуть из сна, потому что тогда они очень злятся.

Мулла Насреддин пожаловался на то, что каждый раз, когда он пытается заснуть, видит полосатых верблюдов.

— А ты когда-нибудь видел психиатра? — спросил я.

— Нет, никогда, — сказал он, — Только полосатых верблюдов.

Люди продолжают жить в своем маленьком мире, в своих маленьких идеях, предрассудках. Они продолжают действовать одинаково в каждой ситуации. И в храме они говорят на том же языке, что и в мире. Они расчетливы и в любви.

Я спросил у муллы Насреддина:

— Насреддин, я слышал, что с тобой только что был несчастный случай?

— Да, — сказал он, — И довольно тяжелый, но я получил двадцать тысяч рупий, и моя жена, которая тоже была в машине, получила пять тысяч рупий.

— Она не пострадала?

Насреддин рассмеялся и сказал:

— Нет, но у меня хватило ума лягнуть ее в лицо во время всеобщей свалки!

Даже во время столкновения ум продолжает делать свое дело!

Все будды всегда пытались вытащить тебя из твоего ума. Путь прост. В этих сутрах Будда говорит о пути выхода из этого глупого ума.

*Не позволяй удовольствиям отвлекать тебя
От медитации, от пути.*

Удовольствие это мгновенное волнение тела. Это не радость, это не блаженство. Удовольствие это мгновение опьянения физическим, отождествления с физическим.

Когда ты отождествляешься с телом, когда ты начинаешь прислушиваться к телу и его инстинктам, в тебе возникает своего рода щекотка, мгновенное состояние опьянения. Опьянение создается химией твоего тела.

Человек может извне принимать наркотики, пьянеть и забывать обо всем беспокойстве, тревоге, бремени и ответственности мира. Он может совершенно забыть мир; иногда он слишком тяжел. И если ты просто выскользнешь из него в алкоголь, мескалин, марихуану, ЛСД, это даст тебе чувство удовольствия. Это не настоящее удовольствие; это только отсутствие боли.

Пусть это будет ясно и понятно: то, что ты называешь удовольствием, это состояние опьянения, в котором ты так бессознателен, что не можешь осознавать боль. Этого можно добиться, применяя какие-то внешние наркотики; это можно добиться и высвободив наркотики во внутренней химии твоего тела. Именно это происходит, когда ты сексуально опьянен: тело вырабатывает собственный наркотик. Он не очень отличается.

Твое тело тоже снаружи. Ты не твое тело, ты сознание внутри тела; твое тело это лишь место отдыха, дом. Однажды ты вступишь в него, и однажды тебе придется его покинуть: караван-сарай, ночевка. Ты это не твое тело... твое паломничество вечно. Но находясь в теле, человек может отождествиться с ним, начать думать: «Я это тело». И сегодня это происходит больше, чем когда-либо раньше.

Многие века человек осознавал, что он не тело, но за последние два-три века научный подход разрушил это так долго

взращаемое понимание. Наука это хороший метод познания материального, но она абсолютно бессильна в том, что касается мира сознания. Поскольку науке известна только материя, она неизбежно отрицает сознание; оно за пределами ее постижения.

Если ты попытаешься увидеть свет ушами, ты не сможешь его увидеть, и уши скажут: «Света нет». Если ты попытаешься слушать музыку глазами, ты ничего не услышишь, потому что это исключает сам метод. Глаза не могут слышать музыку, уши не могут видеть свет, руки не могут чувствовать запах, нос не может чувствовать вкус. У каждого органа чувство есть свою ограничения. Оно совершенно в диапазоне своего действия; за его пределами оно совершенно неуместно.

Так и с наукой и религией. В прошлом религия отрицала — абсолютно отрицала — существование тела, материи и мира. Мистики называли мир иллюзией, *майей*, сном. Это одна крайность — я ее не поддерживаю, идя за пределы религиозного подхода, говоря вещи, которые не входят в видение религии. Теперь то же самое делает наука, это та же крайность: сознание это иллюзия, а тело — единственная истина.

Насколько я вижу, и то и другое полуправда, а полуправда хуже, чем абсолютная ложь — потому что полуправда может обмануть очень многих людей. Тысячи лет человек был обманут полуправдой: что сознание, Бог, Брахман есть единственная реальность, а все остальное лишь сон. Теперь маятник полностью повернулся к другой крайности: что тело это единственная реальность. Наука говорит: Сознание это иллюзия, тело это единственная реальность. И то, и другое ложно.

Вот вся истина: у тела своя реальность, у сознания своя. И чудо в том, тайна в том, что эти две отдельные реальности действуют в глубокой синхронности. Это тайна: материя танцует в одном ритме с сознанием, сознание танцует в одном ритме с материей. Эту тайну я называю Богом, эту тайну я называю истиной, полной истиной.

Но если человеку предстоит выбрать между двумя видами лжи — ложью религии и ложью науки — если ничего не остается, кроме как выбрать между ними двумя, я скажу: выби-

рай религиозную ложь, потому что, по крайней мере, она приведет тебя к другому берегу, к вечности.

Но три века мы решали в пользу научной лжи, что делает тебя все более и более ограниченным телом. А когда ты ограничен телом, «Ешь, пей и веселись» становится самоцелью. Просто подумай о себе как о существе, которое не более чем «Ешь, пей и веселись». Оно было бы бессмысленно, оно было бы лишено всякого значения, оно было бы очень посредственно. В нем не было бы никакого экстаза. Да, будут удовольствия, в которых ты потеряешься в химии тела, и будет боль, в которой тебе придется выйти из этого забытья. Так ты будешь продолжать перемещаться между болью и удовольствием.

Испытывать удовольствие значит потеряться, стать бессознательным в химии тела; испытывать боль значит снова начать осознавать не телесную реальность, снова начать осознавать окружающий мир. Поэтому удовольствия означают забытье, а боль означает приход в чувство. Замечали ты, что ты помнишь, лишь когда больно? Если у тебя болит голова, ты осознаешь, что есть голова, иначе кто думает о голове? Лишь боль заставляет тебя вспомнить о голове. Если тебе трут ботинки, ты осознаешь, что есть ноги; если ботинки не трут, ты не осознаешь, что у тебя есть ноги. Когда тебя беспокоит желудок, ты осознаешь, что есть желудок. Если все хорошо и гладко, ты никогда ничего не осознаешь.

Боль приносит осознанность; осознанность заставляет тебя осознавать боль. Утрата осознанности дает тебе ложную идею, что боли больше нет. Многие люди нашли многие способы становиться бессознательными; это способы опьянения. Вы нашли много способов анестезии — химической, физической, религиозной — да, и религиозной.

Если человек продолжает петь мантру — что вы называете Трансцендентальной медитацией, — это наркотик, произведенный психологическим путем. Если ты снова и снова повторяешь определенное слово, оно продолжает раздражать психические источники, и это постоянное повторение создает состояние бессознательности. Оно становится колыбельной; ты начинаешь крепко засыпать. Это успокаивает, это рас-

слабляет, но это не медитация. Это полная противоположность медитации; это психологический наркотик.

Будда говорит: *Не позволяй удовольствию отвлекать тебя от медитации, от пути.* Остерегайся того, что удовольствие отвлечет тебя от медитации и от пути. А что такое медитация в видении Будды? Медитация это осознанность, поэтому все, что делает тебя неосознанным, это помеха; неважно, откуда она берется. Создаешь ли ты ее путем повторения мантры или приема, курения или инъекции наркотика... как это получается, неважно. Если это отвлекает тебя от осознанности... это может вызывать красивые сны, но ты больше не сознате-лен. Ты можешь почувствовать, что весь мир становится золотым, деревья зеленее, розы краснее, и все кажется поразительно красивым, психоделическим — но *ты* неосознателен, ты больше не в сознании. Это помеха.

Будда против наркотиков... если я и против наркотиков, то лишь по этой причине. Не потому, что это противоречит так называемой морали, не потому, что это расстроит священников и пуритан, не потому, что так говорит традиция. Будды против наркотиков не потому, что наркотики это грех, но потому, что они уводят тебя от самого себя, они отвлекают тебя.

Ты удивишься, узнав, что корень, от которого происходит слово «грех», означает «забыть» — корень означает забыть. Если ты можешь напоминать себе, что забывать себя значит грешить, твой подход будет правильным: тогда добродетель — помнить. Георгий Гурджиев называл это самовспоминанием. Будда называет это *саммасати* — правильное внимание. Кришнамурти называет это осознанностью. Но все эти слова значат только одно: Не отвлекайся от своего внутреннего центра; оставайся укорененным в нем, оставайся в нем сознательным.

Не позволяй удовольствию отвлекать тебя от медитации, от пути.

А медитация *и есть* путь: нет другого пути к божественному, нет другого пути к истине. Истина не похожа на готовое платье. Истина это нечто, что тебе придется открыть, становясь более и более осознанным. И тебе предстоит открыть ее не где-нибудь, а в своем собственном существе. Ты — истина,

прикрытая бессознательностью, прикрытая забытьем, поэтому все, что отвлекает, все, что уводит тебя от самого себя, не религиозно, не духовно.

Освободись от удовольствия и боли.

Ты будешь удивлен... потому что кто хочет боли? Никто не хочет боли, по крайней мере, по видимости никто не хочет. Но это не правда. Есть два вида людей: те, кто хочет удовольствия, и те, кто хочет боли. Тех, кто хочет удовольствия, называют мирскими, а тех, кто начинает хотеть боли, называют духовными, святыми, аскетами. Боль становится их удовольствием; они начинают наслаждаться самоистязанием.

Вся история человечества полна этих глупцов, и им поклонялись. Кто им поклонялся? — Люди, которые хотят удовольствия! Для них эти люди выглядят так, будто они из другого мира, потому что они хотят удовольствия, а эти люди избегают удовольствия. Напротив, они подвергают себя боли: они продолжают поститься, они продолжают сидеть обнаженными в стужу, или садятся у огня, когда солнце уже изливает огонь на землю. Они — мазохисты, самоистязатели, извращенцы.

Девятьсот девяносто девять из ста ваших святых просто патологичны — и из-за этих патологичных людей религия осталась больной; нельзя было сделать религию здоровой. Будды пытались, но до сих пор терпели поражение, потому что их никто не слушает.

У человеческого ума есть стратегия: он очень легко движется в противоположное. Ты гонишься за деньгами, затем однажды ты видишь, как это глупо, и начинаешь убегать от денег. Теперь ты по-прежнему остаешься одержимым теми же самыми деньгами; деньги по-прежнему остаются в центре твоего фокуса. Сначала ты двигался к ним, теперь ты движешься от них, но это твоя точка отсчета; вся твоя жизнь по-прежнему проходит в этом контексте. Ты все еще думаешь в терминах денег — сколько у тебя денег, или от скольких денег ты отрекся, но ты продолжаешь считать.

Однажды к Рамакришне пришел один человек с мешком золотых монет. Он высыпал эти монеты к ногам Рамакришны. Вокруг сидело много людей; все они были удивлены суммой денег, которую принес этот человек, а он высыпал их к ногам Рамакришны. Какая преданность!

Но Рамакришна был недоволен. Он сказал:

— Ты высыпаешь их таким образом, что кажется, что ты хочешь произвести на людей впечатление. Ты даешь представление! Положи деньги обратно в мешок и иди к Гангу — в Ганг был как раз за храмом Рамакришны, — и выбрось все эти деньги в Ганг.

Человек был очень озадачен, обеспокоен — выбросить столько золотых монет в Ганг! Он пришел с великими ожиданиями, что Рамакришна скажет ему:

— Ты великий религиозный человек. Какое отречение! Как ты чист, как свят!

А Рамакришна не обратил ни малейшего внимания. Наоборот, он сказал:

— Иди и выбрось весь этот мусор в Ганг.

Он не хотел идти, но как скажешь нет Рамакришне? Если он сам предложил, как он может сказать нет? Неохотно он пошел к Гангу.

Прошли часы, а он так и не вернулся. Рамакришна спросил, где он. Рамакришна пошел посмотреть. Этот человек собрал большую толпу. Сидя на прибрежной скале, он сначала подбрасывал монету, поднимая много шума, смотрел на монету, затем выбрасывал ее в Ганг. И многие прыгали в воду, чтобы ее найти. Он сделал из этого целое представление. Собрались сотни людей, а он считал:

— Одна, две, три, четыре...

Рамакришна пришел и сказал:

— Дурак! Собирая деньги, их считают, но какой смысл считать, выбрасывая их в Ганг? Ты делал это два с половиной часа. Зачем тратить время? Брось весь мешок! Какой смысл считать?

Но именно так действует человеческий ум: он считает, даже отрекаясь. Это тот же ум, который копил; теперь он отре-

кается. Человек гонится за властью, деньгами, престижем, потом однажды он убегает в горы, как можно дальше от столицы. Но столица остается точкой отсчета.

Поэтому Будда говорит: *Освободись от удовольствия и боли* — от них обоих. Он не говорит: «Освободись от удовольствия», потому что если он скажет только это, он прекрасно знает, — он очень осторожен с тобой — что ты выберешь боль, и таким образом с черного хода войдешь в ту же ловушку; потому что удовольствие принадлежит телу и боль принадлежит телу. Наслаждаешься ли ты едой или постом, не имеет значения — и еда, и пост это физическая деятельность. Есть люди, которые наслаждаются едой, а есть люди, которые наслаждаются постом, но и те, и другие укоренены в физическом. Они еще не подняли глаза к запредельному. Поэтому, чтобы напомнить тебе, он говорит: *Освободись от удовольствия и боли*.

*Ибо стремясь к удовольствию или лелея боль,
Ты пожнешь лишь отчаяние.*

Да, люди продолжают делать и то и другое. Есть люди, которые продолжают ранить себя.

Ты удивишься, узнав, что есть христианская секта, которая считается очень аскетической и добродетельной; ее последователи носят пояса с гвоздями. Гвозди постоянно ранят тело. Эти люди носят туфли с гвоздями внутри, и их ноги всегда кровоточат. Они считались великими аскетами. Люди считали, сколько гвоздей в туфлях у этого святого; чем больше у тебя гвоздей, тем более ты великий.

Были христианские святые, у которых была единственная молитва: по утрам они бичевали себя, и тысячи людей собирались посмотреть, как они себя бичуют. Все их тело было в крови. И эти люди считались духовными!

Эти люди против меня, потому что я учу здоровой религии, религии, которая не верит ни в какую чепуху.

Если ты жаждешь удовольствия, ты будешь в отчаянии; если ты лелеешь боль, ты будешь в отчаянии. А быть в отчаянии значит быть нерелигиозным. Поэтому Будда гово-

рит снова и снова: радость это качество действительно религиозного человека. Иисус говорит: Радуйся! Не боль, не удовольствие, а радость. Радость это нечто духовное; она не исходит из тела. Человек может быть радостным, даже когда тело болеет, он может радоваться, даже умирая. Радость это нечто внутреннее. И боль, и удовольствие ориентированы на тело; радость ориентирована на существо.

*Не люби ничего, чтобы ты это не потерял,
Чтобы это не принесло тебе горе и страх.
Иди за пределы симпатий и антипатий.*

Симпатии и антипатии просто говорят о том, что ты считаешь себя отдельным от существования. У человека, который отбросил эго, больше нет симпатий и антипатий. Что бы ни происходило, он радуется этому. Если он оказывается в бедности, он радуется этому, потому что в ней есть прелести, некоторые прелести, которых нет больше ни в чем. Если этот человек оказывается в богатстве, он радуется богатству, потому что есть некоторые красивые вещи, которые можно найти только в богатстве. Если этот человек находит себя молодым и здоровым, он радуется этому, потому что некоторые вещи возможны, лишь когда ты молод. Этот человек радуется и старости, потому что есть вещи, которые может дать тебе только старость. Определенно одно: у него нет предпочтений, он не стремится лихорадочно к тому, чтобы все было так-то и так-то. Он не ставит условий существованию. Он живет без условий, радуясь всему, что происходит.

Носить симпатии и антипатии значит носить предрассудки, и каждый носит предрассудки. Вот почему ничто никогда не удовлетворяет тебя.

Даже отец Будды не был доволен. Он был несчастен, потому что его сын встал на неправильный путь; для него медитация была неправильной. Он желал, чтобы его сын стал императором; это было его глубокой амбицией. Будда был его единственным сыном, и однажды он бежал. У меня есть сильное подозрение, что причиной его бегства был отец. Если у тебя только один сын, да и тот родился, лишь когда ты был

уже стар... Когда родился Будда, его отец был очень стар. Это был его последний шанс; еще один или два года, и не было бы вообще никакого сына. Мать умерла сразу же после рождения Будды; она тоже старела, и роды были слишком большим потрясением.

Буддисты сделали из этого красивую притчу. Они говорят, что когда рождается будда, его мать обязательно умирает. Вот как люди создают глупые притчи. Было много будд. Мать Махавиры не умерла, но если вы спросите буддистов, они скажут: «Это просто доказывает, что Махавира не был буддой». Мать Иисуса не умерла, мать Лао-цзы не умерла — но для предубежденного ума это просто доказывает, что они не были буддами. Когда рождается будда, мать должна умереть; это стало определением.

Вот что было настоящей причиной: мать была стара, отец был стар; это был последний шанс. Они жили очень несчастной жизнью, потому что у них не было сына. Они создали большое королевство: «Кому будет принадлежать это королевство?» И когда в старости у тебя появляется ребенок, ты слишком цепляешься за этого ребенка. Должно быть, отец был слишком властным: у меня такое чувство, что это было причиной бегства Будды. Должно быть, отец был причиной, должно быть, он был цепями. Он построил для Будды прекрасные дворцы и не позволял ему их покидать. Он создал во дворцах все условия, все виды удовольствий. Фактически, он создал слишком хорошие условия, и Будда быстро пресытился; когда он покинул дворец, ему было только двадцать девять лет.

Обычно люди пресыщаются к концу жизни; чтобы испытать опыт жизни, нужно время. Отцу Будды удалось обеспечить его всеми возможными удовольствиями. Красивые женщины — все красивые женщины королевства были свезены во дворец, чтобы служить Будде. Лучшее вино, самые красивые женщины, мраморные дворцы, музыканты, поэты, танцоры... постоянное веселье. Двадцать четыре часа в сутки Будда тонул в удовольствиях. Каждый, в ком есть хоть искра разума, бежал бы. Это стало слишком утомительным, слиш-

ком скучным, это стало таким уродливым зрелищем. Он пресытился и бежал.

Отец Будды был зол, задет. Он хотел, чтобы он стал королем, а он стал буддой. Он был недоволен. Для его ума быть королем было лучше, чем быть буддой. Иметь больше денег и славы — мировой славы — было важнее, чем стать медитирующим и достичь самадхи. Эти слова, наверное, казались ему чепухой; должно быть, он был очень земным, материалистичным.

Но так было не только с Буддой; люди никогда ничем не удовлетворены. Если твой сын оказывается вором, ты злишься, если он оказывается буддой, ты злишься. Кажется невозможным, чтобы ты был счастлив. Если твоя жена слишком верна, она тебе надоедает, если твоя жена неверна, ты злишься. Если твой муж слишком послушен, ты бросаешь его; если он постоянно хочет ссориться и ругаться, ты бросаешь его и тогда. Кажется, у человеческого ума такие симпатии и антипатии, что невозможно, чтобы он пришел в удовлетворенное состояние.

Одна старуха умерла и попала на небеса. Когда она прибыла на место, Святой Петр спросил ее, где бы она хотела жить. Она сказала:

— Я хочу быть рядом с Девой Марией.

И Святой Петр поселил ее в одном доме с Девой Марией. Однажды она зашла к ней в гости и сказала:

— Я всегда хотела сказать вам только одно.

— Да, что это?

— Должно быть, прекрасно быть матерью человека, которого во всем мире признали богом!

— А я так хотела, чтобы он стал врачом, — сказала Мария.

Да, человек устроен именно так — кажется, его ничто не удовлетворяет. Кажется, тебе ничто никогда не дает радости, потому что ты уже носишь симпатии и антипатии — а существование не обязано им соответствовать. Оно никогда не обещало соответствовать твоим симпатиям и антипатиям.

Если ты действительно хочешь быть блаженным, тебе придется отбросить симпатии и антипатии. Чтобы общаться с существованием, тебе придется выучить другой язык. Чтобы ни случилось, наслаждайся этим. Не привноси свои симпатии и антипатии. Твоя жизнь может быть постоянным танцем, празднованием; иначе ты будешь жить в аду.

Не люби ничего, чтобы ты это не потерял, чтобы это не принесло тебе горе и страх. Одно: если ты что-то любишь и это получаешь, обязательно в этом будет огромный страх — страх потерять. В жизни ничто не постоянно; все, что у тебя есть, ты обязательно потеряешь. Поэтому возникает страх, и когда ты теряешь, ты в глубоком горе.

Иди за пределы симпатий и антипатий.

Из страсти и желания,

Чувственности и похоти

Возникает горе и страх.

Освободись от привязанности.

Почему люди живут в таком страдании? — По той простой причине, что они цепляются за вещи. В тот момент, когда ты цепляешься, ты создаешь себе страдание, потому что здесь ничто не будет постоянным. Жизнь это река; она продолжает двигаться, меняться. Ты не можешь предсказать даже следующее мгновение. Если ты за что-то цепляешься и в следующее мгновение находишь, что оно ускользает у тебя из рук, ты будешь в большой боли, в большом страдании.

И ирония в том, что если ты это не потеряешь, и оно останется с тобой, то и тогда однажды ты пресытишься... потому что уму всегда требуется что-то новое, чтобы отвлечься. Ум всегда ищет чего-то нового, свежего. Ты любишь женщину, но все же иногда тебя привлекает обычная женщина, которая, возможно, даже не так красива, как твоя женщина. Ты озадачен: «Почему это происходит?» Дело только в том, что ум всегда хочет чего-то нового.

Ум не может долго оставаться с чем-то одним, поэтому если ты теряешь, ты в горе, и если ты не теряешь, ты в горе. Горе случается в любом случае.

Будда говорит: *Освободись от привязанности.*

Надин, хорошенькая служанка, осталась одна в квартире, где она работала, и решила прилечь на кушетку и немного отдохнуть. Через несколько минут в дверь постучали.

— Кто там? — спросила она.

— Зеленщик, — был ответ.

— Что у вас для меня?

— Немного овощей.

— Оставьте их, пожалуйста, в коридоре.

Через несколько минут в дверь снова постучали.

— Да? — спросила она.

— Это разносчик яиц.

— Что у вас есть для меня?

— Четыре дюжины яиц.

— Пожалуйста, оставьте их рядом с овощами.

Через несколько минут постучали снова.

— Кто это?

— Суперинтендант.

— Что у вас есть для меня?

— У меня позыв¹.

— Тогда входите. Это нас не задержит.

Позывов так много, что ты просто взрываешься от позывов, желаний. У тебя не одно желание, у тебя много желаний. И мало того, что их много: они противоречат друг другу. Если исполняется одно, другое, которое ему противоречит, остается неисполненным, и ты страдаешь. Если исполняется другое, остается неисполненным что-то еще.

Ко мне пришел один политик; он хотел покоя ума. Я сказал:

— Уйдите из политики.

¹ англ. urge: позыв; срочный вызов.

— Это сложно, — сказал он. — Я как раз подхожу все ближе к тому, чтобы стать первым министром своей страны. Я тяжело работал двадцать лет. Сейчас я министр образования, а через два или три года я буду главным министром — я следующий в кабинете, поэтому сейчас я не могу бросить политику.

— Тогда бросьте идею о покое ума, потому что оставаясь политиком, невозможно иметь покой в уме.

— Фактически, именно поэтому мне это нужно, именно поэтому я к вам пришел — это слишком тяжелая ноша, и я разваливаюсь на части. Я боюсь, что сойду с ума раньше, чем стану первым министром. Вот почему я к вам пришел. Помогите мне, научите меня какому-нибудь методу, с помощью которого я могу стать немного более умиротворенным, непринужденным, расслабленным. Но я не могу бросить политику.

Этот человек хочет одновременно двух вещей, которые противоречат друг другу: он хочет мира и имеет амбиции. Это невозможно. Если у тебя есть амбиции, твой ум обязательно будет взбудораженным. Если ты хочешь мира, первое требование: отбросить амбиции. Не отбросив амбиции, ты не можешь быть непринужденным, умиротворенным, расслабленным. Он смог увидеть противоречие, но сказал:

— Я это обдумую.

Я ответил:

— Если вы видите противоречие прямо сейчас, о чем вы собираетесь думать? Обдумывание ничего не даст.

Оно дало только одно: он перестал приходить ко мне. С тех пор я его не видел. Я слышал, что теперь он ходит к Махариши Махеш Йоги, потому что Махеш Йоги говорит, что можно осуществить и то и другое сразу. Чем более медитативным ты становишься, тем больше возможностей удовлетворить свои амбиции. Это полная чепуха. Чем более медитативным ты становишься, тем меньше у тебя будет амбиций. Нет вопроса о том, чтобы осуществлять амбиции; амбиции начнут исчезать из твоего сознания.

Но если ты осмотришь свой ум, ты найдешь множество противоречивых вещей — одна часть идет на юг, другая — на север. Просто чудо, как тебе удастся удерживать себя вместе.

Иначе одна часть тебя оказалась бы в Токио, другая в Тимбукту — кусочки тебя были бы по всей земле! Как тебе удается удерживаться вместе это настоящее чудо. На самом деле, ты вместе только по видимости; в глубине ты разделен и раздвоен.

Будда говорит: Если ты действительно хочешь трансформировать свое существо в мирное сознание, в безмятежность, в блаженство, тебе придется *идти за пределы симпатий и антипатий. Из страсти и желания, чувственности и похоти возникает горе и страх. Освободись от привязанности.*

Необходимо уточнить некоторые определения: когда Будда говорит «чувственность», он не имеет в виду чувствительность. Фактически, чувственный человек это человек с грубым восприятием; чувствительный человек это человек с тонким восприятием. Чувствительность прекрасна, чувственность уродлива. Любовь это чувствительность, похоть это чувственность. Любовь отдает то, что у нее есть, похоть пытается вырвать что-то у другого. Чувственный человек эксплуатирует другого, а чувствительный человек делится собой с другим.

Будь чувствительным, не будь чувственным. Будь любящим, но выйди из похоти. Похоть и чувственность животны; любовь и чувствительность человечесны.

И есть мир еще выше, чем человеческий, — божественное — где даже чувствительность, любовь и все эти вещи исчезают. Остается лишь одно: свидетельствующее сознание. Это состояние будды, христа. Человек становится просто чистым зеркалом существования. Отражаются звезды, отражаются цветы. Тогда ты видишь оригинальное лицо Бога — все существование это его оригинальное лицо. Это подобное зеркалу сознание, это свидетельствующее «я» является целью.

Будды говорит: В этом состоянии, *он чист...* Искатель становится чистым.

Он чист и видит.

Он говорит истину и живет ею.

Он делает свою работу.

И за это им восхищаются, и его любят.

Всегда помни цель: стать чистым свидетелем. Под чистотой Будда никогда не подразумевает моральную чистоту; под чистотой он подразумевает детскую невинность. Между моральной чистотой и детской невинностью огромная разница. Моральная чистота коварна, хитра. Это не настоящая чистота, это нечто навязанное. У нее есть мотивация. Моральный человек пытается достичь небес, радостей мира иного; он хочет стать бессмертным. Моральный человек не лишен желаний: объект его желаний изменился, и он готов пожертвовать всем ради нового объекта своего желания. Он навязывает себе чистоту, но эта чистота не идет дальше глубины кожи. Глубоко внутри он коварный интриган. Фактически, он пытается строить интриги с Богом, чтобы исполнить свои желания.

Моральный человек такой эрудированный; он с головой погружен в писания. Он не мудрый, а лишь эрудированный. Он ничего не знает — потому что для знания нужна детская невинность, для знания нужно великое удивление и трепет. Для знания тебе нужно отбросить все концепции, идеологии, писания. Лишь тогда твои глаза будут совершенно пусты, обнажены, а лишь когда твои глаза обнажены, они могут видеть.

Эрудированный человек *думает*, что знает, потому что он прочитал или услышал красивые слова; но его знание очень поверхностно, заимствованно. Оно не имеет корней в его существе; фактически, это глупо. Люди не могут увидеть, что его знание это не что иное как глупость, переодетая знанием, потому что люди так же слепы, как и он. Но когда он приходит к будде, будда может увидеть, что то, что он говорит, не принадлежит ему.

Однажды меня пригласили на религиозную конференцию — туда пригласили многих святых. Напротив меня говорил один джайнский монах. Он говорил о душе, о свободе от привязанности, о достижении блаженства, мокши, нирваны. Все, что он говорил, было красиво, но я сидел позади него и видел его

насквозь: этот человек был просто попугаем. Он повторял писания, он ничего не знал, но был очень уважаем джайнами.

Когда он закончил, я прошептал ему на ухо:

— Я должен вам сказать, даже если это больно, что все, что вы сказали, заимствованно, все это глупости. Вы ничего не знаете. Вы никогда не медитировали, вы никогда не чувствовали вкуса блаженства. Вы никогда не знали, что такое просветление, хотя вы и описали его так красиво, определили его так красиво. Вы хитрец, но остерегайтесь: эта хитрость не приведет вас к другому берегу.

Он был шокирован. Днем ко мне пришел человек и сказал:

— Он хочет вас увидеть без свидетелей.

— Почему без свидетелей? — спросил я. — У меня есть мои люди, у него есть свои люди, и все они хотели бы услышать то, что будет передано между нами. Пусть встреча произойдет публично!

Но он настаивал. Все же, собралось, по меньшей мере, двести человек, но он сказал:

— Я хочу, чтобы встреча прошла с глазу на глаз.

И он пошел в мою комнату, запер дверь и заплакал.

— Почему вы плачете? — спросил я.

— Вы первый человек, который был со мною так откровенен и правдив. Я не могу принять то, что вы сказали, перед своими людьми, потому что они уважают меня. Вы уничтожите все достижения моей жизни — это мое достижение. Но с вами наедине я могу признать, что вы правы — я просто повторял. Что мне теперь делать?

— Первое, что нужно сделать, это выйти из комнаты и сознаться в этом своим людям: «Вы уважали неправильного человека».

— Это слишком — я не могу этого сделать.

— Тогда, — сказал я, — убирайтесь! Если вы не можете отбросить это, я ничем не смогу вам помочь, потому что это первое требование.

— Я это обдумую, — сказал он.

И он до сих пор думает... прошло двадцать лет! За эти двадцать лет я много раз посылал, чтобы спросить, не пришел ли

он к заключению. Последнему человеку, которого я послал, он сказал:

— Скажите ему, чтобы он перестал мучить меня — он мучил меня двадцать лет. Я знаю, что он прав, но в этом возрасте — ему было почти семьдесят лет — я не могу рисковать своей репутацией. Мне придется продолжать в следующей жизни; возможно, в следующей жизни я смогу последовать его совету.

Но я знаю, что он не послушается и в следующей жизни. Меня не будет; может быть, будет кто-то другой, но он не будет слушать.

Маленькая девочка, услышав стук, отворила дверь фермы. Стоявший на пороге человек средних лет с озабоченным видом спросил, нельзя ли ему увидеть ее отца.

— Если вы пришли по поводу быка, — сказал она, — он стоит пятьдесят долларов. Мы даем бумаги и гарантию.

— Мисс, — сказал он, — Я хочу увидеть вашего отца.

— Если это слишком дорого, — сказала девочка, — у нас есть другой бык за двадцать пять долларов, и на него есть гарантия, но нет бумаги.

— Мисс, — повторил человек, — Я хочу увидеть вашего отца!

— Если и это слишком дорого, — сказала маленькая девочка, — есть еще один бык, за десять долларов, но без гарантии.

— Мне не нужен никакой бык, — сказал человек раздраженно. — Я хочу поговорить о твоём брате, Элмере. Он довел мою дочь до беды!

— Ой, извините, — сказала девочка. — Об этом вам действительно придется поговорить с папой, потому что я не знаю, сколько он попросит за Элмера.

Маленькая девочка просто повторяет, что она слышала. Отец просит за одного быка пятьдесят долларов, за другого двадцать пять, за третьего десять. Она точно не знает, сколько он захочет за... то что происходит, но она слышала. Она просто повторяет.

И именно так живут ваши знающие люди. Они слышали о Боге, но ничего не видели. Они слышали об истине, но не пе-

режили ее. Они слышали о любви, но не жили ею. Они могут говорить, они могут спорить, они могут доказать, что они великие ученые — но они глупцы. Остерегайся их — они не чисты. Из этого заимствованного знания они могут даже навязать себе определенную дисциплину, но их идея о чистоте тоже будет глупостью.

Кто-то ест только вегетарианскую пищу; это его идея о чистоте. Кто-то не ест овощи, а только фрукты — он «фруктианец», — и то лишь тогда, когда они созреют и упадут сами, чтобы не причинить дереву никакого вреда. Он думает, что он действительно чист. Кто-то думает, что чище всего он будет, если будет пить только молоко.

В Индии молоко считается самой чистой, *саттвической* пищей. Странно: молоко это животный продукт. Как и яйца, оно появляется из тела животного. И несомненно, оно не для тебя — оно для детей животных. Это опасно, потому что корова дает молоко для *своего* ребенка, а ее ребенок станет быком! Люди в Индии думают, что если они будут пить молоко, то достигнут безбрачия. Это полная глупость — ты станешь быком! Как ты можешь достичь безбрачия? Молоко это самая сексуальная пища из всех возможных!

Но люди любят крайности. Я сталкивался с некоторыми людьми, которые пытались питаться одной водой.

Однажды я столкнулся с человеком, который пытался питаться одной водой. Он умирал, а не жил, но человек может жить, по крайней мере, три месяца и на одной воде, потому что у него есть достаточный запас в плоти тела, и каждый день ты худеешь на килограмм.

— Куда девается этот килограмм? — просил я этого человека.

— Кто съедает его?

Он был очень обеспокоен. Он сказал:

— Ты первый человек, который беспокоит меня, потому что все говорят, что самая лучшая, самая саттвическая пища — вода, и не обычная вода, а вода из Ганга.

На самом деле, вода Ганга самая грязная в Индии, потому что люди бросают туда мертвые тела — если бросить тело в Ганг, человек, которому принадлежало тело, отправляется прямо на

небеса. Поэтому Ганг несет все возможные бактерии, мертвые тела; может быть, они умерли от рака или туберкулеза. А он сказал:

— Я пью воду только из Ганга, а ты меня очень напугал. Ты говоришь, что я ем свое собственное мясо. Теперь я буду в покое и минуты.

— Что я могу сделать? — сказал я. — Ты его ешь! Куда же еще может деваться твой потерянный вес?

Но люди продолжают носить эти идеи. Чистота становится какой-то глупостью. Ты либо меняешь свои пищевые привычки и думаешь, что ты чист, либо меняешь одежду, начинаешь ходить лохмотьях, и думаешь, что стал чистым. Ты покидаешь свой дом, начинаешь жить в пещере и думаешь, что стал чистым. Или рано утром ты принимаешь ванну, и думаешь, что чист, или делаешь это четыре, пять раз в день, или не спишь, и это твоя чистота... Но все эти идеи ты собираешь от других. Ты можешь навязать их себе, и тебе будут поклоняться, но это не то, что имеет в виду Будда.

Когда он говорит: *Он чист*, он имеет в виду, что он невинен, он не эрудированный. Он действует из состояния незнания. Он не книжный червь, он не живет согласно книгам.

Мистер Гольдберг, преуспевающий торговец мехами, послал свою дочь в Европу, чтобы немного приобщиться к культуре и, может быть, встретить богатого парня.

Через несколько месяцев пришло письмо, в котором она просила прислать ей книгу по этикету.

— Она действительно общается с хорошими людьми, — сказал он себе.

Через пять месяцев она попросила еще одну книгу по этикету.

— Она встречается с принцами, — сказал Гольдберг, прыгая от радости.

Через два года Бэки вернулась домой. Мистер Гольдберг встретил ее у причала и был потрясен, когда увидел ее с ребенком на руках.

— Чей? — спросил он.

— Мой, — ответила она.

— А отец?

— Не знаю, папа, — она покачала головой.

Гольдберг пришел в отчаяние.

— У тебя было целых две книги по этикету, и ты даже не могла спросить: «С кем имею удовольствие?»

Книги не помогут; даже книги по этикету не помогут приобщиться к культуре. Даже тысяча книг о духовности не сделают тебя духовным. Дело не в том, чтобы стать более информированным. Это вопрос трансформации, не информации.

Он чист и видит. Когда ты невинен, у тебя есть глаза, чтобы увидеть истину, как она есть, потому что у тебя нет никаких идей, которые искажали бы ее. У тебя нет предрассудков, симпатий, антипатий. Ты не индуист, не мусульманин, не христианин. Ты — просто сознание, полное удивления, великого поиска. Это исследование: ты отражаешь реальность. В невинности отражается и становится видимой реальность.

Он говорит истину... И когда ты знаешь, ты по-другому не можешь. *Он говорит истину...* любой ценой. Даже если тебя убьют за это; ты позволишь себя убить, но не перестанешь говорить истину.

Судьи сказали Сократу, что если он перестанет говорить об истине, то будет прощен, но тогда он должен поклясться в суде, что не никогда не будет говорить об истине.

— Я скорее умру, чем перестану говорить об истине, — ответил Сократ.

Судьи были озадачены.

— Но почему? Жизнь так драгоценна.

— Не более драгоценна, чем истина. Если я не могу говорить истину, тогда вообще нет смысла жить. Я живу, чтобы передать истину. Моя жизнь это лишь средство к тому, чтобы распространить то, что я узнал. Если я не могу этого делать, нет смысла жить — пожалуйста, убейте меня. Я не могу обещать и другой причине: даже если бы я хотел перестать, я бы не смог. Я буду продолжать говорить то, что я вижу. Я буду

продолжать жить этим. Я не могу по-другому. Знать истину значит быть ею.

Он говорит истину и живет ею. Он делает свою работу, и за это им восхищаются, его любят.

Что такое его работа? Его работа — кричать. Его работа — позвать тебя из твоего сна. Его работа — будить людей. Да, те, кто понимает его, восхищаются им и любят его. И есть многие, кто не понимает его; они осудят его и даже убьют. Но Будда не обращает внимания на этих людей. Он говорит только о тех редких душах, которые смогут понять, что он говорит и чем он живет. Фактически, лишь эти люди что-то значат. Только их стоит принимать в расчет; толпа этого совершенно недостойна.

Решительным умом и лишенным желаний сердцем

Он жаждет свободы.

Его называют уддхамсото —

«Плывущим против течения».

Уддхамсото — красивое слово, которое Будда повторяет много раз. *Уддхам* означает усилие; *сото* означает источник. Английское слово «source», источник, происходит от того же корня, что и «сото». Будда говорит на пали; он использует слово «сото». *Уддхамсото* значит человек, который всем своим существом пытается достичь источника, самого источника своего существа. Все его усилие направлено на то, чтобы познать предельное, саму основу существования, потому что именно там истина, божественность, нирвана.

Нужно великое усилие, лень не поможет — а люди действительно ленивы. Из-за того, что люди ленивы, священники могли веками эксплуатировать их, — и они будут эксплуатировать вас, если вы останетесь ленивыми. Поскольку люди ленивы, они оставляют это священникам: «Молитесь, поклоняйтесь за нас от нашего имени. Мы вам будем платить, а вы делайте это от нашего имени». Они знают, что их священники так же слепы, как и они, так же ленивы, как и они. Они не работали над своими существами.

Работа тяжела. Многие части должны быть отсечены от тебя и отброшены; лишь тогда ты можешь прийти к своему оригинальному лицу. Почти так же скульптор высекает статую из мраморной скалы; резцом и молотом он продолжает рубить скалу, отсекая ненужные куски. Мало-помалу бесформенная скала начинает приобретать форму, обычная скала становится необычной, красивой. В ней можно найти будду, в ней можно найти Христа, в ней можно найти Кришну. Но прежде чем найти будду в скале, нужно разрушить многое. Пока ты не готов к великой работе над собой, этого не произойдет. Ты не можешь довериться посредникам.

Твои священники, епископы, папы, — все они посредники, посредники между тобой и Богом. Ты не знаешь Бога, и посредники продолжают говорить: «Не волнуйся — мы знаем. Мы передадим твое послание». Они ничего не знают; они просто эксплуатируют твое невежество.

Но люди ленивы. Лень это одна из проблем.

Мануэль был новичком в железнодорожной команде, поэтому, естественно, он получил самые тяжелые работы в лагере. Среди мужчин в лагере самой ненавистой работой была работа повара.

В первый день работы Мануэль пожаловался на ужасную еду, в ответ на что узнал, что каждый, кто жаловался, должен был сам стать поваром. Мануэль долго и громко спорил, но староста не уступал: Мануэлю приходилось готовить до тех пор, как не пожалуется кто-то другой.

На следующий день Мануэля посетила блестящая идея. Помыв тарелки после завтрака, он отправился в прерии и вскоре нашел то, что искал: недавно испеченный пирог пастбища, дымящийся зеленый навоз. Мануэль тщательно собрал кусочки в коробку, которую специально принес для этой цели, и вернулся на кухню. Он старательно изготавил большой пирог и запек его до золотистого цвета.

Этим вечером он сервировал свой кулинарный шедевр и стал ждать, когда начнутся жалобы. Обедаящие давились чудом выпечки с лицами, выражающими наслаждение.

В конце концов один из них поднялся на ноги с отвращением на лице.

— Боже мой! — рявкнул он на Мануэля, — Это навозный пирог! Однако, он несомненно хорош!

Человек так ленив, что он скорее будет продолжать жить таким, какой он есть, чем попытается измениться — чем попытается внести какие-то изменения в свои обстоятельства. Легче оставаться удовлетворенным, нечувствительным, продолжать тащиться, как-то существовать. Но это не жизнь. И то, что верно для внешних обстоятельств, еще более верно для внутренних, потому что внешние обстоятельства изменить нетрудно, но внутренняя летаргия продолжалась веками. Бессознательность так первобытна, ее корни так глубоки, что с твоей стороны нужна тотальная решительность, огромная решительность, преданность, глубокая вовлеченность. Тебе придется рискнуть всем. Пока этого не случится, невозможно себя изменить, ты останешься прежним. Ты можешь продолжать читать, ты можешь продолжать накапливать знания, ты можешь ходить от одного учителя у другому, но глубоко внутри ты не изменишься. Это не путь перемен.

Вот путь перемен: *Решительным умом и лишенным желаний сердцем он жаждет свободы.*

Его называют уддхамсото — «плывущим против течения». Это почти что все равно, что плыть вверх по течению, потому что не следовать толпе, не следовать традиции, не следовать писанию, не следовать религии, в которой ты рожден, значит идти против течения. Нужно великое усилие; кажется, проще, комфортнее и удобнее следовать за толпой — продолжать делать то, что делают они. Они не будут создавать для тебя проблем, но помни: ты просто разрушаешь великую возможность. И эта жизнь скоро исчезнет. Почему бы не привести свои энергии к такой точке интеграции, откуда ты можешь совершить скачок из известного в неизвестное, из времени в вечность?

Если ты не решителен... и в этом заключается вся саньяса: преданность, решимость трансформировать себя, ни за что не держась. Я не могу тебя изменить, пока ты не решишься то-

тально быть измененным. Ты не можешь переложить ответственность на меня. Я здесь, чтобы помочь, но я могу помочь лишь тем, кто действительно предан, кто здесь не в полсердца.

Фред был помещен в сумасшедший дом, потому что он всегда чувствовал, что он мышь, и впадал в полную паранойю по поводу кошек.

Через многие годы лечения он в конце концов был объявлен нормальным, и врач сказал:

— Значит, теперь ты знаешь, что ты не мышь — ты человеческое существо, как и я, и не нужно бояться кошек.

Фред согласился и был отпущен. Но как только он вышел за ворота, он увидел, что по другой стороне дороги идет кошка. Он испугался и в полной панике вбежал обратно в ворота.

Доктор сказал:

— Но Фред, ты ведь знаешь, что ты не мышь.

— Да, доктор, я знаю, я знаю, что я не мышь. Но как знать, знает ли это кошка?

Никто не может помочь тебе извне. Да, тебя можно убедить, но глубоко внутри ты останешься прежним. Тебя можно заставить молчать с помощью аргументов, но эти аргументы не могут изменить тебя. Тебе придется привести все свои энергии к определенной точке, к абсолютной решимости: «В этой жизни я доберусь. Я готов сделать все, что нужно. Я не пренебрегу никакой ответственностью. Я не найду никаких оправданий, объяснений. Я больше не буду жертвой старого ума».

Если эта решимость тотальна, трансформация начнется немедленно. Фактически, быть тотально решительным значит совершить половину путешествия.

Будда говорит:

Когда путешественник, наконец, приходит домой

Из дальнего путешествия,

С какой радостью

Принимают его семья и друзья!

Я создаю здесь семью, семью друзей. В тот день, когда любой из вас взорвется пламенем, все семья обрадуется. И обрадуется не только эта маленькая коммуна саньясинов; обрадуется все существование. Когда человек становится буддой, радуются деревья, реки, горы, звезды, потому что, по крайней мере, один из нас достиг дома.

Будда говорит:

Так же будут твои добрые дела

Приветствовать тебя как друзья,

И с какой радостью! —

Когда ты перейдешь из этой жизни в следующую.

Все, что ты сделал, чтобы трансформировать себя — он называет это «добрыми делами», — это настоящая добродетель. Все, что ты сделал, чтобы трансформировать себя, это твое сокровище. И ты будешь удивлен, когда достигнешь другого берега, запредельного, потому что твое сокровище будет ждать тебя там, чтобы радоваться, принимать, приветствовать тебя.

Ты можешь либо накапливать деньги, власть, престиж — которые ты оставишь на этом берегу, — либо накапливать сокровища совершенно другого рода: медитацию, любовь, блаженство, понимание, осознанность, божественность. Если ты достигнешь этого сокровища, ты будешь удивлен: когда ты достигнешь другого берега, когда ты выйдешь за пределы этого тела, тебя примут все те сокровища, которые ты накапливал. Все они будут радоваться.

Будда имеет в виду, что есть сокровище, которое идет с тобой в предельное, а есть преходящее сокровище, которое останется позади. Те, кто мудр, накапливают то, что останется с ними навсегда, а те, кто глуп, накапливают преходящее, которое можно у тебя отнять — то, что может отнять смерть.

В каждое мгновение помни, что ты накапливаешь. Отнимет ли это смерть? Тогда об этом не стоит волноваться. Если этого не отнимет смерть, ради этого можно пожертвовать даже жизнью — потому что рано или поздно жизнь исчезнет.

Прежде чем исчезнет тело, пользуйся возможностью найти то, что никогда не умирает.

Стань удхаммсото. Найди источник существования, своего собственного существа, всего, что есть. Этот источник — Бог, этот источник — нирвана.

На сегодня достаточно.

Все возможно

Первый вопрос:

Возлюбленный Мастер,

Самый красивый для меня отрывок в христианских писаниях оканчивается словами: «И Иисус заплакал». Это происходит, когда он в последний раз приближается к Иерусалиму, смотрит на него вниз с состраданием, видит всю глупость, бесполезность и пафос человечества — и плачет. Возлюбленный Мастер, плачет ли будда?

Ананд Дипеш,

Это, несомненно, одно из самых красивых мест в христианских писаниях, потому что оно показывает человечность Иисуса, это его уникальное качество. Гаутама Будда не так человечен.

Иисус и сын человека, и сын Бога. Он знает темные долины, знает и освещенные солнцем вершины — у него очень человеческое сердце. Человечность остается с ним до самого конца. Все будды уникальны. В той же ситуации Лао-цзы посмеялся бы над этой глупостью, над этой смехотворностью, абсурдностью человеческих существ. В той же ситуации Гаутама Будда даже не побеспокоился бы оглянуться; этим он уникален: он никогда не оглядывается, прошлое вообще не существует для него. Махавира оглянулся бы назад, но он бы не смеялся и не плакал.

Этот факт нужно запомнить: никогда не сравнивай двух будд, иначе ты создашь в себе большое замешательство. Хотя их опыт и одинаков, их выражения различны, они и должны

быть различными. У них разные индивидуальности, у них разные формы выражения своего опыта.

Иисус остается человеческим, очень человеческим. Если ты спросишь буддиста, он скажет: «Если он плакал, он не будда». Когда его собираются распять, и он поднимается на кресте, смотрит в небо и говорит: «Почему ты забыл меня? Что ты со мной делаешь?» И он разозлился, в этом есть немного гнева, и это часть его человечности; немного гнева, немного любви, немного радости.

Когда он входит в великий храм Иерусалима, он чувствует себя настолько оскорбленным видом менял в храме, что берет хлыст и один выгоняет из храма всех менял, переворачивает их столы, создает хаос; и это очень человечно. Это особенность Иисуса.

В подобной ситуации нельзя представить себе, чтобы Будда смотрел на небо, потому что для Будды нет Бога снаружи. Бог внутри, ты смотришь в пустое небо, некому тебе ответить. Бог находится в распятом человеке, нет способа молиться Богу. Для Будды молитва абсолютно бессмысленна; он принял бы это без всякого ворчания, без всяких жалоб, без всякого гнева. Он сверхчеловек, и его выражение абсолютно сверхчеловеческое; ни на мгновение он не впустил бы в себя человеческую слабость.

Когда он умирал, он запретил своим ученикам рыдать и плакать, он сказал: «Вы можете делать это, когда уйду, у вас будет достаточно времени, но сейчас, пока я жив, не делайте такой глупости. Не о чем плакать, потому что некому умирать. Почему вы плачете?»

Ананда, его ученик, сказал: «Бхагван, мы так любили тебя, как нам не быть печальными?»

Будда ответил: «Вы любили пустоту. Я никогда не был личностью, я был присутствием, и я говорил вам снова и снова, не думайте обо мне как о личности. Личность умерла в тот день, когда я стал Буддой. Гаутама Сиддхартха умер в тот день, когда произошло просветление. С тех пор в доме не было никого, дом был совершенно пуст. Поэтому никто не умирает, перестаньте плакать. Потом, когда я уйду, можете де-

лать, что хотите, у вас будет достаточно времени. Не тратьте эти драгоценные мгновения на плачь».

Это совершенно другое выражение. Бог многомерен. Если он пережит, у него будет много выражений.

Махавира абсолютно равнодушен ко всему. Он не станет смеяться, не станет и плакать, потому что для него весь мир это не что иное, как сон. Если ты знаешь, что это сон, как ты можешь плакать?

Есть древняя китайская притча. Чжуан-цзы рассказывал ее снова и снова.

У великого короля был только один сын, и этот сын умирал — умирал от болезни, от которой не было лекарства. Все врачи сказали:

— Спасти его невозможно. Его смерть это вопрос нескольких часов, или, самое большее, одного или двух дней.

Король очень любил своего сына; он был единственным сыном, в король старел, и у него больше не могло быть детей. Всю ночь король просидел у его постели, потому что эта ночь могла быть последней.

Около четырех часов король уснул, и ему приснился сон. Во сне он увидел красивый мраморный дворец; ему никогда не снился такой красивый дворец. Королевство было такое большое; он был королем и сидел на золотом троне, инкрустированном бриллиантами и изумрудами. У него были изумруды и бриллианты, но не такие большие, не такие чистые, не такие безупречные. У него были красивые женщины и двенадцать сыновей; может быть, мысль о потере единственного сына создала желание двенадцати сыновей, может быть, это было просто отражением его нынешнего состояния. Этот сон, возможно, был просто исполнением желания, но он чувствовал такое блаженство. И все его сыновья были такими мудрыми, здоровыми, такими великими воинами.

И тогда внезапно его сын умер в постели. Жена заплакала так громко, что сон короля распался; он открыл глаза, посмотрел на мертвое тело своего сына и не сказал ни слова — неподвижный как статуя. Его жена была потрясена. Он потрясла его и сказала:

— Ты понимаешь или нет? Твой сын умер!

— Я вижу это, — сказал король, — но теперь я озадачен: о ком плакать? Лишь минуту назад у меня было двенадцать прекрасных сыновей, очень красивых, очень мудрых и искусных. Твой плач прервал мой сон, и эти двенадцать сыновей исчезли, как и золотой трон, мраморный дворец, великое королевство — всего этого больше нет. Должен ли я плакать об этом, или о своем сыне? — потому что, когда мне снился сон, я совершенно забыл о сыне, о тебе и об этом королевстве.

Теперь я проснулся, я забыл этот сон и его прелести. Что правда, о чем я должен плакать? Когда мне снился сон, он был явью, или, по крайней мере, казался явью. Теперь я вижу моего мертвого сына, и это кажется явью, но как решить, правда это или только видимость?

В другой притче Чжуан-цзы говорит то же самое. «Однажды мне приснилось, что я стал бабочкой, перелетающей с одного цветка на другой, наслаждающейся солнцем и ветром. Тогда кто-то разбудил меня; было довольно поздно, и солнце светило мне в лицо. Когда я открыл глаза, бабочка исчезла, и я снова стал Чжуан-цзы. С тех пор я в замешательстве. Если Чжуан-цзы может присниться бабочка, почему бабочке не может присниться Чжуан-цзы?»

Он кажется очень проницательным; в этой загадке есть нечто, на что стоит медитировать. Если Чжуан-цзы во сне может стать бабочкой... бабочка может заснуть, сидя на каком-нибудь дереве, в тени дерева; бабочка могла заснуть и увидеть во сне, что она Чжуан-цзы. Кто же прав и кто кому снится? И то и другое правдоподобно.

Такой человек как Будда знает ложность всего мира; он не станет плакать, не станет смеяться и даже не оглянется назад. Это его способ выражать опыт целого. Махавира оглянется назад, потому что велико его сострадание — но оно не такое, как сострадание Иисуса; он не станет плакать, потому что это никому не поможет. Если ты плачешь о мире, это не поможет миру. Если ты плачешь о человеческой глупости, это заставит тебя выглядеть глупо, вот и все. Это не поможет людям.

Но Лао-цзы, несомненно, рассмеялся бы, потому что глядя на человеческую абсурдность, смехотворность, что еще можно делать? Лао-цзы ездил на буйволе из одного места в другое. Он был жизнерадостным, шутил шутки, рассказывал людям истории, всегда смеялся.

Если ты увидишь статуи Будды, сделанные в Китае или Японии, ты будешь удивлен. Они не похожи на Будду, и особенно на индийские статуи, совершенно не похожи. Индийские статуи имеют очень атлетическую форму, у Будды большой торс и маленький живот, совсем нет живота, и его тело кажется очень пропорциональным.

Но у этих китайских будд большой живот; торса совсем нет, а живот слишком большой. И мало того: даже по мраморной статуе видно, что живот смеется, что живот колыхается от смеха. Эти статуи были созданы соответственно даосской идее; Китай мог принять лишь Будду, представленного в форме Лао-цзы. Они знали Лао-цзы, они были знакомы с этим просветленным человеком, а он всегда смеялся. Для него плакать было не о чем. Есть ли причины плакать о нелепости человека?

Три мальчика из колледжа, войдя в свое любимое кафе, обнаружили, что за их обычным столиком сидит старушка. Обсудив ситуацию, они решили смутить старушку и тем самым выжить ее.

Сев рядом с ней, первый студент начал...

— Знаешь ли ты, Джон, — сказал он, — что я родился за три месяца до того, как мои родители поженились?

— Это ерунда, — сказал второй. — Я родился за полгода до того, как мои родители поженились.

— Ребята, — сказал третий. — Мои родители вообще никогда не женились!

Старушка оторвала глаза от стола и спросила приятным голосом:

— Не будет ли один из убожков так любезен подать мне соль?

Жизнь так нелепа, и никогда не знаешь, что будет дальше, так она абсурдна.

Модель художника прибыла в студию своего босса и стала его ждать. Когда он вошел, она направилась к раздевалку, чтобы раздеться, но он сказал:

— Нет, не готовьтесь. У меня ужасное похмелье, и мне не хочется сегодня работать. Но почему бы вам не остаться и не выпить со мной чашечку кофе?

— С удовольствием, — сказала модель.

Как раз в этот момент художник услышал на лестнице знакомые шаги.

— О боже! — вскричал он. — Это моя жена! Раздевайтесь! Скорее!

Лао-цзы рассмеялся бы; Иисус заплакал. Ты можешь выбирать. Я люблю их обоих; фактически, слезы и смех это две стороны одной монеты. И из-за этой истории, в которой Иисус плакал, я могу сказать одну вещь, которую христиане отрицали веками: они говорят, что Иисус никогда не смеялся. Но человек, который способен плакать, обязательно способен и смеяться, невозможно плакать, если ты не можешь смеяться. Фактически, смех и слезы не противоположны, а взаимодополняющи — две крайние точки одного и того же спектра.

Христиане говорят, что Иисус никогда не смеялся. Это придуманная история, я не могу в это поверить. Потому что Иисус не был аскетом. Да, я могу понять, что никогда не смеется какой-нибудь аскетический святой, потому что он так похож на пустыню, такой сухой, такой тупой и мертвый. Но Иисус был жизнерадостным человеком, он не был аскетом; он наслаждался хорошей едой, хорошей компанией, вином, празднованием с друзьями. И среди его друзей были все возможные люди; они не были членами Ротари-клуба; они были ворами, игроками, и даже проститутка, Мария Магдалина, была частью его компании. Он наслаждался реальными людьми.

Если хочешь посмотреть на нереальных людей, приди на собрание Ротари-клуба. Там ты увидишь притворщиков: все

они в масках, все улыбаются и здороваются друг с другом. Это не настоящие лица, они всегда запирают свои настоящие лица в шкаф, они никогда не берут их с собой. Лишь иногда можно увидеть проблеск их настоящих лиц. Бессознательное может дать проблеск их правды.

Гурджиев обычно давал своим новым ученикам выпить как можно больше вина; он заставлял их пить. А когда мастер заставляет тебя пить... Только подумай: я прошу тебя пить, продолжаю и продолжаю наливать — как ты можешь сказать нет? Первая вещь это доверие.

Гурджиев заставлял их есть и пить столько, чтобы показались их настоящие лица; это было его первым контактом с учеником. Ученики были очень озадачены; они никогда не видели такого мастера. Они падали на землю и начинали говорить что-то бессвязное. Тогда Гурджиев садился рядом и слушал, что они говорят, что выражают их лица, потому что это их настоящие лица, их реальность.

Нельзя себе представить, чтобы Будда говорил людям пить, но Гурджиев делал это. Я не могу поверить, что Иисус никогда не смеялся; он жил с такими живыми людьми: с рыбаками, плотниками, бедными. Он не водил компании с раввинами, пандитами, учеными и профессорами. Он общался с неокультурными, реальными людьми, близкими к земле. Невозможно представить, что он был печальным человеком и никогда не смеялся; если бы он не был способен смеяться, он не смог бы и плакать.

Эти слова о том, что он плакал, показывают с абсолютной определенностью, что, должно быть, он и смеялся тоже. Это одна из самых красивых сторон Иисуса; мне нравится, что он очень человечен. Будда немного холоден, в нем нет тепла, он далеко — и это его красота. Нам нужны *все* виды мастеров, в нашем саду нужны *все* виды цветов. У розы своя красота, у лотоса — своя. Чтобы случился лотос, нужно озеро, ему нужна другая ситуация, у него другой аромат. Но все виды цветов обогащают сад. Сад природы будды полон странных, уникальных, несравненных существ: Лао-цзы, Заратустра, Мухаммед, Махавира, Христос.

Христос — на кресте. Когда ты думаешь о Иисусе, ты думаешь и о кресте. Невозможно думать о нем отдельно, они стали неразделимыми. Увидев крест, ты подумаешь о христе, если ты думаешь о Христе, на заднем фоне всегда будет крест. У Кришны это не крест, а флейта. Нет, Кришна — танцор, певец; невозможно и подумать, чтобы Будда танцевал, пел, невозможно представить. И это выглядело бы очень нелепо; это подходит Кришне, все его видение жизни таково, что ему подходит флейта.

Помни это и не становись слишком привязанным к одной форме состояния будды. Есть столько форм, сколько ты можешь себе представить. Еще многие будды случатся в будущем, и у них будет совершенно иное качество, которого никогда не было в прошлом. Если ты становишься слишком привязанным и одержимым определенной формой, ты упустишь других будд.

В Голландии была конференция, организованная последователями Кришнамурти. Кришнамурти должен был приехать и пробыть с этими людьми семь дней. Его ученики собрались со всего мира. Приехала и одна женщина из Индии, но через два или три дня она вернулась обратно.

Она пришла ко мне. Я сказал:

— Ты так рано вернулась? Конференция кончилась?

— Нет, — сказала она, — Конференция не кончилась, но у меня все кончено с Кришнамурти.

— Что случилось?

— Я пошла в магазин и увидела, как Кришнамурти покупает галстук: он поднимал столько шума. Перед ним разложили, по меньшей мере, двести галстуков, но ему ни один не нравился. В каждом было что-то не так: неправильный цвет, неправильный размер, неправильное то-то и то-то. Я просто наблюдала, что он делает, — продолжала она. — Разве это будда? Будда покупает галстук в магазине? Будда хорошо смотрится с чашей для подаяния, но в магазине, и что же он покупает? — Галстук! И, мало того, он поднимает столько шума!

Кришнамурти был очень щепетилен в своей одежде. Она так разочаровалась, что не пришла на конференцию. Какой смысл? Этот человек не будда. Что делать с этой женщиной — плакать о ней или смеяться над ней? Можно оплакивать ее глупость, потому что Кришнамурти это Кришнамурти; он не Гаутама Будда, он не Иисус Христос. У него свой, уникальный образ жизни, способ выражения. Он не отрекся, он живет в мире. И чтобы увидеть суть, чтобы увидеть, что он живет в мире, но не от мира, нужно огромное внутреннее понимание. Эта женщина упустила.

Что делать с этой женщиной? Плакать о ней? Она вернулась из Голландии, не услышав ни одной лекции Кришнамурти... Или смеяться над ее глупостью? Никто не знает — возможно, Кришнамурти устроил все это специально для этой женщины. Возможно, увидев, что она наблюдает за ним, он поднял столько шума... потому что такие люди как Кришнамурти всегда хотят избавиться от мусора, от глупого типа людей.

Гурджиев делал многое, чтобы избавиться от ненужных людей. Иногда он вел себя так абсурдно, что человек, который пришел к нему, никогда больше не приходил снова — решив, что он сумасшедший. Однажды, когда он сидел и пил чай с двумя или тремя учениками, к нему пришел журналист. Он всегда был против журналистов, потому что таково было его понимание: журналисты обречены на непонимание.

Он очень вежливо предложил журналисту присесть и выпить чаю с пирожным. Журналист очень обрадовался, потому что он слышал, что Гурджиев вышвыривает журналистов за дверь или в недвусмысленных выражениях приказывает им убираться! Он был очень рад, что его принимают с такой любовью и состраданием.

Затем Гурджиев спросил сидевшую рядом женщину:

— Какой вчера был день недели?

— Пятница, — сказал она.

— А сегодня какой день?

Журналист был немного сбит с толку — этот человек не может сообразить сам! Если вчера была пятница, нет смысла спрашивать, какой сегодня день!

— Конечно, сегодня суббота, — ответила женщина.

Он закричал на нее:

— Как такое может быть? Если вчера была пятница, как может сегодня быть суббота? Невозможно! Пойди и узнай, какой сегодня день.

Журналист сбежал, думая, что это какое-то безумие, что этот человек ненормальный; он даже не обернулся. Когда он ушел, Гурджиев долго не мог перестать смеяться. Он сказал этой женщине:

— Видишь, как я избавился от этого человека. Теперь он никогда не вернется и будет пересказывать эту историю, что мешает прийти многим другим.

Никто не знает, как поведет себя просветленный — каким будет его средство.

Дипеш, твое чувство, что ты любишь эти слова, этот прекрасный отрывок, хорошо, но помни, что человек заслуживает как слез, так и смеха. Да, он в огромном страдании, но это страдание создано им самим. Он подобен маленькому ребенку, который играл на улице с грудой кирпичей. Он стал строить дом, стоя посередине и обкладывая себя кирпичами. Когда стена поднялась до уровня шеи, он испугался и стал звать свою мать:

— Я не могу выбраться, приди и спаси меня!

Теперь он не может выбраться — но он сам построил стену!

Вот ситуация человека, мы создаем свое несчастье, свой ад. Если ты видишь, что мы продолжаем его создавать, над этим стоит посмеяться; но если ты говоришь, если ты видишь: «Может быть, мы и создаем его, но все же мы страдаем», тогда об этом стоит плакать.

Но Будда не станет делать ни того, ни другого. Он останется отстраненным, холодным. Он не будет страдать из-за твоего страдания, и не найдет, что над твоим страданием стоит смеяться. Он сохранит спокойствие; он сделает все что

можно, чтобы тебе помочь, и пойдет своей дорогой. Поможет тебе это или нет, это не его дело. Его дело — говорить то, что есть, и даже на *это* он идет неохотно.

Когда он стал просветленным, он оставался в молчании семь дней. История говорит, что боги были очень обеспокоены, потому что очень редко случается так, что человек становится просветленным. И вот, этот Сиддхартха стал просветленным, но за семь дней не произнес ни слова. Они глубоко заглянули в сознание Сиддхартхи и поняли, что он вообще не собирается говорить.

Они спустились на землю, поклонились Будде и попросили его говорить, потому что это может помочь многим. Будда сказал им:

— Я думал об этом, но есть лишь две возможности. Одна: я могу говорить, и меня поймут лишь очень немногие люди. Большинство не поймет, может быть девяносто девять человек из ста ничего не поймут, и девяносто девять процентов моих усилий будут пустой растратой.

Мое видение говорит мне, что из этого одного процента, который сможет меня понять, многие найдут свой путь и без меня. У них такой разум, такая храбрость, такой поиск... они страстно влюблены в истину. Вот почему они смогут меня понять.

Девяносто процентов никогда не поймет, а один процент, который поймет, поймет в любом случае, буду я говорить или нет. Фактически, им будет легче понять, если я не буду говорить. Мое молчание будет более близким общением с ними. Какой смысл говорить?

Боги очень встревожились: как ответить на это? Они собрались, посоветовались и пришли снова с новым аргументом:

— Послушай! — сказали они. — Ты прав, есть люди, которые никогда тебя не поймут, и есть люди, которые поймут тебя, ни услышав ни слова. Но можешь ли ты отрицать, что есть люди, которые между ними? Можешь ли ты сказать, что нет ни одного человека, который между этими двумя категориями, третья категория, которая поймет, если ты будешь говорить, но никогда не поймет, если ты не будешь говорить?

Можешь ли ты отрицать — возможно, это абсолютное меньшинство, один человек из миллиона, но можешь ли ты существование этого одного человека — это среднее звено между большинством и меньшинством? Понимающие и непонимающие... они связаны.

Будда не мог ничего возразить.

— Вы правы, — сказал он. — Некоторые люди *есть*; да, одному из миллиона это поможет.

— Тогда, — сказали боги, — даже если это один из миллиона, твой долг ему помочь.

Именно из-за этого аргумента Будда стал говорить; иначе он не собирался говорить. И помни, были будды, которые не говорили. Они оставались в молчании всю жизнь, и ты никогда не услышишь о них, потому что они никогда не говорили. Не существует писаний, которые описывают их.

Я хотел бы, чтобы тебе стало абсолютно ясно одно: каждая индивидуальность, став просветленной, становится частью вселенского, но ее выражение остается индивидуальным. Ее опыт — вселенский, но выражение — индивидуальное. Если раньше этот человек был поэтом, как Кабир, когда он станет просветленным, он будет петь песни. Если он был поэтом, если поэзия была частью его индивидуальности — теперь, когда он знает вселенское, его понимание, его свет потечет в старое русло поэзии. Он будет таким как Кабир, Нанак, Фарид. Но если он был художником, не поэтом, когда он станет просветленным, он будет рисовать — это будет естественным для него способом выражения. Если он был скульптором, его выражение будет другим.

Каждый будда живет во вселенском, но выражает себя индивидуально. Это выражение Иисуса, оно так человечно. Наверное, в этом его привлекательность — сейчас почти половина земли влюблена в Иисуса. Причина в его человечности. Будда — далекая звезда, а Иисус кажется очень близким к сердцу. Будда привлекает очень утонченных, Иисус привлекает массы.

Когда какая-нибудь страна становится утонченной, культурной, образованной, богатой, процветающей, привлека-

тельность Иисуса начинает исчезать. Вот что происходит в Америке. Будда приобретает все больше и больше влияния: открывается все больше и больше центров дзен, больше и больше людей обращается от молитвы к медитации, больше и больше людей интересуется словами Будды.

Иисус теряет свои позиции в Америке; его влияние все еще увеличивается в Индии, но уменьшается в Америке. Америка сейчас находится в таком же процветающем состоянии, в каком Индия была во времена Будды. Страна была богатой, люди хорошо образованными, утонченными, культурными; они знали, что такое философия. Они знали все высоты метафизики, они знали высочайшие вершины — по крайней мере, интеллектуально. И Будда говорил с этой интеллигенцией; это было совершенно иное общение.

Иисус говорил с бедными жителями деревни, фермерами, садовниками, рыбаками. Он говорил с самым дном, с беднейшими из бедных. У него другой язык, очень человечный — так и должно быть.

Язык Будды очень чист, философичен, метафизичен. Он меньше заботится о том, поймешь ты его или нет, он больше заботится о том, чтобы быть правдивым, чтобы быть ближе к истине, так близко, как это только возможно. Поэтому его выражения обязательно будут другими.

Дипеш, ты спрашиваешь меня: «Возлюбленный Мастер, плачет ли будда?» Некоторые будды плачут, некоторые нет. Все зависит от индивидуальности.

Это случилось, когда умер мастер Басе — мастер будды, который пишет стихи, будды, который пишет прекрасные картины, очень эстетичного будды. Его мастер умер, и собрались тысячи людей. Его мастер был очень знаменит; еще более знаменит благодаря Басе, потому что Басе был известным поэтом и художником, а он был его мастером. Собрались тысячи людей, и они были очень удивлены, когда увидели, что Басе плачет, и слезы катятся по его щекам.

Несколько ближайших учеников его мастера подошли к Басе и сказали:

— Это выглядит неправильно. Собрались тысячи людей, и они в замешательстве. Они думают, что будда не должен рыдать и плакать, а ты — человек, который снова и снова говорил им: Смерти нет, и внутренний центр существует вечно. Тогда почему ты плачешь? Твой мастер не мертв, он лишь переместился из своего маленького тела в вселенское тело Бога. Почему ты плачешь?

Басе вытер слезы и сказал:

— Послушайте! Это никого не касается. Я живу согласно своим внутренним чувствам, я не могу притворяться. Когда мой внутренний центр хочет плакать, я буду плакать, и меня не заботит, считают ли люди это правильным или нет. Если они подумают, что я не просветленный, я согласен, но я не могу притворяться. Я не могу делать то, чего на самом деле нет. Да, я говорил, что душа бессмертна, и мой мастер не умер, он исчез в вселенском. Вот почему я плачу — не потому что он мертв, а потому что я никогда не смогу увидеть его форму. Теперь он стал бесформенным — а его тело было красиво. Я никогда больше не смогу посмотреть в эти глубокие глаза, я никогда больше не смогу взять его за руку и коснуться его ног. Я потерял его форму — я оплакиваю его форму, его тело; я плачу не о его бесформенной душе. И меня не заботит, будут ли люди считать меня просветленным или непросветленным — это их дело. Мне все равно.

Это подход Басе, и он тоже правдив. Но никогда не сравнивай. Пусть каждый будда будет гималайской вершиной, отдельной от других вершин. Пусть каждый будда будет понимаем по-своему, никогда не навязывая ему никаких других образцов. Это веками делали снова и снова. Христиане не могут поверить, что будда — христос, потому что он не служит бедным, он не исцеляет раненых, не возвращает зрение слепым, не творит чудес Иисуса. Лазарь умер, а через четыре дня Иисус пришел и воскресил его. Будда не делает ничего подобного; напротив, он делает нечто совершенно другое.

Есть прекрасная история:

Одна женщина — ее звали Кисса Гаутами — потеряла маленького сына; лишь несколько дней назад умер ее муж. Те-

перь умер и единственный сын. Естественно, она была в полном отчаянии; ее ребенок был ее единственной надеждой. Будда был в этом городе; люди сказали:

— Не плачь и не рыдай. Почему ты не отнесешь ребенка к Будде? Он так сострадателен, и, может быть, он вернет его к жизни.

Женщина поспешила к Будде с телом ребенка. Будда посмотрел на нее, попросил положить ребенка перед ним и сказал:

— Да, я верну его к жизни, но тебе придется выполнить одно условие.

— Я готова даже отдать свою жизнь. Скажи мне, что это за условие, и я выполню его.

— Это простое условие. Я никогда не требую от людей многого; это очень простая вещь. Просто походи в город и принеси горчичных зерен. Но помни одно: эти горчичные зерна должны быть из дома, в котором никто никогда не умирал.

Женщина была в невменяемом состоянии и не могла понять суть. Как можно найти дом, в котором никто никогда не умирал? Она поспешила прочь с огромной надеждой, и она знала, что горчичные зерна есть в каждом доме, потому что это единственным, что выращивали люди в тех местах. Вся деревня делала одну и ту же работу, выращивала горчичные зерна — это было нетрудно.

Она стучала во много дверей, и люди говорили:

— Немного горчичных зерен? Мы можем привезти телегу горчичных зерен, но не можем выполнить условие. Наши зерна не подойдут.

К вечеру женщина вернулась в чувство. Она стучала в столько дверей; постепенно она начала видеть, что смерть неизбежна — она случается с каждым, никто не может от нее убежать. Она вернулась, но вернулась совершенно другой женщиной. Там лежал ребенок, и Будда ждал. Он сказал:

— Где горчичные зерна?

Женщина рассмеялась, упала к его ногам и сказала:

— Посвяти меня в свой путь, потому что я поняла твое послание: каждый должен умереть. Сегодня умер мой сын, несколько дней назад умер мой муж, а еще через несколько дней умру я. Прежде чем умереть, я хочу увидеть бессмертное. Теперь я

больше не хочу, чтобы моего ребенка воскресили из мертвых. Теперь я хочу сама увидеть вечную жизнь. Будда посвятил Киссу Гаутами.

Эти истории одинаковы, почти одинаковы. Сестры Лазаря или ученики Иисуса — они послали за ним. Он был далеко. Он пришел — это заняло четыре дня — и воскресил Лазаря из мертвых. Но что случилось с Лазарем потом? Наверное, он умер, потому что его нигде не видно. Так какой смысл?

Если ты спросишь Будду, он скажет:

— Какой смысл воскрешать человека? Он снова умрет. Мы просто создадим другую возможность умереть. Одного раза достаточно, зачем второй?

Будда откликнулся бы совершенно по-другому. Христиане не могут этого понять, потому что они одержимы идеей Христа. Им хочется, чтобы Будда, Махавира и Кришна были такими же. Это невозможно.

Так же буддисты не могут понять Христа, потому что у них есть представление о Будде, образ Будды, и Иисус ему не соответствует. Фактически, ни Иисусу не нужно соответствовать чьим-то идеям, ни Будде — отвечать чьим-то ожиданиям. Они уникальные люди. Мы должны прекратить это постоянное сравнение. Каждый год пишутся тысячи книг, которые сравнивают, а каждое сравнение будет неправильно, оно будет несправедливостью к тому или другому. Ты будешь несправедлив либо к Будде, либо к Христу. Ты не можешь быть справедливым к обоим.

Мое усилие здесь в том, чтобы заставить вас осознавать разнообразие бытия будды, многомерность просветления. Мир богат, потому что в нем столько птиц, столько деревьев, столько цветов. И то же самое верно для внутреннего мира; столько возможностей роста, столько разных, уникальных выражений, когда ты становишься зрелым — разные цветы. Мир богаче, потому что есть Будда, Христос, Лао-цзы. Мир был бы действительно очень беден, если бы в нем были только Рамы, одни Рамы; мир был бы очень беден. В каждой деревне, в каждом городе — несколько Рам с луком в руках.

Или, если бы всюду были миллионы Христов, это было бы некрасиво, это было бы скучно.

Хорошо, что Иисусу не чуждо человеческое, а Будда полон чистой божественности.

Второй вопрос:

*Возлюбленный Мастер,
Что такое «совпадение»?*

Ананд Вирамо,
Нужно понять три вещи. Одна: закон причины и следствия. Он применим к материальному миру, и поскольку наука верит только в закон причины и следствия, она отрицает все остальное. Закон причины и следствия — механический, в нем нет совпадений. Ты нагреваешь воду до ста градусов, и она испаряется без всяких совпадений. Она не испаряется в один день при девяносто девяти градусах, в другой — при девяносто ста градусах. Это не зависит от настроений, вода не может решать, вода механически управляема законом причины и следствия.

Те, кто верит в закон причины и следствия, не будут верить ни в какие совпадения. Все предопределено, нет ничего подобного совпадению. Все неизбежно.

Есть еще один закон — Карл Густав Юнг назвал его законом синхронизации. Две вещи могут случиться одновременно, хотя они и не связаны законом причины и следствия. Например, если кто-то поет красивую песню, это может тронуть какую-то струну в твоём сердце, но это не неизбежно, это может случиться, а может и не случиться; это может случиться с некоторыми людьми, а может случиться и с кем-то другим. Это может случиться с тобой в один день и не случиться в другой.

Сегодня ты чувствуешь себя счастливым, ты встретился со своей женщиной, со своим другом, и тебе море по колено. Кто-то поет песню, и внезапно она высекает в тебе искру, и

тебе тоже хочется петь. Кто-то танцует, и внезапно ты чувствуешь желание танцевать, настроение танцевать.

Но если твоя жена умерла, тебе грустно, а кто-то поет, это болезненно. В небе взошла луна в ночь полнолуния, тебе грустно — и луна тоже выглядит уныло, не красиво. Ты в таком печальном состоянии, что ночь полнолуния кажется насмешкой; она кажется такой равнодушной, такой бессердечной, такой жестокой. Ты в таком печальном состоянии, а луна по-прежнему сияет, как и раньше, розы цветут, поют птицы. Кажется, что никому нет до тебя дела, ты никому не нужен.

Вселенная кажется очень нейтральной, очень холодной. Тебе больно, ты чувствуешь отчуждение, ты чувствуешь себя пришельцем, чужаком. Тогда синхронизации не будет.

Закон синхронизации означает, что иногда ты вписываешься, а иногда нет. Он текуч. Закон синхронизации принадлежит миру ума; точно так же, как закон причины и следствия относится к миру материи, тела, закон синхронизации принадлежит миру ума, сердца. Есть возможность совпадения и за пределами этих двух законов. Это значит, что не действует никакой закон, или, если тебе нравится, назови его законом свободы. Это — высшее, закон твоего глубочайшего ядра, и фактически это не закон, потому что это закон свободы. Могут случаться вещи, не вызванные ни законом причины и следствия, ни законом синхронизации — просто совпадения.

Совпадение просто означает, что есть возможность свободы. Сейчас здесь есть люди всех трех видов. Есть люди, которые пришли сюда из-за закона причины и следствия; они должны были прийти, это было неизбежно, необходимо. Что-то тянуло их как магнит, и они не могли сопротивляться.

Есть люди, которые пришли сюда не из-за закона причины и следствия, но почувствовав синхронизацию, гармонию со мной, глубокое созвучие. Если бы они хотели сопротивляться, это было бы очень легко, если бы они не захотели прийти, то могли бы остаться. Никакого гравитационного притяжения не было, у них был выбор. Они здесь по своему выбору.

И есть третья группа людей, которые просто пришли в результате совпадения, случайности. Здесь был твой друг, и ты приехал к нему в гости, не ко мне, не слушать меня, совер-

шенно не заботясь обо мне; ты приехал, чтобы навестить друга — но затем ты попался. Может быть, друга уже здесь нет, может быть, он уже сбежал. Это совпадение.

Сюда приходил твой муж, и ты последовала за ним из супружеского долга. Сейчас здесь много детей, которые здесь оказались случайно. Здесь их родители, поэтому здесь и они; то, что они здесь, не их выбор, а только совпадение. Их родители христиане, христиане и они; их родители индуисты, индуисты и они; их родители стали саньясинами, саньясины и они. Это просто совпадение.

Могут случиться все три вещи. Чем выше ты поднимаешься, чем выше твое сознание, тем более ты осознаешь свободу. В самой нижней точке все предрешиено, в самой высшей точке не предрешиено ничто.

Будда отрекся от своего дворца, и в первый день, когда он шел по берегу реки, он поверг в большое смятение ум одного великого астролога.

Этот астролог возвращался из Варанаси; он добился высших степеней, которые были возможны в те дни. Он стал самым известным астрологом; теперь он возвращался в свою часть страны. Он увидел след Будды на песке; он не мог поверить своим глазам, потому что это противоречило всем его астрологическим знаниям. На ногах Будды были некоторые отметины, которые были ясно видны на песке. Эти отметины, как считалось, могли принадлежать лишь правителю всего мира, *чакравартину* — правителю шести континентов.

Что же этот правитель шести континентов делает в этой бедной деревне, на этом грязном берегу? Почему император шести континентов ходит босиком? Он не мог поверить своим глазам. Он пристально изучил их, и не было ни малейших подозрений, ни малейших сомнений. Либо его астрологические книги неправильны, либо по этому берегу прошел император. Он пошел по следам и нашел Будду, сидящего под деревом. Теперь он был еще более сбит с толку; этот человек выглядел так, будто он был правителем шести континентов, но он был нищим с чашей для подаяния.

Он поклонился Будде и сказал:

— Я хотел бы увидеть твои ноги. Я астролог, и может быть, ты слышал мое имя.

Он посмотрел на его ноги и сказал:

— Теперь мой ум в еще большем смятении, я никогда не был в таком замешательстве. Двенадцать лет я изучал астрологию, и не должен ли я теперь выбросить все эти книги в реку и забыть о них? Ты должен быть императором всего мира. Что ты делаешь здесь? Как ты можешь быть нищим?

Будда рассмеялся и сказал:

— Нет, но не нужно выбрасывать книги, не нужно приходить в замешательство. Твои книги правильны. Я должен был быть великим королем, но это относится к закону причины и следствия. Если бы я просто следовал образцу, в котором я родился, я был бы королем, великим королем, чакравartiном. Поскольку я отрекся, я совершил сознательный, преднамеренный шаг вопреки образцу, который был навязан, который отпечатался в моем существе. Я восстал против него, я взбунтовался против него, я стал свободным от него. Я стал его свидетелем, я отбросил свое отождествление с умом, а как только ты отбрасываешь отождествление с умом, ты больше не подчиняешься закону причины и следствия.

Сначала тыходишь в мир закона синхронизации, и затем, в конце концов, тыходишь в мир свободы. В мире свободы есть лишь совпадения. Ничто не наверняка, ни в чем нет уверенности. Ничто не невозможно. Наполеон не может этого сказать, он не должен этого говорить. Будда может сказать: Ничто не невозможно, все стало возможным.

Ты спрашиваешь меня, Ананд Вирамо: «Что такое «совпадение»?»

Это просто значит, что жизнь это не только что-то механическое. Она не определяется судьбой и не определяется историей. Она не определяется прошлым и не определяется твоей кармой. Она не определяется, как говорит Карл Маркс, исторической необходимостью. Она предопределена только для тех, кто живет бессознательно; иначе это — свобода. Ты можешь выбирать, и ты можешь выбрать быть кем угодно. Ты

можешь даже выбрать быть ничем, и это окончательная свобода.

Совпадения всегда случаются и в обычной жизни. Жизнь не так логична, как ты думаешь, она очень нелогична. Она кажется логичной лишь на поверхности.

Проповедник решил перечислить своим прихожанам Десять Заповедей.

Когда он добрался до «Не укради», он заметил, что парень в первом ряду занервничал. Когда он дошел до «Не прелюбодействуй», он заметил, что парень снова повеселел и улыбнулся. После службы проповедник подошел к этому человеку и спросил его о причинах такого странного поведения — на что тот радостно ответил:

— Когда вы сказали: «Не укради», я обнаружил, что пропал мой зонтик. Но когда вы сказали: «Не прелюбодействуй», я вспомнил, где я его оставил.

Холостяк по имени Клим пришел на свою еженедельную игру в покер с подбитым глазом. Его друг Джо спросил, что случилось.

— Знаешь ли, — ответил Клим, — когда я одевался сегодня утром, от моих брюк оторвалась пуговица. Я совершенно не умею шить, и поэтому я пошел к женщине в соседней квартире и спросил, не пришьет ли она ее мне.

— О господи! — сказал Джо. — Наверное, она подумала, что ты к ней пристаешь и стукнула тебя?

— Нет, все было не так, — сказал Клим. — Она была очень любезна. Сразу же достала иглоку с ниткой. Она села напротив меня и пришила пуговицу, пока я стоял. Но как раз когда она закончила и откусывала конец нитки, вошел ее муж.

Жизнь это не только логика. Она не следует ясно намеченному пути, она петляет. И хорошо, что она не просто логична, иначе не было бы никакой радости, никаких неожиданностей, и вы были бы просто машинами, а не людьми. Совпадения никогда не случаются с машинами, они случаются только с людьми. Именно то, что вы сознательны,

делает их возможными. Уберите с земли человека, и все совпадения исчезнут, и вещи будут следовать простому, логичному закону. Но если удалить человека, жизнь лишится всей своей красоты, потому что она утратит высочайший пик своей эволюции.

Третий вопрос:

*Возлюбленный Мастер,
Почему Ты постоянно говоришь, что знание плохо? Я никогда не слышал, чтобы Ты говорил, что плохо невежество.*

Саргам,
Знание препятствует, невежество — никогда. Знание делает тебя эгоистичным, невежество — никогда. Знание это не что иное, как попытка скрыть свое невежество, прикрытие. Если бы не было знания, ты знал бы свое невежество, потому что его было бы негде спрятать. А знать: «Я невежда» это первый шаг к настоящей мудрости. Поэтому я никогда ничего не говорю против невежества, в невежестве есть что-то красивое. Одна из красивых вещей в том, что невежество даст тебе правильное направление.

Сократ говорит: Я знаю только одно — что я ничего не знаю. Но Сократ — один из мудрейших людей в мире.

Случилось так, что несколько человек пришли в дельфийский храм, и дельфийский оракул объявил Сократа мудрейшим человеком, величайшим из мудрецов. Эти люди очень обрадовались, потому что они были из Афин. Они вернулись и пришли к Сократу:

— Ты тоже должен радоваться. Ты слышал? Оракул дельфийского храма объявил тебя мудрейшим человеком на земле.

— Должно быть, здесь какая-то ошибка, какое-то непонимание, — сказал Сократ, — потому что я совершенный невежда; все, что я знаю, это то, что я ничего не знаю. Идите обратно и скажите оракулу, что Сократ говорит, что он самый невежественный человек в мире.

Они пришли обратно и сказали это оракулу. Он рассмеялся: — Именно поэтому я объявил его мудрейшим человеком в мире.

Поэтому я никогда ничего не говорю против невежества. В невежестве есть еще одна красивая сторона: оно твое. Знание всегда заимствовано. А то, что твое, нельзя у тебя отнять. Его нельзя украсть, отнять, но знание можно отнять у тебя очень легко. Оно заимствовано.

Когда ты невежествен, у тебя нет никаких претензий, ты простой, невинный. В невежестве есть качество невинности. Вот почему так невинны дети — они так невежественны; они не хитры и не могут быть хитрыми. Прежде чем стать хитрым, ты должен быть образованным. Прежде чем стать хитрым, тебе нужна университетская степень; чем больше университетов, тем больше в мире хитрости. Чем более люди становятся знающими, тем более они обманщики, хитрецы, угнетатели. И они продолжают находить способы эксплуатировать других.

Невежество чисто, не загрязнено. Из невежества двигайся в мудрость, не в знание. Если невежество становится медитативным, оно становится мудростью; если оно заинтересовано в большей и большей информации, оно становится знанием. Если ты будешь знающим, это ничем не поможет. Мудрость освобождает. Мудрость настолько же твоя, насколько твое невежество.

Знание обманывает не только других, оно обманывает и тебя. Когда ты выучиваешь ответы, как попугай, ты начинаешь думать, что ты действительно знаешь. Из-за того, что ты умеешь читать и писать, ты думаешь, что знаешь; из-за того, что ты понимаешь слова, ты начинаешь думать, что знаешь; из-за того, что твой разум покрыт интеллектуальностью, ты начинаешь думать, что разумен — но ты не разумен, ты только интеллектуален.

Разум это часть мудрости, интеллектуальность это часть знания.

Да, Саргам, я говорю, что знание плохо, потому что нет ничего более опасного, чем знание. Оно препятствует тебе по-

знать самого себя. Знание не дает тебе узнать, потому что оно дает тебе пластмассовые, синтетические, поддельные игрушки, и ты забываешь реальное. Не начинай верить в слова; это самая опасная из игр, в которые только можно играть. Не будь попугаем, иначе ты будешь уходить дальше и дальше от своего внутреннего источника.

Одним очень жарким днем собака шла мимо продуктового магазина. Она вошла и попросила банку лимонада.

— Убейся! — кричал хозяин, — Собак не пускают в продуктовые магазины!

— Но посмотри, — сказала животное, — Тут снаружи огромная вывеска, на которой написано: «Мы обслуживаем горячих собак»!¹

Просто знать слова недостаточно. И чем больше ты знаешь слов, тем более это собьет тебя с толку, потому что ты не знаешь, твои слова — лишь на поверхности. Если кто-то оцарапает тебя немного глубже, обязательно покажется твое невежество. Люди постоянно притворяются.

Когда я был студентом в университете, у меня был профессор, который не был даже очень знающим — не говоря уже о мудрости. Но у него была привычка притворяться. Когда кто-то упоминал имя какого-нибудь философа, автора, поэта, мистика или название какой-нибудь книги, он тут же говорил:

— Да, я читал эту книгу, она очень хорошая, — или что-нибудь еще в этом роде, какой-нибудь комментарий.

Но я видел по глазам, что ответы, которые он дает, пусты, что он не читал эту книгу, и никто никогда не видел его в библиотеке. Я был и у него дома, и там не было никаких книг. Я навел справки в библиотеке — он работал в этом университете десять лет, — и на его имя не было записано ни одной книги, никто не видел, чтобы он что-то читал, кроме газет. Он больше ничего не читал, и даже газеты он брал у соседей. Я

¹ англ. *We serve hot-dogs: Мы подаем «хот-доги».*

спрашивал везде и приобрел абсолютную уверенность, что он просто притворяется.

Однажды я придумал три имени, просто выдумал. Я сказал ему:

— Вы читали, сэр, книгу Номинэо?

— Да, — сказал он. Такого человека как Номинэо не было...

— Можете ли вы сказать название этой книги? — спросил я.

Он выглядел несколько озадаченным; он сказал:

— Должно быть, я читал ее много лет назад, и я забыл название. Можете спросить в библиотеке.

— Пойдемте со мной, — сказал я. В библиотеке не было никакого Номинэо и никаких его книг, потому что его никогда не существовало — как он мог написать книгу?

Я сказал ему:

— Другие два имени тоже были выдумкой, и вы согласились, что читали их — их не существует!

Он отвел меня в сторону и ответил:

— Послушайте, не рассказывайте никому, потому что я ничего не знаю об этих книгах. Но человек должен держать лицо. Я не хочу казаться глупым.

Люди продолжают притворяться тем, чем они не являются. Знание дает тебе величайшие претензии; ты можешь цитировать Будду, Иисуса. И если ты не понимаешь, что они говорят, ты всегда будешь делать что-то неправильное. Ты будешь неправильно интерпретировать их.

В Индии есть тысячи комментариев Бхагавад-Гиты. Если бы Кришна был сумасшедшим или ненормальным, у его слов могли бы быть тысячи значений. Но Кришна имел в виду очень конкретные вещи. Как же объяснить эти тысячи комментариев? Эти люди навязывают Кришне свой смысл. Если он вернется и посмотрит на эти комментарии, он сам будет озадачен, он сам окажется в затруднении, пытаясь решить, что он в самом деле имел в виду. И эти люди очень убедительны.

Кто угодно может доказать что угодно. Шанкара доказывает, что Гита это философия отречения от мира; мир является иллюзией, и Гита проповедует отречение — и он доказыва-

ет это красиво. Его современник, Раманужда, доказывает прямо противоположное: что Гита учит человека жить в мире и быть преданным Бога. Она не проповедует отречение, она учит искусству жить в мире с молитвой.

А Локманья Тилак находит что-то еще; он говорит, что Гита учит действию. Конечно, с великой непривязанностью — но ты должен действовать.

Это три пути, древних пути. Путь не-действия, бездействия — вот что находит в Гите Шанкара. Путь действия — вот что находит в Гите Локманья Тилак. И третий путь — преданность; Раманужда находит его в той же самой книге. Есть еще разные вариации на эту тему.

Знающие люди могут продолжать навязывать собственные идеи тем, кто узнал. Правильный способ встретиться с такой книгой как Библия, Гита или Коран — не иметь никаких идей, не иметь никаких знаний. Встретить их с огромным молчанием, точно как зеркало, лишь отражая, не интерпретируя; тогда ты сможешь увидеть их настоящий смысл, их смысл — не твой смысл, навязанный им. И человеку, который может стать зеркалом, не нужна Гита, Коран или Библия, он может найти послание в деревьях, в песне птиц, в облаках, в солнце, в луне. Он может найти его везде, потому что послание Бога начертано на всем существовании. Его роспись — на каждом листке; ты просто должен быть подобным зеркалу, молчаливым, медитативным, без мыслей, без знания.

Вот почему я говорю, что знание плохо. Именно знание становится твоей тюрьмой.

Бетти постоянно теряла своих дружков из-за того, что ее бабушка любила говорить им что-то не то, пытаясь быть современной.

Однажды, когда ее очередной друг пришел, когда Бетти переодевалась наверху, пожилая леди начала хвастаться своей внучкой.

— Я думаю, что Бетти больше любит ввинтить, чем есть, — сказала бабушка весело. — Едва ли в округе есть хоть один молодой человек, которого она не завинтила — она побила все рекорды.

Молодой человек покраснел, что-то пробормотал, схватил свою шляпу и выбежал за дверь.

Секундой позже Бетти спустилась вниз, заметила его отсутствие и сказала:

— Боже мой, бабушка, что ты сказала на этот раз?

— Ничего, — запротестовала бабушка, — я только говорила ему, как ты любишь ввинтить, а он выбежал за дверь.

— Боже мой, бабушка, сколько раз тебе говорить, что надо говорить не «ввинтить», а «клеить»!²

Точно то же самое случается в твоём уме с Иисусом, с Буддой. Твой ум делает и то, и другое: ввинтит и клеит. Отложи свое знание в сторону, просто иди в глубокой невинности, в глубоком невежестве, и тогда ты сможешь найти, что такое истина. Истина не находится знанием, истина находится молчанием. Знание шумно.

Последний вопрос:

*Возлюбленный Мастер,
Почему Тебя так трудно понять?*

² Betty was constantly losing her boyfriends because of her grandmother's tendency to say wrong things to them in her attempt to be modern.

One day, her current boyfriend arrived while Betty was upstairs changing, and the old lady started to brag about her granddaughter.

«I think Betty would rather screw than eat» Granny chatted cheerfully to the young man. «There is hardly a young man around she has not screw with, and she even has a record to screw by.»

The young man blushed, stammered, grabbed his hat and beat it out of the door.

A moment later Betty came downstairs, noted his absence and said, «Alright, Granny, what did you say this time?»

«Nothing,» protested the old lady, «I was just telling him how much you like to screw, when he ran out of the door.»

«Oh my goodness, Granny, how many times must I tell you, the word is not 'screw', it is 'twist'!»

Дхаммо,
Это все та же прежняя история. Такие людей как я всегда было трудно понять. Дело не в том, что ты недостаточно разумен, чтобы понять, — ты слишком знающий. Ты думаешь, что уже знаешь, и трудность в этом. Приходите ко мне, ничего не зная, не приходите ко мне, как индуисты, буддисты, христиане; иначе вы ничего не поймете. Я говорю простые вещи, но если твой ум предубежден, ты упустишь их.

— Мама, это было ужасно, — пожаловалась девочка-подросток. — Мне пришлось четыре раза менять место в кино.

— Тебя беспокоил какой-то мужчина? — спросила мать.

— Да, — сказала девочка. — Наконец-то.

Американская девушка приехала в Англию и пошла на вечеринку. Когда она танцевала с чопорным англичанином, и вдруг ее ожерелье расстегнулось и скользнуло за спинку ее платья. Она попросила партнера вытащить его.

Хотя он и чувствовал себя неловко, из вежливости он попытался дотянуться. После двух попыток он сказал:

— Мне ужасно жаль, но мне тяжело его достать.

— Протяните руку дальше вниз, — инструктировала она.

В этот момент он заметил, что все глаза в комнате устремлены на него и покраснел как свекла. Он прошептал на ухо очаровательной американке:

— Я чувствую себя таким полным ослом!³

— Не обращайтесь внимания, — сказала она. — Просто достаньте ожерелье.

Разные языки... Я говорю на одном языке, ты говоришь на другом. К тому времени, как слова тебя достигают, у них уже совершенно другой смысл. Пока ты не начнешь слушать меня в таком же молчаливом состоянии, в котором я говорю, непо-

³ Игра слов: I feel such a perfect ass:

англ.: Я чувствую себя таким совершенным ослом;

амер.: Я чувствую такой совершенный зад.

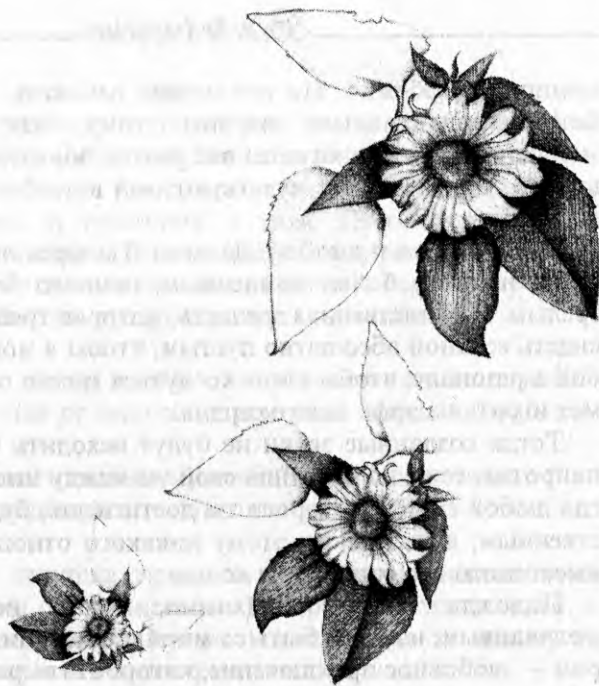
нимание неизбежно. Но его можно избежать. Будь немного более медитативным, научись тому, как быть более молчаливым — и многие из вас учатся, многие из вас осознают это, многие из вас чувствуют мой вкус без всякого непонимания.

Это случится и с тобой, Дхаммо. Ты здесь недавно; просто стань немного более закаленным, немного более спелым и зрелым. А единственная зрелость, которая требуется здесь, — сидеть со мной абсолютно пустым, чтобы я мог попасть с тобой в резонанс, чтобы я мог коснуться твоего сердца, чтобы я мог играть на арфе твоего сердца.

Тогда созданные звуки не будут исходить из твоего ума; напротив, если ты держишь свой ум между мной и тобой, тогда любой смысл, которого ты достигнешь, будет твоим собственным; я не имею к этому никакого отношения, и он не имеет никакого отношения ко мне.

Подожди немного, Дхаммо, стань немного более молчаливым, научись быть со мной в общении. Быть с мастером — любовное приключение, которое невыразимо словами; но человек может сонастроиться; это настройка. Мало-помалу ученик попадает в резонанс с сердцем мастера. Он дышит так, как дышит мастер, его сердце бьется в одном ритме с сердцем мастера. Тогда понимание приходит так естественно; как за тобой следует твоя тень, так понимание следует за молчанием.

На сегодня достаточно.

Глава 9
Ум ~ мошенник

Отпусти гнев, отпусти гордость.
Когда ты ничем не связан,
Ты идешь за пределы отчаяния.
Гнев подобен колеснице, несущейся без возницы.
Тот, кто обуздывает свой гнев —

Истинный возница.
Другие лишь держат возжжи.

Мягкостью победи гнев.
Щедростью победи подлость.
Правдой победи обман.
Говори правду,
Отдавай все, что можешь,
Никогда не будь зол.
Эти три шага приведут тебя
В присутствие богов.

Мудрые никому не вредят,
Они — хозяева своих тел,
Они идут в безграничную страну,
Они идут за пределы отчаяния.
Те, кто ищет совершенства,
Начеку днем и ночью,
Пока не исчезнет желание.

Слушай, Атула, это не новость,
Это старые слова.
Тебя корят, если ты молчишь,
Тебя корят, если ты говоришь слишком много,
И если ты говоришь слишком мало.

Что бы ты ни делал, тебя корят.
Мир всегда находит способ хвалить
И способ укорять.
Так было и будет всегда.

Но кто смеет корить того,
Кого постоянно хвалят мудрые,
Чья добродетельна и мудра,
Кто сияет, как золотая монета?
Даже боги хвалят его.
Даже Брахма хвалит его.

Осознавай гнев тела,
Овладей телом,
И пусть оно служит истине.
Осознавай гнев рта,
Овладей своими словами,
И пусть они служат истине.
Осознавай гнев ума,
Овладей своими мыслями,
И пусть они служат истине.

Мудрые овладели телом, словом и умом.
Они — истинные мастера.

Первая сутра:

*Отпусти гнев, отпусти гордость.
Когда ты ничем не связан,
Ты выходишь за пределы отчаяния.*

Самое важное, что нужно понять, это то, что Будда не говорит: «Подави гнев, подави гордость». Также как не говорит: «Отбрось гнев, отбрось гордость». Он использует слова: *Отпусти гнев, отпусти гордость*. Ключ в слове «отпусти».

Есть люди, которые полны гнева, одержимы гневом, одержимы гордостью. Они ненормальные. Безумие это кульминация гнева и гордости. И есть люди, которые боятся гнева и гордости; поэтому они подавляют их. Но подавленное безумие гораздо опаснее, потому что оно накапливается. Тогда ты сидишь на вулкане. Он может начать извергаться в любой момент. Он уничтожит тебя. Он уничтожит других, которые связаны с тобой. Это яд.

Поэтому, если человек должен выбирать между ними двумя, между выражением и подавлением, выражение гораздо лучше, потому что, по крайней мере, яд никогда не накапливается. Он выбрасывается в мягких, гомеопатических дозах. Но если ты накапливаешь, это больше не гомеопатия, это аллопатия. Тогда дозы становятся большими, и рано или поздно твой подавленный гнев приобретет столько власти, что ты больше не сможешь его подавлять. Тогда он просто взрывается, и ты абсолютно беспомощен.

Священник, политик, педагог веками учили человечество подавлять гнев. Общество не заботится о тебе, оно заботится лишь о том, как ты выглядишь. Что случается с твоим внешним миром, никого не волнует; страдаешь ли ты, живешь ли ты во внутреннем аду, никого не беспокоит. Просто поддерживай красивую видимость, научись этикету, веди себя культурно, а если ты носишь внутри ад, это твои проблемы.

Но человек, который носит внутри ад, как бы он ни был воспитан, изощрен, культурен, внутри он остается диким животным. Стоит его немного оцарапать, и вся его человечность

исчезнет, его характер исчезнет, и ты внутри обнаружишь прямую противоположность. Это происходит, когда кто-то слишком много выпьет. Очень культурный человек, когда он опьянен, начинает вести себя очень некультурно. Это его более правдивая личность. Ее не создал алкоголь; он только удалил препятствия, он только удалил камни, которые преграждали путь.

На Востоке существовала тайная традиция *тантриков*, которые практиковали такую медитацию: сидя рядом, они продолжали принимать наркотики в больших и больших количествах — по определенной причине. Они не заинтересованы в наркотиках, они заинтересованы в медитации. Но они продолжали повышать количество наркотика постепенно, чтобы они могли остаться бдительными к этому наркотику. На это требуется много времени, это тонкий процесс пробуждения.

В руках дураков он будет разрушительным, он будет суицидальным. Поэтому это священная традиция. Только мастер дает этот метод ученику — и то очень редко. Если он находит ученика такой цельности, лишь тогда он дает ему этот процесс: «Медитируй и продолжай повышать дозу наркотика так постепенно, чтобы он никогда не брал над тобой верх и чтобы он никогда не влиял на твое наблюдение».

Но этот наркотик начнет удалять все камни и выносить на поверхность все то, что ты подавлял веками, многие жизни. Наблюдая, ты позволишь этому исчезнуть. Это волшебство наблюдения. Если ты что-то наблюдаешь, это либо полностью исчезнет из твоего существа, либо полностью растворится в твоём существе. Если это нечто естественное, спонтанное, оно растворится в твоём существе. Это тоже красиво. Если нечто не является частью твоего существа, если это что-то приобретенное — пришедшее извне, паразит на твоём теле, — оно испарится.

Настоящее определение хорошего и плохого может быть только таким: хорошо то, что растет с медитацией, наблюдением, а плохо то, что исчезает, когда ты растешь в наблюдении, в осознанности. Осознанность должна быть определяю-

щим фактором. Когда ты начинаешь осознавать свой гнев, ты отпускаешь его, потому что гнев это не часть твоего естественного существа, как и гордость. Они начинают испаряться. Когда в тебе восходит солнце осознанности, они начинают испаряться, как капли росы утром.

И второе, что нужно помнить: Будда утверждает это отдельно, *Отпусти гнев, отпусти гордость*. Почему? Есть причина: гордость это эго, «Я выше всех, я самый святой, я самый великий, я самый особенный, я есть». Эго это коренная причина гнева. Если ты считаешь, что ты всех превосходишь, что ты выше всех, ты самый святой, самый особенный, ты будешь постоянно злиться, потому что мир не примет этого. Фактически, каждый думает о себе все эти глупости. А когда великих и особенных людей так много, обязательно возникнет конфликт. Каждый пытается доказать: «Я лучше тебя». Как ты можешь избежать конфликта? И этот конфликт приносит гнев. Это эго чувствует обиду, эго чувствует себя раненым, неудовлетворенное эго создает гнев. Ничье эго не может быть удовлетворено, это невозможно.

Даже такой человек как Наполеон не мог полностью удовлетворить свое эго по той простой причине, что он был очень низкого роста — всего пять футов пять дюймов. И это всегда было на нем тяжелой ношей, потому что у него было много слуг, телохранителей, которые были гораздо выше. Когда он видел высокого человека, он злился. Он не мог себя сдерживать.

У великого русского лидера, Ленина, были очень короткие ноги. У него был большой торс, большая верхняя часть тела, а нижняя часть тела была очень маленькой, непропорциональной. Из-за этого он постоянно злился. Если кто-то просто смотрел на его ноги — что было естественно, потому что они были такие непропорциональные, что это сразу бросалось в глаза, — он тут же сердился. Каждый, кто смотрел на его ноги, создавал гнев.

Он обычно сидел на очень большом стуле, — таком большом, что ноги не доставали до земли, — чтобы никто не подумал, что у него маленькие ноги. Но люди замечали, что

стул слишком большой; они начинали присматриваться, и это снова создавало гнев, потому что они могли увидеть, что ноги не достают до земли. Быть диктатором величайшей страны в мире, Советской России, самой большой страны в мире, и обижаться по такой глупой причине... что у тебя маленькие ноги!

У тебя не может быть все и вся. Может быть, тебе удастся получить что-то, но чего-то всегда будет не хватать. Ты можешь быть высоким, но уродливым. Любой мелочи достаточно, чтобы задеть эго. Ты можешь быть очень высоким и красивым, но глупым — твой ум может быть очень посредственным. Ты можешь быть очень умным, но физически больным. Ты можешь быть очень сильным физически, очень здоровым, но глупым. Ты не можешь иметь все. Может быть, ты очень красивый и умный, но у тебя нет денег. Мир огромен, есть тысяча и одна вещь, и никто не может иметь все — никому это еще не удавалось.

Эго обречено на раны; эго очень чувствительно, очень хрупко, потому что оно ложно. Именно эго создает пространство, в котором возникает гнев. Поэтому Будда говорит, *Отпусти гнев*, и немедленно добавляет, *отпусти гордость*. Потому что, не отпустив эго, ты никогда не сможешь отпустить гнев. Гнев это побочное следствие. Человек ясно должен видеть причины вещей. Ваши умы так взбудоражены, в таком замешательстве, что вы не видите, где причина, а где следствие.

Одна женщина каждый год приходила из дальней деревни, чтобы родить ребенка. Когда она пришла в семнадцатый раз, доктор сказал:

— Мы всегда тебя ждем. Ты единственная, но кого можно твердо рассчитывать: ты приходишь каждый год. Придешь ли ты в следующем году?

— Я больше не приду, — сказала она, — потому что теперь мы обнаружили причину всего этого.

Семнадцать детей, и они только что обнаружили причину! Она говорит: «Я больше не приду».

Но и это слишком рано. Возможно, ты жил тысячи жизней, и все еще не смог найти причину... откуда этот гнев? Наши умы в таком беспорядке, что ты не можешь отличить голову от хвоста. Ты не можешь в этом разобраться. Все так перемешано с чем-то другим: причины кажутся следствиями, следствия — причинами, а вещи никак не связанные случайно ассоциируются друг с другом.

Бетти Энгров, певица, однажды утром включила радио сразу на двух станциях: одна передавала упражнения по коррекции фигуры, другая — кулинарные рецепты. Вот что она услышала:

— Руки на бедрах, высыпьте один стакан муки на плечо. Коснитесь пальцев ног и перемешайте их с половиной стакана молока, повторите шесть раз. Вдохните пол чайной ложки сахарной пудры, опустите ноги и раздавите два крутых яйца, выдохните в миску и дышите естественно. Лежа на спине на полу, катайтесь в яичном белке, пока он не дойдет до кипения. Через десять минут поднимите голову с огня и энергично разотрите грубым полотенцем. Согните колени, посыпьте сахарной пудрой и подавайте с супом.

А твой ум настроен на такое множество станций, не только на две! В уме продолжают все возможные вещи. Однажды просто сядь и запиши все, что приходит тебе в голову. И не обманывай, просто пиши в точности все, что приходит в голову, и ты будешь удивлен, что это твой ум, и из него ты жил свою жизнь. Ты найдешь, что он абсолютно ненормален.

Хорошо, что у нас в головах нет окон, иначе люди заглянули бы вовнутрь и удивились; они не смогли бы поверить, что все это есть в тебе. И ты тоже не сможешь поверить, что именно это твой ум.

Но это реальность. Люди никогда не смотрят вовнутрь. Фактически, они бессознательно подозревают, что заглянув вовнутрь, они найдут там безумие. Лучше не смотреть; избе-

гай, держи ум в темноте и оставайся занятым чем-то во внешнем мире. Люди остаются занятыми без всякого дела, потому что это помогает им не смотреть вовнутрь. Они стали отчужденными от собственного ума.

Если ты смотришь вовнутрь, поначалу, конечно, там будет хаос; но если ты начнешь наблюдать этот хаос, мало-помалу все начнет становиться на свои места, и ты сможешь увидеть, где причины, а где следствия. Увидев причины, ты на правильном пути. Многие люди борются со следствиями. Ты никогда не победишь, ты обречен на поражение. Следствия это лишь симптомы. Ты не можешь бороться с гневом, потому что это только следствие — следствие эго.

Не можешь ты бороться и с причинами, пока не найдешь первопричину всего. Гнев это следствие; причиной гнева является эго. Но если ты пойдешь глубоко вовнутрь, если ты будешь наблюдать свое эго, ты будешь удивлен: это, в свою очередь, тоже следствие — следствие неосознанности. Причина — неосознанность.

Ты можешь начать с чего угодно — с жадности, с похоти, с гнева, с ревности, с чувства собственности, — и всегда придешь к исходной причине: неосознанности.

Поэтому единственный способ избавиться от этого беспорядка это начать осознавать. И когда ты осознаешь, тебе не нужно ничего подавлять, не нужно даже отбрасывать; вещи начнут отпадать сами собой, они начинают исчезать сами собой. Вот что имеет в виду Будда, когда говорит: *Отпусти гнев, отпусти гордость. Когда ты ничем не связан, ты выходишь за пределы отчаяния.* А это две вещи, которые заставляют тебя барахтаться в этом состоянии безумия. Это две вещи, которые создают все твое отчаяние и страдание. Эго, скрывающееся позади, продолжает работать, отравляя тебя. Гнев либо выражается, и тогда он отравляет твои отношения с людьми, либо подавляется, и тогда он отравляет твое собственное существо.

И мало-помалу вы оказываетесь в таком состоянии, что многим хочется умереть; многие думают о самоубийстве по той простой причине, что жизнь так болезненна, что смерть

кажется облегчением. Миллионы людей на земле думают о самоубийстве — многие пытаются, многие добиваются успеха. А те, кто не думает о самоубийстве, думают об убийстве; они думают, что другие создают для них проблемы, и хотят уничтожить других. Они хотят либо уничтожить себя, либо других, потому что они не находят в жизни никакой радости. Если ты не находишь в жизни радости, если ты не блажен, ты становишься разрушительным, либо садистом, либо мазохистом.

Когда твоя жизнь полна радости, безграничной радости, она становится творческой, в тебе рождается великое творчество. Тогда ты делаешь что-то, чтобы внести вклад в эволюцию человечества, в эволюцию вселенной. Ты прибавляешь к ее красоте, ты делишься с ней своим празднованием. Ты помогаешь распусться, по крайней мере, нескольким цветам.

Ты покидаешь мир с огромной удовлетворенностью, потому что творчество приносит удовлетворенность. Ты покидаешь этот мир радостно, потому что он был такой прекрасной возможностью расти, становиться зрелым, становиться осознанным. Было такой радостью создавать что-то и делиться этим с людьми; в противном случае, ты живешь в отчаянии и умираешь в отчаянии.

Гнев подобен колеснице, несущейся без возницы.

Тот, кто обуздывает свой гнев —

Истинный возница.

Другие лишь держат вожжи.

Если ты посмотришь на людей или на себя, ты увидишь, что гнев похож на колесницу без возницы.

Только вчера я читал книгу:

Один человек жил в пустыне, и он пишет о многих своих переживаниях там. Он провел один эксперимент:

Там не было дорог, не было ни людей, ни деревьев, ни скал, ни холмов; лишь пустыня, простирающаяся на тысячи миль.

Веками она была так неплодородна, что затвердела. Пустыня не была песчаной; почва была очень твердой.

Он вел машину, и внезапно у него возникла необычная идея. Он пересел на соседнее сиденье — он был один в машине. Он покинул сиденье водителя и предоставил машину саму себе, потому что не было ни дороги, ни людей, и можно было не бояться столкновения. Машина двигалась. Это был редкий опыт. Тогда он выпрыгнул из машины.

К нему пришли новые мысли... а машина все двигалась. Он побежал за ней, снова запрыгнул в нее, достал велосипед и поехал в противоположную сторону, пока машина не скрылась из виду. Она по-прежнему двигалась, ехала в никуда, по-прежнему ехала.

Затем он снова развернул велосипед и поехал к машине. Это было странно. Он пишет, что от вида машины, которая едет в никуда, захватывало дух.

Читая эти строки, я внезапно вспомнил сутру Будды: *Гнев подобен колеснице, несущейся без возницы. Тот, кто обуздывает свой гнев — истинный возница. Другие лишь держат вожжи.* Может быть, они даже не держат вожжи, они просто сидят. Машина едет сама. Твое тело работает само, твой ум работает сам. Ты вообще не нужен. Ты можешь выпрыгнуть в окно, взять велосипед, уехать от машины, и она все равно будет продолжать работать. И однажды ты можешь вернуться, чтобы встретить себя.

Да, это испытано. Люди веками испытывали выходы из тела; они в точности похожи друг на друга. Ты можешь попробовать. Если ты идешь в медитацию немного глубже, однажды ты можешь найти способ выйти из тела и бегать по комнате. Не нужно даже бегать, ты можешь висеть в воздухе, глядя на тело, лежащее внизу, спящее, храпящее; ты можешь слушать, как оно храпит. Все прекрасно работает, мотор гудит, ты можешь приблизиться к сердцу и слушать, как оно бьется. Тело дышит.

Ты вообще не нужен. Ты можешь убежать в окно, пройтись вокруг, вернуться и войти в тело, и ты по-прежнему

крепко спишь. Ничто не меняется, как будто тело не волнуется, есть ты внутри или нет.

Тело это очень сложный, тонкий механизм; он автоматический, ты ему не нужен. Ты ничего не сделал, вот почему ты не нужен.

Если ты становишься настоящим возницей, ты будешь нужен. Если ты медитируешь, ты будешь нужен. Есть некоторые вещи, которых не может сделать тело. Оно не может медитировать само по себе — это невозможно. Само по себе оно может храпеть, оно может спать, но не может себя осознавать. Для осознанности нужен ты.

Помни это: стоит делать лишь то, для чего нужен ты. Вещи, которые можно делать без тебя, несущественны. Посвятить им всю жизнь значит упустить всю суть.

— Отвезите меня на вокзал, — сказал пьяный, забираясь в такси.

— Слушай, дружок, мы уже на вокзале, — сказал таксист.

— Спасибо, — пробормотал пьяный, протягивая пять долларов. — В следующий раз не надо ехать так чертовски быстро.

Такси не сдвинулось ни на дюйм. Твоя жизнь может остаться в точности там же, где она была, когда ты родился. Может быть, она не сдвинулась ни на дюйм. Миллионы умирают точно такими же, как родились. Не случается никакого роста, в их жизнях не происходит никакого цветения. Есть оно или нет, просто не имеет никакого значения. Они приходят и уходят как тени. Их жизнь не стоит называть жизнью; они просто растут как овощи.

Фермер ел пирожное и наблюдал, как большой петух гонится за курицей и настигает ее с каждым шагом. Он бросил бегущему петуху кусочек пирожного.

Петух круто затормозил и проглотил добычу.

— Боже мой, — сказал фермер. — Надеюсь, я никогда настолько не проголодаюсь.

Но петух, лев, тигр, собака, кошка и ты — вы ничем не отличаетесь, пока нечто от природы будды не начнет возникать в тебе. Петухом управляет голод, похоть, как и тобой.

Б.Ф. Скиннер, современный пророк бихевиористской школы психологии, говорит, что человек это лишь машина. И в отношении девяноста девяти и девяти десятых процента людей он прав. Георгий Гурджиев обычно говорил, что человек это машина. Он не был психологом-бихевиористом. Он был одним из величайших духовных гигантов, которые только ходили по земле. Но все же он говорил, что душа есть не у каждого. Очень редко у человека есть душа.

И я могу понять Б.Ф. Скиннера. Невозможно было встретить будду и изучать будду. Он изучал только крыс и вас; и он не нашел никакой разницы. У крысы такие же инстинкты, как и у человека. Конечно, человек немного более сложен, это правда, это более сложная машина, но вот и все — компьютер.

Однажды я читал вымышленную историю будущего, когда люди смогут делать механических людей, роботов. Они выглядят в точности как люди, но у них нет души. Но снаружи нельзя заметить разницу: они разговаривают, занимаются любовью, едят, устают и спят. И если ты встречаешь робота, — который выглядит в точности как человек, — как тебе судить, робот ли он? Держишь ли ты за руку робота или человека? Лишь иногда ты сможешь узнать: когда кончается батарейка, и робот начинает говорить: «Гррр, гррр, гррр». Иначе никакой разницы нет.

Ты занимаешься любовью с роботом, и он говорит: «Гррр, гррр, гррр». Тогда внезапно ты осознаешь, что это не человек! Но до сих пор он был в полном порядке. Он цитировал великих поэтов, обсуждал великие идеи, философии, цитировал Сократа и Аристотеля, обнимал тебя и говорил: «Я люблю тебя и буду любить всегда».

А это была запись, которую он воспроизводил для каждой женщины, с которой встречался. В тот момент, когда он видит женщину, что-то включается в нем, и он начинает говорить поэтично: «Я тебя люблю и умру без тебя».

Я слышал об одном психоаналитике, который был очень озадачен. Он любил одну женщину, но она была немного странная. Когда он говорил ей, что любит ее, она опускала глаза.

Он спросил ее:

— В чем дело? Когда я говорю: «Я люблю тебя», ты смотришь вниз. Чувствуешь ли ты стыд или смущение?

— Я смотрю вниз, — сказала она, — чтобы увидеть, действительно ли ты имеешь это в виду... Потому что я не могу доверять твоему уму. Я могу доверять только телу.

Очень трудно лгать телом. Человек может этому научиться, это делают актеры — но актеры очень редки. Обычно очень трудно заставить тело лгать. Ум лжет очень легко; он может говорить вещи, которых на самом деле не подразумевает. Но тело гораздо более подлинно, более правдиво. Какая ирония: кажется, тело более подлинно, а ум это просто мошенник!

Ты можешь достичь души, лишь когда становишься более наблюдательным ко всему, что происходит в теле и уме. Пока этот свидетель не возникнет в тебе, ты остаешься роботом.

Шила написала мне вопрос: «Когда я уйду от тебя, я крыса, но когда я возвращаюсь, я становлюсь просто мышью».

Я знаю, что она имеет в виду. Люди думают, что между крысами и мышами большая разница; она невелика. Мышь это изощренная крыса, лицемер с университетским образованием. Крыса гораздо более подлинна, крыса это то, что она есть. У мыши есть фасад. Но между крысой и мышью нет большой разницы. Нет большой разницы и между мышью и человеком, нет большой разницы и между человеком и машиной.

Разница возникает — единственная разница, которая имеет значение — в медитации. Иначе ты никогда и ничем не можешь отличаться. Все различия лишь формальны.

Вот почему психологи изучают крыс, особенно белых крыс, потому что они простой народ, и их легче понять. Поняв ум крысы, ты понял и ум человека. Они получают все свое

знание о человеке через изучение крыс. Это действительно осуждение для человека: крысы поставляют информацию о тебе. И эта информация работает, она вполне применима к тебе — ты ведешь себя точно также.

Эта информация неприменима к Будде, Иисусу, Кришне. Но где Б.Ф. Скиннеру найти будду? И даже если он найдет будду, кто кого будет изучать? Будда будет изучать Скиннера, не наоборот. Скиннер не сможет изучать будду; у него не будет правильного контекста, он знает только, как изучать крыс.

Будда будет абсолютно непостижимым для него. А когда нечто непостижимо, это просто отрицает это. Это способ это защитить себя. Непостижимое, таинственное нужно отрицать, игнорировать, обходить стороной. Человек не замечает непостижимого, потому что обращать внимание на непостижимое значит обращать внимание на ограничение своего ума, а это ранит эго.

Поэтому, хотя будды и рождаются время от времени, но никто не обращает на них внимания. Это различие между восточной и западной психологией. Западная психология основана на понимании крыс. Восточная психология основана не на понимании крыс, и даже не на понимании человека.

Восточная психология укоренена в психологии будд. Мы начинаем с высшего и затем спускаемся вниз. Сначала мы думаем о высочайшем, затем мы делаем предположения о тех, кто ниже рангом — это уважительно.

Пытаться наблюдать низшее и делать заключения о высшем унижительно; это уродливо и даст неправильный результат. Это все равно что изучать семя и выводить заключения о цветке. Как, изучая семя, можно прийти к заключению о цветке? Ты можешь расчленишь семя и заглянуть в него; ты не найдешь никакого цвета, никакой красоты, никакого аромата. Хотя он и содержит все это, оно все еще не проявлено.

И если ты судишь по семени о цветах и говоришь, что у цветка нет никакого аромата — и не может быть, потому что его нет в семени, как он может быть в цветке? И цветы не красивые, потому что некрасиво семя... тогда все нужно низвести

до самой нижней точки; тогда цветок нужно просто отрицать — это просто поэтическое воображение и ничего больше. Вот что сделали с буддами. Материалисты продолжают отрицать их существование, они говорят, что это поэтическое воображение. Таких людей не существовало и не может существовать; их существование невозможно, потому что в семени нет никаких их признаков.

Психология будд начинается с другой крайности. Она начинается с высочайшего: она изучает цветок и делает заключение о семени. Поскольку у цветка есть аромат, она говорит, что он должен быть и в семени; он не проявлен. Цветок красив, и в семени должна быть красота, лишь ждущая правильного времени, весны, чтобы взорваться цветом, ароматом, красотой. Это правильный способ понимать человека: не через крыс, не даже через обычного человека, но через будд.

Это разница между подходом Востока и Запада. Западный подход низвел человека до очень уродливого явления. Восточная психология возвела человека до богов. И тогда сам процесс обеих психологий становится различным. Западная психология идет путем анализа, мышления — это ее метод. Восточная психология следует методу не-ума, медитации; не анализа, не мышления, но молчания. Потому что, чтобы видеть красоту цветка, тебе нужно молчание, не анализ; красоту нельзя понять путем анализа. Танец цветка на ветру, в солнце, в дождь нельзя понять головой; ему нужно открыть свое сердце.

Мягкостью победи гнев...

Эта сутра также чрезвычайно важна. Теперь Будда говорит... Гнев содержит энергию. Ты не можешь просто выбросить его. Это твоя энергия. Если ты ее выбросишь, это сделает тебя слабым. Энергии не нужно выбрасывать, их нужно трансформировать. *Мягкостью победи гнев...* Пусть твой гнев будет трансформирован в мягкость.

Щедростью победи подлость,

Истиной победи обман.

Он говорит, что медитация это алхимический процесс — это не моральность, это алхимия. Это наука души. В медитации гнев постепенно исчезает, и его энергия становится доступной и превращается в мягкость.

Ты удивишься, узнав, что если ты страдаешь от великого гнева, у тебя есть великий потенциал для мягкости. Это просто показывает, что у тебя есть огромная энергия. Человек без гнева бессилен, у него нет энергии. Человек, который не может злиться, не может и быть мягким. *Щедростью победи подлость.* Не подавляй подлость, не разрушай подлость, но щедростью трансформируй ее в щедрое сознание, готовое делиться.

Правдой победи обман. Не борись с темнотой, внеси свет. Вот существо этой сутры. Не борись с негативным, привнеси позитивное. А позитивное приходит из наблюдения — негативное уже есть. Твое общество готовит тебя к негативному, твоему обществу нужно, чтобы ты был негативным. Твое общество хочет, чтобы ты был злым, полным гнева, чтобы тебя можно было гнать на войны, крестовые походы: религиозные, политические, идеологические конфликты; чтобы тебя можно было заставить убивать людей. Или чтобы тебя можно было заставить быть мучеником, быть разрушительным по отношению к самому себе.

Миллионы христиан умерли, миллионы мусульман умерли, убивая друг друга по той простой причине, что подавлено столько гнева, и ему нужен какой-то выход. Ты будешь удивлен, узнав, что буддизм это единственная в мире религия, не пролившая ни капли крови, единственная в мире религия, обратившая миллионы людей без всякого принуждения.

Христианство обратило тысячи людей, но с применением принуждения. Сначала они обращали мечом. Мусульмане обратили миллионы людей, но при помощи меча, принуждения, кровопролития. Это не обращение, это нечто совершенно уродливое и нерелигиозное.

Теперь мечом больше не пользуются, потому что прямо воспользоваться мечом значит подвергнуться осуждению всего мира, поэтому используются тонкие методы насилия. В бедных странах подойдет хлеб с маслом, одежда, лучшие условия жизни — и ты обратишь людей. Христианские миссионеры делают это по всему миру, особенно в бедных странах. Это не обращение к Христу — это вообще не обращение, — это просто покупка людей хлебом и маслом. Люди голодают — кто бы ни давал им еду, они готовы пойти с ним.

Буддизм это единственная религия в мире, которая действительно обращала людей без меча, без хлеба с маслом, без всякого насилия, положительного или отрицательного; которая обращала, просто понимая людей, давая им больше света, давая им больше понимания их собственных умов, собственных тел.

И это имеет огромную важность. Никогда не борись с негативным. Твое общество готовит тебя для негативного. Трансформируй негативное в позитивное; эта трансформация возможна. И медиум, который нужно использовать, это медитация. Просто стань более наблюдательным ко всем чертам ума — гневу, жадности, подлости; в противном случае ты можешь воспитывать себя, обманывать других и самого себя, но ты останешься подлым. Скрыга может жертвовать, раздавать на благотворительность, но он дает с расчетом. В этом присутствует его жадность. Он открывает банковский счет в другом мире. Он хочет иметь счет и там.

Слепой стоял в очереди на автобус. Его сосед вздрогнул, увидев, что к нему подошла собака, спокойно подняла ногу и написала ему на штаны.

Когда слепой понял, что происходит, он положил руку в карман, достал шоколадку и протянул ее псу.

— Это очень благородный поступок, — сказал сосед.

— Отнюдь нет, — ответил слепой, — я просто пытаюсь установить, где у него рот, чтобы лягнуть его по яйцам.

Поэтому не обманывайтесь тем, что люди делают по видимости, глубоко внутри, они, возможно, рассчитывают по-другому. Их действие может быть благородным, но единственное, что считается, это мотив; не действие, но намерение.

Мужчина познакомился в баре с женщиной и привел ее к себе домой.

Когда они пришли, она начала раздеваться, но он остановил ее словами:

— Нет, давай сначала посидим вместе на кушетке, и если ты будешь держать обе руки у меня на голове, пока ты здесь, я дам тебе двадцать долларов.

Девушка подумала, что это немного необычно, но сделала, как ее просили. В конце концов, не в силах сдержать любопытство, она спросила:

— Что за удовольствие ты получаешь, когда я держу руки у тебя на голове?

— Никакого, — ответил он. — Я просто получаю чувство спокойствия, зная, что твои руки у меня на голове, а не в кармане, а это стоит двадцати долларов.

Люди, которые скупы, останутся скупыми, даже когда они делятся. Если ты глубоко заглянешь вовнутрь, ты увидишь, что они пытаются что-то выторговать, что с этим скрыт какой-то бизнес. Священники продолжают говорить людям:

— Если вы будете давать бедным, то получите тысячекратно в другом мире.

Тысячекратно, как будто это лотерея! И кто не захочет в нее играть? Дай немного здесь, и ты тысячекратно получишь там.

Священники обманывали людей, потому что люди подлы, потому что люди скупы; иначе священники исчезли бы из мира. Если бы люди были действительно щедры, не нужно было бы священников, никто не может эксплуатировать щедрых людей. Они дают ради сушей радости давать. Они не думают, что щедрость это средство для чего-то другого. Если ты думаешь, что это средство для достижения какой-то цели, ты упус-

тишь всю суть. Пока щедрость сама по себе не стала радостью, ты не знаешь, что это такое.

Говори правду.

Отдавай все, что можешь.

Никогда не злись.

Эти три шага приведут тебя

В присутствие богов.

Говори правду, какой бы ни была цена. И эта цена будет велика, потому что мир живет во лжи. Людей воспитывают таким образом, что истина никогда не встречается у них на пути. Они принуждены верить в то, во что хочет их общество, их церковь, их государство; это не вопрос истины. Люди любят ложь, потому что ложь очень утешительна. Люди верят в ложь, потому что другие тоже верят в эту ложь — и ты чувствуешь себя частью других, ты чувствуешь своего рода причастность, ты не чувствуешь себя одиноким.

Человек истины чувствует, что он один. Сократ, Гераклит, Пифагор чувствовали себя одиноко, очень одиноко. В этом мире, если ты говоришь правду и живешь правдиво, тебе придется жить одному. Ты не найдешь многих людей, которые хотели бы быть с тобой. Ты не найдешь хорошей компании в мире. Ты найдешь немногих людей, которые влюблены в истину. И ты всегда будешь в опасности, потому что истина опасна для тех, кто живет во лжи. Они не будут тебя терпеть. Ты станешь для них невыносимым явлением. Они будут стремиться уничтожить тебя.

Но все же, можно пожертвовать даже жизнью, истина стоит этого. Мгновение истины более ценно, чем сто лет жизни, потому что мгновение истины делает тебя частью вечности, частью божественного.

Говори правду, отдавай все, что можешь. Дело не в том, что ты должен раздавать деньги или что-то еще; все, что ты можешь, все, что у тебя есть — если у тебя есть песня, пой песню, делись ею. Если ты умеешь танцевать, танцуй и делись танцем. Отдавай все, что можешь. И *никогда не злись*, потому

что люди могут не принять твоего подарка. Не злись на это. Люди могут никогда не благодарить тебя, не чувствовать признательности. Напротив, они могут почувствовать себя обиженными.

Так было всегда; они были обижены Иисусом, они были обижены Буддой. Почему? — потому что эти люди так отличались от обычных, что люди начинали осознавать свою обычность, а это болезненно. Они делятся великим сокровищами — но это болезненно, потому что они приносят великие сокровища, а у нас ничего нет. Люди никогда не будут благодарны; фактически, они никогда не смогут тебя простить. Они могут тебя распять, они могут до смерти забросать тебя камнями.

Поэтому Будда снова напоминает: помни, ничего не жди, иначе гнев будет естественным. Если ты ждешь от людей даже благодарности, а они не выказывают никакой благодарности, — наоборот, они показывают великую неблагодарность — ты можешь почувствовать гнев. Остерегайся, твоя радость в том, чтобы отдавать. Не твоя забота беспокоиться о том, принято ли то, что ты даешь; принято ли это с благодарностью или равнодушно.

Ты делаешь людям добро, а они могут ответить тебе злом... и все же не злись. Помни, что именно так всегда бывает, именно таковы люди. Помни об этом, и это поможет тебе не прийти в ярость.

Мудрые никому не вредят... но дураки наслаждаются, вредя другим. А кто мудр? Не тот, кто много знает, но тот, кто много понимает. Мудр не тот, у кого все писания на кончике языка; мудр тот, кто увидел собственную реальность, и видя ее, осознал вселенную, ее красоту и ее разум. Мудр тот, кто увидел мудрость существования; он не знающий, но абсолютно невинный. Как он может причинить кому-нибудь вред? — это невозможно, потому что он не видит других как нечто отдельное от себя. Он видит целое как одно.

Остерегайся знающих людей, остерегайся так называемых людей с жизненным опытом, они не мудры.

Две женщины сидели перед кабинетом врача, сравнивая свои истории болезни.

— Я хочу ребенка больше всего на свете, — сказала первая, — но думаю, это невозможно.

— Я раньше чувствовала то же самое, — сказала вторая, — но теперь все изменилось. Вот почему я здесь; через три месяца у меня будет ребенок.

— Скажите же мне, что вы сделали!

— Я пошла к исцеляющему верой.

— Но я это пробовала. Мы с мужем ходили к одному из них почти год, и это ни капли не помогло.

Другая женщина улыбнулась и прошептала:

— В следующий раз попробуй сходить одна, дорогуша!

Люди с жизненным опытом, люди, прожившие жизнь... они кажутся мудрыми; они не мудры, они только зрелые дураки. Зрелые дураки опаснее незрелых, потому что у зрелого дурака есть все аргументы, чтобы поддержать свою глупость, в его распоряжении весь его опыт.

Профессор уголовного права завершал свою последнюю лекцию перед праздниками.

— Помните, джентльмены, если у вас роман с несовершеннолетней девушкой, с ее согласия или нет, это изнасилование! Если у вас роман с совершеннолетней девушкой без ее согласия, это изнасилование! Если у вас роман с совершеннолетней девушкой с ее согласия, счастливого рождества!

Эти люди по-своему мудры, мудры в путях мира; они могут дать тебе хороший совет, но они не мудры в том смысле, в котором это слово использует Будда. Они так же глупы, как и ты, лишь немного более опытные. А глупость не исчезает с опытом.

— Я ищу приключений, волнения, красивых женщин, — крикнул молодой человек своему отцу, готовясь покинуть дом. — Не пытайся меня остановить! Я уйду.

— Кто пытается тебя остановить? — закричал отец. — Возьми меня с собой!

Мудрые никому не вредят,

Они — хозяева своих тел

И идут в безграничную страну,

Они идут за пределы отчаяния.

Когда ты становишься свидетелем, когда ты начинаешь осознавать, ты просто узнаешь, что ты не тело, не ум и даже не сердце. Ты просто наблюдатель, отдельный от всего, что тебя окружает. Тело это твоя внешняя граница; ум немного более внутренняя, но в глубочайшем ядре ты просто сознание.

Зная это, ты становишься не привязанным к собственному телу, уму, сердцу; и эта непривязанность приносит мастерство. Ты не начинаешь разрушать свое тело — ты очень заботишься о нем, это прекрасный инструмент, это великий дар божественного. Но теперь ты знаешь, что это лишь дом, в котором ты живешь. В точности как ты заботишься о своем доме, заботишься ты и о теле; это храм.

Твое сознание это твоя реальность; ты становишься не отождествленным, а быть не отождествленным значит быть мастером.

Те, кто ищет совершенства,

Начеку днем и ночью,

Пока не исчезнет желание.

Будда ожидает от тебя лишь одного: будь начеку днем и ночью, пока все желания не исчезнут. Сделай свою наблюдательность такой цельной, такой мощной, такой сильной и непоколебимой, чтобы она помогла всем желаниям испариться, исчезнуть. Желания не нужно отбрасывать, им нужно позволить испариться. *Отпусти гнев, отпусти гордость. Когда ты ничем не связан, ты выходишь за пределы отчаяния.*

Слушай, Атула, это не ново...

Атула это ученик Будды. Будда говорит Атуле: *Слушай, Атула, это не ново...*

Это старые слова.

Тебя корят, если ты молчишь,

Тебя корят, если ты слишком много говоришь

Или говоришь слишком мало.

Тебя корят, что бы ты ни делал.

Почему Будда внезапно обращается у Атуле? Он обращался ко всем саньясинам, и ни с того, ни с сего он обращается к Атуле. Возможно, вы не сможете тут же сразу увидеть суть. Возможно, Атула был тот, кто не слушал, кто слышал, но не слушал. Когда ты с буддой, он всегда прекрасно знает, кто слушает, а кто только слышит. Это происходит здесь каждый день. Когда приходят новые люди, очевидно, что они слышат, но не слушают. Когда ты живешь здесь немного дольше, мало-помалу ты начинаешь слушать.

Слушать это совершенно не то, что слышать. Слышание физиологично. Поскольку у тебя есть уши, ты можешь слышать. Слушание это более глубокое явление. Ты слушаешь, лишь когда ты в абсолютном молчании. Те, кто был здесь достаточно долго, впадают в это молчание.

Должно быть, Атула только слышал, наверное, он был новым учеником; поэтому Будда отдельно упоминает его имя; *Слушай, Атула...* Также возможно, что Атула думал, что Будда говорит что-то очень новое, очень странное. Фактически, то, что говорят будды, это в определенном смысле вечная истина; в другом смысле это свежо, как цветок, который только что расцвел на утреннем солнце — свежо, как капли росы, и старо, как Гималаи.

И все будды прошлого говорили одно и то же; возможно, на разных языках, возможно, в разных выражениях, по-разному. «Нет ничего нового под солнцем». Это правда — но лишь наполовину. Вот вторая половина: «Под солнцем ново все». Потому что истина обладает способностью постоянно

обновлять себя, рождаться снова и снова. И будды всегда говорят древнейшие истины, и все же эти истины так мятежны, как это только возможно.

Будда говорит: *Это не ново, Атула, это старые слова.* Люди таковы, что они всегда находят, в чем тебя упрекнуть. Они упрекают тебя, когда ты молчишь — если ты молчишь, они упрекнут тебя: «Почему ты молчишь?» Если ты говоришь слишком много, они упрекнут тебя: «Почему ты так много говоришь?» Если ты говоришь слишком мало, они упрекнут тебя: «Почему ты так мало говоришь?»

Что бы ты ни делал, они тебя упрекают, потому что, когда они тебя упрекают, это удовлетворяет их эго. Никто не смотрит на собственные недостатки, но каждый способен увидеть недостатки других; и люди не только видят, но и преувеличивают их, как только возможно.

Мать закричала дочери, играющей наверху:

— Кэролайн, пожалуйста, прекрати эти крики и вопли. Почему ты не можешь играть спокойно как Томми, от которого не слышно ни звука?

— А он и не должен издавать никаких звуков, — сказал Кэролайн. — Мы играем в нашу семью. Он это папа, который пришел с работы и опоздал на ужин, а я это ты.

Очень просто видеть недостатки других, потому что человеку хочется видеть недостатки других. Если их нет, он их изобретает. Твое эго может жить, лишь чувствуя собственное превосходство; поэтому ты используешь недостатки других, как только возможно, чтобы чувствовать свое превосходство. Упрекать других это способ эго почувствовать свое превосходство. Остерегайся этого.

Мир всегда находит способ хвалить и корить. Он всегда это делал и всегда будет делать. Да, иногда он и хвалит, но он хвалит лишь тогда, когда ты помогаешь эго других людей — тогда он хвалит тебя. Например, если ты скажешь индуистам, что их религия величайшая в мире, они будут тебя хвалить.

Как они могут хвалить меня? Невозможно! Потому что я просто говорю правду: ни одна религия не лучше других; все религии попались в ловушку жречества. Ты можешь называть жреца шанкарачарьей, ты можешь назвать его священником, это не имеет значения. Все религии находятся в лапах политиков. Индуисты, христиане, мусульмане — все это больше не религии, а политика; под именем религии скрывается силовая политика. Ни одна религия не лучше остальных, не превосходит остальные. Фактически, действительно религиозный человек не бывает ни христианином, ни мусульманином, ни индуистом. Он просто религиозен.

Индийцы похвалят тебя, если ты похвалишь Индию: если ты скажешь, что это величайшая страна в мире, самая духовная страна в мире — тогда их эго раздуется, и они похвалят тебя. Они будут ругать тебя, чтобы раздуть свое эго, они будут хвалить тебя, чтобы раздуть свое эго. Вся эта игра это игра эго.

*Но кто смеет корить человека,
Которого постоянно хвалят мудрые,
Чья жизнь добродетельна и мудра,
Кто сияет как монета из чистого золота?*

Пусть тебя не волнуют упреки и похвалы обычных масс, толпы. Да, если ты и должен обращать внимание, то лишь на мудрых. Если они говорят, что с тобой что-то не так, слушай внимательно, потому что они пытаются тебе помочь. У них нет эго, которое нужно удовлетворять твоими недостатками. Они подобны зеркалам; они отражают твоё лицо. Если твоё лицо уродливо, не бей зеркало; просто попытайся изменить своё лицо.

Мудрые могут и хвалить, но они хвалят не для того, чтобы раздуть твоё эго. Фактически, они тебя хвалят, лишь когда видят, что ты становишься никем; их похвалы осыпают тебя как цветы. Когда ты становишься никем, когда ты становишься ничем, ты подходишь ближе и ближе к скрывающейся в тебе божественности.

*Его хвалят даже боги,
Его хвалит даже Брахма.*

Человека, которого хвалят мудрые, просветленные, хвалят и боги, хвалит и вся вселенная — сам творец, сам Брахма. Их хвала стоит... даже если один-единственный будда улыбается тебе, этого достаточно. Тебя может осуждать весь мир; не беспокойся об этом. Если все слепые мира соберутся, чтобы восхвалять твою красоту, будешь ли ты счастлив? Они не могут видеть, у них нет глаз; ты не будешь очень счастлив оттого, что тебя хвалят слепые.

В Индии говорят, что лучшую пару составляют глухой муж и слепая жена. Муж может продолжать делать что хочет, — валять дурака! — а жена может продолжать говорить все что хочет; муж глухой, а жена слепая. Поговорка говорит, что так бывает очень редко, с благословения Бога. Обычно этого не происходит. Но какой смысл в том, что тебя хвалят слепые? Они не могут видеть. О чем беспокоиться, если они тебя осуждают? Они не могут видеть и твоих недостатков.

Но если тебя хвалит будда, просветленный, это значит, что он видит, что твоё эго исчезает. Если он находит в тебе недостаток, это просто значит, что он пытается помочь тебе избавиться от этого недостатка.

*Осознавай гнев тела,
Овладей телом,
И пусть оно служит истине.*

У гнева есть три слоя. Первый слой это гнев тела. *Осознавай гнев тела.* Может быть, ты не наблюдал: тело накапливает гнев, у тела есть свои способы накапливать гнев. Когда ты злишься, ты скрипишь зубами, ты сжимаешь кулаки — почему?

На Востоке есть средства, чтобы тебе помочь. Это временная помощь, но она имеет огромную ценность, потому что это может заставить тебя осознавать многое. Когда ты

злишься, просто сожми зубы, сожми кулаки, и ты будешь удивлен: если ты скрипишь зубами, сжимаешь кулаки и дерешься с воздухом, — бокс с теньями — через пять минут гнева больше нет. Что-то произошло, что-то было высвобождено.

Сейчас школа Интеграции Позы, Рольфинга и тому подобные методы понимают, что твой подавленный гнев, сексуальность, жадность и всевозможные яды накапливаются в теле, в мышцах. Эти яды можно высвободить глубоким массажем. Рольфинг это действительно великий вклад. Глубокий массаж тела может оказать огромную помощь. Он может дать тебе понять, что многое носит твоё тело; что тело толкает тебя на такие вещи, которые ты иначе не стал бы делать.

Осознавай гнев тела, говорит Будда, овладей телом, и пусть оно служит истине.

Как овладеть телом? Первое, что нужно сделать, это научиться расслаблению. Будда учил своих учеников расслабляться. На Востоке, в особенности в йоге, используется специальная поза, *Шавасана*. Вот эта поза: лежи на земле как мертвый. Позволь телу постепенно умереть. Начни с ног. Поговори со своим телом; скажи ногам: «Умрите, пожалуйста, умрите». Затем продолжай двигаться вверх.

Психоаналитик сказал одному из своих пациентов:

— Все, что вам нужно, это расслабление, поэтому с сегодняшнего вечера начните расслабляться. Начните с ног; скажите кончикам пальцев: «Пальцы, расслабьтесь, ноги, расслабьтесь», и продолжайте двигаться вверх, разговаривая с каждой конечностью и в конце концов скажите уму, чтобы он расслабился.

Этот человек пришел домой. Его очень взволновала эта идея; целый день он ждал вечера. Наступил вечер, и он в постель. По совету психоаналитика он принял хороший горячий душ и чувствовал себя немного более расслабленным, лежа в постели.

Он стал говорить:

— Пальцы, расслабьтесь, ноги, расслабьтесь, бедра, расслабьтесь, — и так далее, и тому подобное.

Он как раз добрался до ума, чтобы сказать ему:

— Ум, расслабься, — когда в спальню вошла его жена, собираясь лечь спать. Внезапно он закричал:

— Просыпайтесь! Все просыпайтесь!

Это не поможет. Поэтому Будда не говорит расслабиться и уснуть, потому что тогда ты можешь проснуться и начать кричать, чтобы все просыпались. Он говорит:

— Почувствуй себя мертвым. Пусть тело на мгновение умрет, как будто ты только труп.

Ты не можешь ничего сделать. По тебе ползет муравей; ты ничего не можешь сделать.

И это действительно великий опыт: чувствовать себя трупом: по твоему лицу ползет муравей, или тебя кусает комар, но ты ничего не делаешь, ты просто наблюдаешь. Это редкий опыт. Мало-помалу ты овладеешь телом, расслабляя его. Чем напряженнее твоё тело, тем более оно владеет тобой.

Осознавай гнев рта...

И когда ты научился расслаблять гнев тела, ярость тела, начни осознавать, что ты говоришь. Иногда ты говоришь какое-то слово бессознательно. Ты не осознаешь его смысла. Ты не осознаешь, что оно создаст для тебя столько проблем. Молодой человек устроил встречу своих родителей и своей невесты за коктейлем в фешенебельной гостинице. Когда его семья ушла, девушка спросила, произвела ли она хорошее впечатление.

— Откровенно говоря, дорогая, — сказал он, — моя мама по секрету сказала мне, что она находится тебя немного вульгарной.

— Но сказал ли ты ей, что я ходила в один из лучших колледжей?

— Да, конечно.

— А сказал ли ты ей о моем интересе к культуре и искусству?

— Разумеется.

— А сказал ли ты ей, из какой я хорошей семьи?

— Естественно.

— Тогда что это за херня насчет вульгарности? — просила деликатная юная леди.

Люди продолжают говорить вещи, не осознавая по-настоящему, что они говорят. Фактически, их умы как граммофонные пластинки. Они просто повторяют.

Сейчас ученые открыли, что у тебя в голове можно проделать дырки и вставить туда электроды; если воздействовать на определенные точки, происходят очень странные вещи. Например, если электрод приставить к определенному центру, ты начнешь что-то говорить совершенно без причины. Никто ни о чем не спрашивал, не было никакого контекста, но ты начинаешь говорить. Если убрать электрод, ты прекращаешь говорить. Если снова приложить электрод, ты снова начинаешь говорить сначала — те же самые предложения, те же самые слова. Это можно повторить сто раз, и сто раз ты будешь говорить это снова, как будто электрод это граммофонная игла.

Твой ум это великое записывающее устройство. Ты записал много разных вещей и продолжаешь их говорить, думая, что говоришь ты; это неправда. Если ты не наблюдателен по-настоящему, ты не ничего не говоришь. Твой ум продолжает повторять старые образцы, и ты продолжаешь создавать старые проблемы снова и снова. *Осознавай гнев рта...*

Овладей своими словами,

И пусть они служат истине.

Осознавай гнев ума...

В конце концов, постепенно: тело, затем слово, затем ум.

Овладей своими мыслями,

И пусть они служат истине.

Мудрые овладели телом, словом и умом.

Они — истинные мастера.

Если ты можешь наблюдать тело, ум и их действие, ты будешь настолько отделен от них, что сможешь овладеть ими.

Ты можешь чем-то овладеть, лишь если ты находишься на некотором расстоянии от этого. Если ты с этим отождествлен, ты не можешь этим овладеть. И Будда говорит, что тот, кто овладел самим собой, овладел и всем существованием; он вошел в другой план жизни. Вы рабы, он мастер; вы машины, он настоящий человек; вы действуете бессознательно, он действует сознательно.

Действовать сознательно значит выйти за пределы отчаяния, всего страдания, всей тоски — значит войти в запредельное. Другие религии называют это запредельное «Богом»; Будда называет его просто «запредельным». Готовьтесь к запредельному... Станьте мастерами своих существ.

На сегодня достаточно.

Счастье: смерть эго

Первый вопрос:

*Возлюбленный Мастер,
Почему несчастье кажется таким безопасным, а счастье — таким угрожающим?*

Дэва Сурабхи,
Счастье представляет угрозу, а несчастье безопасно; безопасно для эго. Эго может существовать лишь в страдании и через страдание. Эго это остров, окруженный адом; счастье угрожает эго, самому существованию эго. Счастье поднимается как солнце, и эго исчезает, испаряется, как капли росы на листе.

Счастье это смерть эго. Если ты хочешь остаться сущностью, отдельной от существования, как пытается жить почти каждый, ты будешь бояться быть блаженной, радостной. Если ты блаженна, ты почувствуешь себя виноватой. Ты почувствуешь, что совершаешь самоубийство, потому что это самоубийство на психологическом уровне — на уровне эго.

Почти всегда происходит так, что люди несколько мгновений наслаждаются, а потом чувствуют себя виноватыми. Чувство вины возникает из-за эго. Эго начинает их мучить:

— Что ты делаешь? Ты что, хочешь моей смерти? Я твое единственное сокровище. Убить меня? Ты будешь разрушен. Убив меня, ты разрушишь самого себя.

Мы настолько отождествлены с эго, что когда эго говорит такие вещи, в них есть огромная притягательность, привлека-

тельность, убедительность. Реальность прямо противоположна — мы это не наше эго. Фактически, именно из-за эго мы не растем, оно как камень преграждает путь нашему росту. Убери камень, и ты начнешь расти и вырастешь в большое дерево — с огромным удовлетворением, цветением.

Но поначалу будет казаться, что отбросить камень значит отбросить всю защищенность. Камень многому мешал. Камень мешал дождю добраться до тебя, а ты думала, что это безопаснее. Фактически, дождь питателен. Если бы он добрался до тебя, ты начала бы расти. Камень мешал солнцу, а ты думала, что это кров: что он защищает тебя от солнечного жара. Но этот жар необходим, этот жар — жизнь.

О том, что разрушительно для тебя, общество говорило, что это не разрушительно; и не только не разрушительно, но и представляет собой приют, защиту, безопасность. Эта идея глубоко укоренилась в тебе. Поэтому, Сурабхи, ты чувствуешь, что страдание безопасно. Это чувствует каждый. Вот почему каждый выбирает быть несчастным; это твой выбор. Каждый выбирает ад. Это твоя ответственность. Если вся земля живет в аду, за это не ответственен никто другой. Это наше решение — преднамеренное решение жить в аду, чтобы эго могло сохраниться.

Эго может сохраниться, когда вокруг темно и мрачно, когда на горизонте нет солнца. Когда на горизонте поднимается солнце, эго начинает исчезать, как темнота. Конечно, если ты отождествляешься с темнотой, рассвет несет угрозу. Но если ты пересташь отождествляться с эго, ты сможешь приветствовать солнце, и оно больше не пугает. Это волнение, приключение, это новая жизнь, новое рождение, это воскресение.

Эго это могила. Чтобы выйти из эго, тебе придется выйти из могилы. Не думай, что могила безопасна. Она кажется безопасной, потому что ты никогда не решалась выйти наружу. Ты никогда не искала приключений. Ты не узнала вкуса опасности, неопределенности. Однажды испытай вкус опасности и неопределенности, ты никогда больше не вернешься в могилу. Лучше жить одно мгновение, но жить тотально, чем тысячу лет лежать в могиле.

Это не жизнь, это способ избежать жизни. Выйди из своего страдания, Сурабхи, выйди из своего эго, выйди из своей могилы и прими опасное счастье. Прими опасность восхождения к высотам, потому что те, кто идет к высотам, могут упасть — они рискуют.

Рискни всем, потому что жизнь лишь для игроков, которые могут рискнуть всем. Но рискуя всем, ты становишься возлюбленной существования, божественного. Рискуя всем, ты становишься достойной, ты становишься душой. Без риска в тебе нет души, ты просто пуста, внутри ничего нет. Без риска в твоей жизни нет никакой значительности, никакой поэзии, никакой песни, никакого танца, никакого экстаза. Нет вообще никакого празднования.

Празднуй, танцуй, и пусть радость наполнит твое сердце, пусть оно переполнится. А если эго умрет, пусть умирает. Помоги ему умереть, потому что это не ты. Ты — нечто трансцендентное к телу, уму, эго и всему остальному. Ты — часть божественного, часть вечности.

Не волнуйся, ты не можешь умереть. Ты не можешь умереть, даже если хочешь — ты вечна. Поэтому, фактически, никакого страха нет, не нужно бояться. Смерть невозможна, умереть может только эго. Поэтому, если ты остаешься отождествленной с эго, остается и страх. Как только эго отброшено, смерть исчезает, исчезает страх, исчезает тревога, исчезает тоска; тогда энергия, которая была вовлечена в страх, тревогу, тоску, высвобождается.

Эта же энергия становится твоим танцем, твоим празднованием.

Второй вопрос:

*Возлюбленный Мастер,
Что значит любовь?*

Прем Джьоти,

Для всех любовь имеет разные значения. Для писателей любовь это слова. Для художников любовь это цвет. Для комиков любовь это смех. Для ребенка это мать. Для пчел это нектар. Для цветов это свет солнца. Для коров это много быков.

Что будет значить любовь, зависит от тебя. Любовь это лестница со множеством пролетов. На самом нижнем уровне находится физиология, биология, химия. Это не что иное, как игра гормонов. Мужчину привлекает женщина, женщину привлекает мужчина. Они думают, что влюбляются, но если бы гормоны могли смеяться, они смеялись бы у вас внутри — вы одурачены. То, что вы называете любовью, это не что иное как взаимное притяжение женских и мужских гормонов. Это чистая химия; в самой нижней точке это не может быть ничем большим. Это животное, это похоть.

И миллионы людей знают любовь лишь в ее самой нижней точке. Из-за этих людей возникла великая традиция отречения от любви. Люди, которые думают, что похоть это любовь, создали великие религии, в которых от любви нужно отречься. Все они неправы, потому что все они приняли самую нижнюю точку, как будто это все. Это не так.

Если ты пойдешь немного выше, любовь человека к музыке это не химия, это не гормоны, это не физиология; это психология. Любовь человека к цветам нельзя низвести до сексуальности. Любовь человека к живописи... были художники, которые лишь ради того, чтобы писать картины, принесли в жертву всю свою жизнь.

Винсент Ван Гог, один из величайших художников, полностью пожертвовал своей жизнью, чтобы писать картины: живопись была гораздо важнее самой жизни. Из-за живописи он не мог работать; он постоянно писал, и у него не было времени работать. Его брат давал ему ровно столько денег, чтобы прожить, потому что никто не был заинтересован в том, чтобы он был художником. К тому же, он был странным художником, великим гением. Когда приходит гений, на то, чтобы его узнать, нужны сотни лет. Он не был традиционным художником. Он приносил в живопись нечто новое, новое видение.

Поэтому никто не мог оценить его работы, и они не продавались. Поразительно, но ни одной картины Ван Гога не было продано при его жизни; теперь каждая из его картин стоит миллионы долларов. Лишь немногие полотна уцелели, самое большее, двести — он написал тысячи. Все потеряно, потому что никто не позаботился о том, чтобы их сохранить.

Он отдавал свои картины друзьям даром, потому что никто не интересовался его работами; и мало того, никто не был даже достаточно храбр, чтобы повесить его картины в гостиной, потому что люди смеялись над ними. Его подход к жизни и природе был так нов. Его брат каждую неделю давал ему ровно столько денег, сколько нужно было, чтобы прожить. Он ел только три дня в неделю; остальные четыре дня он сохранял деньги, чтобы писать. Сколько можно жить таким образом?

Когда ему было тридцать семь лет, только тридцать семь, он покончил с собой. И записка, которую он оставил, полна безмерной важности. Он написал: «Я совершаю самоубийство не потому, что я против кого-то — у меня нет ни на кого жалоб, нет жалоб на жизнь, — моя жизнь полностью состоялась. Я совершаю самоубийство, потому что я написал все, что хотел написать; теперь жить не имеет смысла. Я сделал то, зачем пришел; моя работа окончена».

Он хотел написать солнце во всех возможных видах. Целый год он постоянно писал солнце. Он постоянно стоял под открытым небом, на солнце, с пустым желудком — голодный, горячее солнце... и он постоянно писал, потому что оставалось мало времени. Солнце сводило его с ума, это было слишком. И затем он совершил самоубийство, потому что он написал солнце от рассвета до заката, во всех его лицах, во всех красках, со всеми возможными облаками. Он сделал свою работу. Он умер удовлетворенным.

Эта любовь к живописи, эта любовь к искусству есть нечто высшее — она выше биологии, выше химии, выше физиологии. Это не похоть, это нельзя назвать похотью. Она так же страстна, как похоть, или даже более, потому что очень редкие люди умирают за женщину, очень редкие люди умирают

за мужчину. Но этот человек умер за свои картины. Это не физиология; это гораздо лучше.

Но есть и еще высшее состояние: духовная любовь, любовь Будды, любовь Иисуса, любовь Кришны. Она совершенно иная. Она даже не эстетическая, не психологическая; она духовная. Теперь в этой любви есть выражение сострадания — страсть превратилась в сострадание. Будда любит все существование, потому что у него есть слишком многое, и он должен поделиться этим. Он обременен любовью, которая высвободилась в нем; его любовь должна быть разделена с деревьями, птицами, людьми, животными, со всем, что приближается к нему.

В самой нижней точке, когда любовь это похоть, что-то физиологическое, это эксплуатация другого, использование другого как средства. Вскоре она кончается. Используя мужчину или женщину, ты теряешь интерес; этот интерес был лишь на мгновение. В то мгновение, когда в женщине все известно, все кончается. Ты использовал другое человеческое существо как средство — это уродливо, это неморально. Использовать другое человеческое существо как средство это самое неморальное действие в существовании, потому что каждое человеческое существо само по себе является целью.

Психологическая любовь знает, как жертвовать. Искусство, поэзия, живопись, музыка, танец становится целью, это больше не средство. Средством становишься *ты*. Биологическая любовь принижает другого до средства; психологическая любовь возвышает другого до цели.

Но в духовном мире нет вопроса о цели и средстве, нет вопроса о другом; двоих нет. Будда любит существование, потому что Будда стал самим существованием. Нет вопроса о «я» и «ты»; это не диалог. В точке предельного сознания любовь это больше не диалог; нет отношений *я/ты*, нет отношений. Это чистое переполнение любовью.

Прем Джьоти, это значение твоего имени: *прем* значит любовь, *джьоти* значит пламя. Будда это пламя любви, лишь чистое пламя без дыма. Дым происходит от похоти. Когда похоти нет, когда ты ничего не хочешь получить от своей

любви, когда ты просто хочешь отдавать, когда ты чувствуешь признательность, потому что другие принимают твою любовь, это пламя без дыма. Оно чисто, чистое золото.

Ты знаешь? — любовь поднимается вверх, в точности как вверх поднимается пламя. Пламя никогда не опускается вниз. Похоть как вода, всегда текущая вниз; любовь как пламя, огонь, всегда поднимающийся вверх. И между ними двумя психологическое явление: в нем есть нечто от похоти, страсти, и нечто от сострадания. Оно посередине. В нем есть некоторые качества низшего и некоторые качества высшего.

Поэтому, когда поэт в поэтическом настроении, он почти как мистик, но это зависит только от настроения. Когда он не в таком настроении, он обычен, и может быть, даже более обычен, чем обычные люди. Возможно, ты замечал: когда музыкант тонет в музыке, он поднимается к таким высотам, таким невообразимым высотам, что ты чувствуешь присутствие великой тайны. И того же самого музыканта ты видишь в какой-нибудь гостинице, когда он пьет чай и говорит чепуху. Он выглядит обычным; ты не можешь поверить, что он создавал такую красивую музыку, такую небесную музыку!

Если ты читаешь поэзию, поэт кажется пророком, как Халиль Джигран. Когда ты читаешь «Пророка», он сам почти как пророк, но если ты встретишь Халиля Джиграна и увидишь его в его обычных настроениях, ты удивишься: это очень злой человек, ревнивый, вздорный. С ним случаются инфантильные вспышки гнева, когда он все крушит и швыряет, он большой собственник. Если ты встретишь Халиля Джиграна, ты удивишься... как он мог написать такую книгу как «Пророк»? — потому что эта книга достигает тех же высот, что и Библия, что и Коран.

Но этот человек не живет на этих высотах; лишь изредка облака рассеиваются, и поэт может видеть солнце, океан, открытое небо, и он может дать тебе его проблеск в своей поэзии, в своей музыке. Но вскоре облака набегают снова, и солнца больше нет... и поэт так же обычен, как и ты, и даже более обычен, потому что если ты падаешь с высоты, ты падаешь глубоко — чтобы поддержать равновесие.

Поэтому ты можешь увидеть поэта пьяным, лежащим на обочине как собака, выкрикивающим вздор, и тот же самый поэт приносит из неизвестного такие красивые стихи. Посредине соединены оба качества; это смешанное явление. Поднимись из низшего, но не останавливайся посредине. Продолжай подниматься к высшему.

Когда я говорю о любви, я всегда имею в виду высшее, но с одним лишь отличием: когда другие говорят о высшем, они отвергают низшее; я не отвергаю, я принимаю его. Я хочу использовать его как ступеньку. Низшее должно быть очищено высшим. Низшее должно быть трансформируемо высшим, не отрицаемо, не отвергаемо. Если ты отвергнешь его, оно сохранилось. Если ты отвергаешь его, если ты подавляешь его, оно отомстит. Оно сделает тебя уродливее, чем ты когда-либо была раньше.

Сестра провела женщину с ребенком, стоящую в набитой битком комнате ожидания в Доме заботы о детях, в кабинете врача.

Доктор осмотрел ребенка и спросил женщину:

— Его кормили грудью или из бутылки?

— Грудью, — ответила она.

— Разденьтесь до пояса, — велел он. Он надавил на каждую грудь, увеличивая и уменьшая давление, сжал и потянул каждый сосок. Внезапно он заметил:

— Неудивительно, что этот ребенок страдает истощением — у вас совсем нет молока.

— Естественно, — сказала она. — Я его тетя. Но я рада, что пришла.

Если ты продолжаешь подавлять, на поверхности ты можешь выглядеть как святой, но лишь на поверхности. Лучше быть грешником на поверхности и святым в центре, чем наоборот.

Старая дева шла по тускло освещенной улице, и вдруг из кустов выскочил прятавшийся там человек.

— Давайте деньги! — потребовал он.

— У меня нет никаких денег, — переводя дух, ответила она. Он тщательно обыскал ее. Был исследован каждый возможный тайник.

— Думаю, вы сказали правду, — в конце концов пробормотал он в раздражении. — У вас нет с собой никаких денег.

— Ради бога, — взмолилась она, — теперь не останавливайтесь! Я выпишу вам чек!

Я не за то, чтобы подавлять низшее. Низшее должно быть поднято к высотам, низшему нужно дать крылья. С прозрением, с пониманием это возможно. Если ты отрицаешь низшее, ты никогда не сможешь достичь высшего, потому что нижний пролет лестницы это необходимый шаг. Да, иди за его пределы, но ты можешь идти за пределы, лишь если не отвергаешь его. Используй его, но помни, не становись одержимой им. Эти две вещи нужно помнить: первое, не становиться одержимой этим, не останавливаться на этом, и второе: не отвергать и не отрицать его, но сделать трамплином.

Будь искусна. Будда использует слово *упайа* — искусство. И когда он говорит «упайа», он имеет в виду искусство трансформировать свою жизнь. Это лишь потенциал, семя, но оно может стать огромным деревом, и в свое время оно расцветет. Когда расцветает дерево, когда на трех ветвях возникают тысячи цветов, в существе дерева великая радость, великий экстаз.

Ты тоже семя — стань деревом. Семя может быть уродливым — и семена уродливы почти всегда; корни могут быть уродливы, но помни, именно на корнях должно расти дерево. Нужно использовать корни; без корней не будет цветения.

Без физиологического влечения не будет психологического роста. А без психологических любовных романов с искусством, музыкой, скульптурой нет возможности духовной любви. Быть поэтом, художником, танцором, музыкантом это необходимый шаг к тому, чтобы стать буддой.

Третий вопрос:

Возлюбленный Мастер,
Что такое татхата — тотальное принятие?

Дхармеш,
Татхата это один из самых значительных вкладов Будды. Татхата значит тотальное принятие: какой бы ни была ситуация, не борись с ней. Прими ее всем сердцем, потому что именно в тотальном принятии происходит трансценденция. Если ты борешься с этим, ты без необходимости расходуешь свою энергию. Принимая, ты сохраняешь энергию. Принимая, ты становишься способным понять это, потому что понимает лишь тот, кто принимает; тот, кто отвергает, не может понять.

Все, что ты отвергаешь, все, к чему ты становишься враждебным, ты не способен понять — потому что мы избегаем того, что отвергаем. Мы действительно его боимся и держим его позади, чтобы можно было от него бежать; мы можем найти способы от него бежать. Если ты пытаешься от чего-то бежать, как ты можешь это понять? А без понимания не бывает освобождения, не бывает трансформации.

Будда говорит «татхата» — прими это тотально. Какой бы ни была ситуация, прими без отрицания, без осуждения, и в этом принятии случается многое, открываются многие двери. Первое: сохраняется твоя энергия, а это великое благословение. Борясь, ты рассеиваешь свою энергию, она протекает, и ты остаешься обессиленным. А чтобы взлететь высоко, тебе нужна огромная энергия, огромная жизненная сила. Если ты хочешь дотянуться до солнца, путешествие будет долгим и тяжким. Ты не можешь идти к солнцу, ты не можешь так высоко взлететь без всякой энергии.

Человек, который борется с сексом, гневом, жадностью, ревностью, чувством собственности, — есть тысяча и одна вещь, с которой можно бороться — запутывается в этой борьбе; он не может никуда идти. Его постоянно отвлекают и беспокоят эти вещи. Он борется с одним, подавляет одно, и в голове возникает что-то другое — потому что он один, а вра-

гов много. Ты борешься с гневом и становишься жадным. Вся энергия, подавленная как гнев, становится жадностью. Ты борешься с жадностью и становишься помешанным на сексе. Ты борешься с сексом и становишься очень злым. Ты подавляешь одно, и с черного хода появляется то же самое с другим лицом, в другой маске. Ты сойдешь с ума.

Вот как сошло с ума все человечество. Это безумие так распространено, что никто не считает, что люди сумасшедшие. Каждый сумасшедший! Очень редко встречается нормальный человек. Чтобы быть нормальным в ненормальном обществе, требуется действительно великая работа понимания, смелости, бунта.

Если ты отбросишь всю обусловленность, которую навязало тебе общество, лишь тогда ты сможешь остаться нормальным. В противном случае общество делает сумасшедшим каждого. Общество обрабатывает каждого в соответствии со своей формой, шаблоном, образцом, структурой. Оно дает тебе идеи, идеологии, религии. Оно отравляет тебя с самого начала; отравление начинается, когда ты еще в утробе матери.

Сейчас ищут способы обуславливания ребенка, когда он еще в утробе матери. Да, чтобы обусловить ребенка, можно принять определенные меры. Например, пытались использовать тугой пояс определенного типа на животе матери; этот пояс устроен таким образом, что ребенок туго сжат. Было установлено, что такие дети очень послушны; когда они рождаются, они более послушны, чем другие дети, потому что девять месяцев они жили в тесном углу, в тюрьме.

В Советской России этот пояс используют многие женщины. Не успел бедный ребенок родиться, как он уже обусловлен, подготовлен к определенному обществу. Он будет послушным. Материнского живота достигает определенная музыка. Мягкая музыка, которая убаюкивает ребенка, помогает создать раба. Есть многие наркотики, которые могут опьянить ребенка даже еще до рождения — он рождается пьяным. Он проживет всю жизнь в своего рода бессознательности; именно этого хочет общество. Сознательные люди оказались

опасными: такие люди как Иисус, Будда, Заратустра оказались опасными.

История говорит, что первое, что сделал Заратустра, когда родился, это громко рассмеялся. Можно ли представить себе более мятежного ребенка? Детям не полагается смеяться, когда они рождаются; им полагается плакать, а не смеяться. Должно быть, он шокировал родителей, соседей и людей, которые слышали его смех. Почему он смеялся? Этот человек ненадежен, совершенно ненадежен — это опасный человек! Он совершил свой первый акт бунта. Он уже объявил: «Я не буду частью толпы — с меня довольно! Многие дети плакали, а я не следую за ними. Я начинаю свою жизнь смехом».

Вопрос не в том, было ли так на самом деле. Фактически, трудно рассмеяться, когда ты только что родился, но эта история значительна, потому что она кое-что говорит о жизненной философии Заратустры: философии великого бунта.

Заратустра один из величайших учителей мира — он принял жизнь во всей ее полноте. Он не отшельник, он против отречения. Именно поэтому немногим сохранившимся последователям Заратустры пришлось бежать из своей изначальной родины, Персии. Им пришлось покинуть ее, потому что мусульмане обращали их силой; они превратили Персию в мусульманскую страну. Теперь она известна как Иран.

Люди, которые не были готовы принять это принуждение и насилие, бежали. Они пришли в Индию; они живут в Бомбее и его окрестностях — это парсы. Они единственные последователи Заратустры; они очень жизнелюбивые люди. Поэтому многие парсы заинтересовались мной; я очень привлекателен для них, потому что я тоже утверждаю жизнь. Я не за бегство.

Именно за это тотальное утверждение жизни Фридрих Ницше так любил его и написал свою великую книгу, «Так говорил Заратустра». Он написал эту книгу, признавая жизнь и любовь к жизни. Он не мог найти никакого другого мастера, который бы настолько утверждал жизнь, как Заратустра; человек, который начинает свою жизнь смехом, вся жизнь которого — смех. В нем нет пессимизма, ни тени пессимизма.

Вот в точности значение татхаты — принимать всю жизнь такой, как она есть. В этом принятии ты будешь сохранять

свою энергию; если ты принимаешь, источники твоей энергии неисчерпаемы.

Второе: когда ты принимаешь все, жизнь становится веселой. Никто не может сделать тебя несчастным, ничто не может сделать тебя несчастным.

Человек, у которого на лысой голове было только три волоса, пришел в парикмахерскую и попросил вымыть и кондиционировать волосы. Парикмахер взялся за дело, но когда он почти закончил, один из волос выпал.

Парикмахер был очень смущен, но человек сказал только:

— Что поделаешь? Наверное, теперь мне нужно причесываться на прямой пробор!

Парикмахер со всей возможной осторожностью причесал один волосок налево и уже собирался причесать второй направо, когда и тот выпал. Он рассыпался в извинениях, но человек сохранил спокойствие.

— Ладно, — сказал он, — видимо, придется ходить лохматым.

Это татхата, это тотальное принятие! Нельзя потревожить такого человека. Он всегда удовлетворен, он всегда находит способ быть удовлетворенным. Это великое искусство. Человек, который всегда удовлетворен, который всегда находит путь быть удовлетворенным, обладает способностью видеть прозрачность вещей.

Неудовлетворенность затуманивает твои глаза и твое видение; удовлетворенность проясняет глаза и делает видение четким. Ты видишь все насквозь, ты понимаешь вещи, как они есть.

Татхата также переводится как «таковость»; это тоже одно из значений. Ты видишь вещи, как они есть, как таковые; ты не навязываешь им никаких собственных идей.

И это чудо, это волшебный ключ. Если ты сможешь увидеть гнев, как он есть, ты будешь удивлен: видя гнев без всякого суждения, без осуждения, не говоря, хорош он или плох, должен ли он быть или не должен, не принося никаких «должен»... если ты сможешь увидеть гнев, как он есть, без

всяких предрассудков в его пользу или против него, случится чудо: гнев исчезает, и его энергия поглощается тобой. Одним только чистым прозрением ты трансформируешь гнев, жадность, ревность. Все то, продолжает тянуть тебя туда-сюда, заставляет тебя метаться, никогда не позволяет тебе успокоиться и отдохнуть, впитано; у тебя появляется больше энергии.

И мало-помалу, когда не остается гнева, — ты не отверг его, но впитал, переварил — нет ни жадности, ни ревности, ни чувства собственности, ни сексуальности... ты переварил в себе все эти явления. Ты становишься больше и больше, и вся энергия доступна, чтобы подняться выше; у тебя достаточно горячего, чтобы твой огонь пылал ярко и бездымно.

Дхармеш, татхата это метод превратить твои энергии в твоих друзей. Обычно тебя учат таким глупостям, что твои энергии становятся тебе врагами, и ты постоянно борешься с самим собой. Может ли быть большая глупость? Это самое глупое в мире действие, но люди продолжают делать это — бороться с самими собой. Ты не можешь победить, не можешь потерпеть поражение. Ты останешься в постоянной ссоре с собой и разрушишь себя, проведя всю жизнь в ссоре. Ты умрешь и никогда не узнаешь, что такое жизнь. Ты никогда не узнаешь славу жизни, великолепие жизни и поразительный дар, которым была эта жизнь, и она могла бы быть им для тебя, если бы ты жил с правильным вниманием, с татхатой, с принятием.

Четвертый вопрос:

*Возлюбленный Мастер,
Я хочу выбросить этот уродливый ум из своей системы. Как это сделать?*

Нарайано,
Ничего не нужно выбрасывать из своей системы; все должно быть трансформировано и поглощено. Ум не урод-

лив; уродливо то, как ты его *используешь*. Измени его применение. Ум не уродлив — ты бессознателен. Колесница прекрасна, эта золотая колесница, но возница пьян и крепко спит; он называет колесницу разными словами, осуждает колесницу. Когда он оказывается в рытвине, он бьет лошадей, осуждает колесницу, осуждает того, кто сделал колесницу, и ему никогда не приходит в голову, что колесница не виновата, не виноваты лошади, не виноват каретный мастер. Винават он сам — он был пьян, он крепко спал. Если колесница свалилась в рытвину, это естественно, и вся ответственность целиком лежит на тебе.

Дело не в том, чтобы разрушить ум или выбросить его. Ум это прекрасный механизм, самый красивый механизм в существовании, но ты стал слугой ума. Ты хозяин, и этот хозяин действует как раб; ум это слуга, а ты сделал слугу хозяином.

Я слышал древнюю историю:

Король был очень доволен одним из своих слуг. Он был так предан, полностью предан королю; он всегда был готов отдать за короля свою жизнь. Король был очень доволен; много раз он спасал короля, рискуя собственной жизнью. Он был королевским телохранителем.

Однажды король почувствовал большую благодарность к этому человеку и сказал:

— Если ты чего-нибудь хочешь, если у тебя есть какое-нибудь желание, только скажи, и я исполню его. Ты столько сделал для меня, что я в вечном долгу перед тобой, я не могу достаточно отблагодарить тебя, но сегодня я хотел бы исполнить любое твоё желание, что бы то ни было.

— Ты и так дал мне слишком много, — ответил слуга. — Я так счастлив просто оттого, что я с тобой — мне больше ничего не нужно.

Но король настаивал. Чем больше слуга говорил, что ему ничего не нужно, тем больше настаивал король. В конце концов слуга сказал:

— Ладно. Сделай меня на двадцать четыре часа королем, а сам будь телохранителем.

Королю было немного не по себе, но он был человеком слова и должен был исполнить желание. На двадцать четыре часа он стал телохранителем, а телохранитель стал королем. И знаете, что сделал телохранитель? Первым его приказом было убить, казнить короля!

— Что ты делаешь? — сказал король.

— Молчи! — сказал слуга. — Ты просто телохранитель и никто больше. Это мое желание, а я король!

Король был убит, и телохранитель остался королем навсегда.

У слуг есть коварные способы становиться хозяевами.

Ум это один из самых красивых, самых сложных, самых развитых механизмов. Он хорошо служил тебе, он хорошо тебе служит. Из-за его старых заслуг ты повторил эту историю в своей жизни, каждый повторяет эту историю: вы делаете ум хозяином, и теперь этот хозяин обращается с вами как со слугами.

В этом проблема, а не в том, чтобы выбросить ум. Если ты выбросишь ум, ты сойдешь с ума. Без ума у тебя может быть лишь одна профессия: политика!

Я слышал:

Одному политику делали операцию на мозг. Мозг вынули для процедур, и он лежал на операционном столе в ожидании.

Внезапно вбежал человек со словами:

— Что ты тут делаешь? Тебя выбрали премьер-министром страны!

Он вскочил.

— Что ты делаешь? — закричал хирург. — Твой мозг остался здесь!

— Зачем мне теперь мозг? — сказал этот человек. — Я уже премьер-министр, мне он не нужен. Можешь оставить его себе. Когда он мне понадобится, я зайду.

Если ты стал премьер-министром, мозг тебе больше не нужен.

Я слышал еще одну историю:

Один человек — должно быть, действие происходит в будущем — пришел в больницу, потому что его мозг был поврежден в автомобильной катастрофе и он хотел новый. Он попросил хирурга показать ему все имеющиеся мозги.

Хирург подвел его к витрине: там было много мозгов.

Первый мозг принадлежал профессору математики; он стоил пятьдесят долларов. Он был удивлен: известный математик, Нобелевский лауреат, и всего пятьдесят долларов! Мозг музыканта стоил всего тридцать долларов. Мозг бизнесмена стоил двадцать долларов. И так далее, и тому подобное.

В конце концов они подошли к мозгу политика — он стоил пять тысяч долларов! Человек был озадачен:

— Почему он стоит так дорого?

— Потому что им никогда не пользовались. Все остальные мозги бывшие в употреблении, а этот — совершенно новый!

Нарайано, если ты выбросишь мозг, тебе придется идти в политику, вот и все. Тогда ты не сможешь быть саньясином: саньясину нужно больше разума, чем кому-либо другому. Поэтому, пожалуйста, не спрашивай, как это сделать. И делай этого сам — потому что некоторые люди это делают, и исправить это очень тяжело.

У Уильяма была ужасная проблема с женой, Лайзой. Каждый вечер, прежде чем лечь спать, она останавливалась в дверях спальни, разбегалась и с размаху прыгала в кровать. Его так расстраивала эта ее привычка, что он решил что-то предпринять. Поэтому однажды ночью, когда она уснула, он встал, вынул из холодильника большой кусок свиной печени и положил его на полу перед кроватью.

На следующее утро он встал и воскликнул:

— Боже мой, Лайза, посмотри, что случилось — у тебя выпала матка! Я же говорил, прекрати эти прыжки!

Лайза была потрясена.

Придя с работы, он сказал:

— Теперь, Лайза, ты видишь, что бывает от таких дурных привычек.

— О, теперь все в порядке, — ответила она. — Но видел бы ты, как трудно было снова запихнуть ее обратно!

Поэтому, Нарайано, пожалуйста, не делай этого! Ум легко выбросить, но очень трудно снова запихнуть обратно. Тебе понадобится весь ум, который у тебя есть. Просто будь его хозяином. Используй его и не позволяй ему использовать тебя.

И в этом заключается вся медитация: искусство двигаться из ума, подниматься над умом, быть трансцендентальным к уму, знать: «Я не ум». Это не значит, что ты должен выбросить ум. Знание, что ты не ум, снова делает тебя хозяином. Ты можешь использовать ум. Прямо сейчас ум не у тебя в руках. Ты не хороший возница.

Только вчера Будда говорил в своих сутрах о хорошем вознице. Он говорит: Другие лишь держат в руках вожжи, а колесница едет, куда хочет, лошади бегут, куда хотят. Ты только держишь вожжи, но на самом деле ни на что не влияешь.

Будь хорошим возницей. Первый шаг к этому в том, чтобы знать, что ты не ум. Если ты ум, ты не можешь быть хозяином, потому что между тобой и умом нет разделения, нет дистанции. Создай некоторую дистанцию. Наблюдай ум, наблюдай, как он работает, и создай дистанцию. Наблюдение автоматически создает дистанцию. Поэтому Будда снова и снова наставляет: наблюдай, наблюдай днем и ночью. Мало-помалу ты увидишь, что ты сознание, а ум это только доступный тебе инструмент. Тогда ты можешь использовать его, когда нужно, а когда не нужно, отключить. Прямо сейчас ты не знаешь, как его отключить; он всегда включен.

Он как радио у тебя в комнате, которое всегда работает, и ты не знаешь, как его отключить; тебе приходится спать под его крики, всевозможные рекламы, песни, которые ты тысячи раз слышал, и ты не можешь его отключить. Весь день ты усталый, и много раз тебе хочется избавиться от радио, но ты не можешь, потому что не знаешь, как его отключить. Это все равно, что спать с включенным светом, потому что ты не знаешь, где выключатель.

Фрейд вспоминает, что когда в Вене впервые появилось электричество, к нему пришел друг, сельский житель. Фрейд позаботился о нем, отвел его в спальню и оставил, пожелав спокойной ночи.

Деревенский житель был очень озадачен электричеством, электрической лампой. Он знал, как погасить светильник, как задуть свечу, но что делать с электрической лампой?

Он попробовал все что умел; он становился на стул и долго дул, но ничего не происходило. Он осмотрел ее со всех сторон; не было ни малейшей щели, совсем ничего. Как он мог себе представить, что выключатель где-то на стене? Представить это было невозможно, ведь он никогда не видел электричества. Но он не захотел пойти и спросить Фрейда или кого-то еще, потому что боялся, что его сочтут дураком... «Ты не можешь даже погасить свет — что ты за человек?»

Поэтому, чувствуя большое смущение, он попытался уснуть с включенным светом, но не смог. Много раз он становился на стул и снова пытался. Это продолжалось всю ночь; сна не было из-за света — слишком много света, слишком яркий свет, он никогда не видел такого яркого света. Он знал только одну свечу, а лампа, наверное, была в сто свечей или больше. К утру он смертельно устал.

Фрейд сказал ему:

— Ты выглядишь усталым. Как тебе спалось?

— Нет смысла это скрывать, — ответил тот, — потому что мне предстоит пробыть здесь еще три дня. Эта лампа убьет меня! Даже когда я смотрю на нее, меня пробирает дрожь. Как ее выключить?

— Но это глупо! — сказал Фрейд. — Почему ты не спросил меня?

— Я очень стеснялся, потому что глупо спрашивать о таких простых вещах!

Фрейд подвел его к стене и показал ему выключатель. Он попробовал включить и выключить свет и рассмеялся.

— Так просто, а я всю ночь пытался и не мог его найти!

Он мог провести всю жизнь в этих попытках и так и не связать свет с выключателем.

Вот что происходит с тобой; твой ум постоянно включен. Говорят, что ум это такой поразительный механизм, который начинает работать, когда ты рождаешься, и продолжает работать до того момента, когда ты выходишь перед выступить аудиторией — тогда внезапно он останавливается, с ним что-то случается. В противном случае он продолжает работать, пока ты не умрешь. Очень немногим людям приходится выступать перед аудиторией, поэтому ум беспрепятственно продолжает работать и доводит тебя до крайней усталости, истощения, изнурения, скуки. Он продолжает снова и снова говорить одно и то же. Почему людям так скучно?

Жизнь не скучна, помни. Жизнь это всегда поразительная тайна, всегда неожиданность, она всегда нова, она постоянно обновляет себя. Появляются новые листья, старые опадают; появляются новые цветы, старые увядают. Но ты не можешь увидеть жизнь, потому что на тебя постоянно наводит скуку твой ум. Он продолжает говорить вещи, которые говорил уже тысячу раз. Ты выглядишь таким усталым по той простой причине, что ты не знаешь, как его отключить.

Ум не нужно выбрасывать, Нарайано. Ум нужно поставить на место: это прекрасный слуга, но уродливый хозяин. Возьми вожжи в свои руки, будь хозяином. И вот первое действие, первый шаг: стань не привязанным к уму. Увидь, что это не ты, создай дистанцию; чем больше дистанция, тем больше твоя способность его отключать.

Ты столкнешься еще с одним чудом: когда ты отключаешь ум, ум остается более свежим и более разумным, потому что иначе он тоже устает. Только подумай: он начинает работать в тот день, когда ты рождаешься, и прекращает, лишь когда ты умираешь. И никто не знает, может быть, он работает, даже когда ты в могиле, потому что некоторые вещи продолжают происходить. Ногти продолжают расти даже в могиле, волосы продолжают расти, некоторая часть механизма продолжает работать. Даже у мертвого тела продолжают расти ногти и волосы, что-то продолжает работать, возможно, какой-то локальный механизм, не сам ум, но и у тела есть небольшие локальные умы, который поддерживают большой

ум — агенты большого ума. Может быть, они еще не знают, что большой парень умер, и пытаются продолжать все по-старому. Они больше ничего не знают, и поэтому продолжают старую работу. Волосы продолжают расти, ногти продолжают расти — просто небольшие локальные умы, мини-умы.

Ум нужно поставить на правильное место, и когда он тебе нужен, использовать его точно так же, как ты используешь ноги, когда они тебе нужны. Когда ноги не нужны, ты их не используешь. Если, сидя в кресле, ты будешь продолжать перебирать ногами, люди подумают, что ты сумасшедший. Вот что в точности происходит у тебя в уме, и все же ты думаешь, что ты не сумасшедший.

Медитативная осознанность знает ключ. Когда она хочет выключить ум, она просто говорит: «А теперь заткнись!», вот и все. И ум просто молчит, у внутри царит великая тишина. В эти мгновения может отдохнуть и ум, иначе устают все.

Я слышал:

Человек приносит к механику свой компьютер и говорит:

— Что с ним случилось? Последнее время он плохо работает.

Эксперт заглядывает вовнутрь и говорит:

— Усталость металла.

Точно так же и ты приходишь к психиатру, и он говорит:

— Ментальная усталость.

«Метальная» усталость — металлический случай¹.

Все устает, все изнашивается — даже металлы устают. А твой ум состоит из очень тонких тканей, таких тонких, что тоньше ничего нет во всем существовании. В твоем маленьком черепе жизнедействуют миллионы маленьких клеток; они такие тонкие, что волосы в сравнении с нервными окончаниями мозга очень толстые, в миллион раз толще. Такое деликатное устройство, но мы не знаем, как с ним обращаться. Ему необходим отдых.

Поэтому медитативный человек становится более разумным, более здоровым. Что бы он ни делал, в этом есть искуст-

¹ англ. case : корпус; случай

во. Все, чего он касается, превращается в золото. С медитацией это благословение, без медитации это проклятье.

Прибавь к своему существу медитацию, и проклятье исчезнет, само проклятье станет благословением; это замаскированное благословение. Ты еще не научился искусству использовать его и быть хозяином. Вопрос не в том, чтобы выбросить ум; это не поможет. Это только сделает тебя еще более полым и бесполезным. Если выбросить ум, мозг, ты будешь просто капустой — или, если тебе больше нравится, цветной капустой. Говорят, между капустой и цветной капустой нет большой разницы — цветная капуста это капуста с университетским образованием. Ты можешь выбирать между капустой и цветной капустой, но человеком ты не будешь. Людей, которые действительно люди, очень мало. Человек тот тот, кто хозяин своего ума.

Английское слово «man», человек, происходит от санскритского корня, который значит «ум», *ман*. Смысл человека в том, что он хозяин своего ума. Если ты не хозяин своего ума, у тебя внутри нет человека, ты лишь действующий компьютер, машина без хозяина. Такова ситуация. Вот почему мир выглядит таким беспорядочным, таким безумным.

Пятый вопрос:

*Возлюбленный Мастер,
Почему здесь так много евреев?*

Хариш,
Еврей — очень разумный народ, один из самых разумных народов на земле. Им приходится быть разумными; иначе они не смогли бы выжить. И поскольку они разумны, они всегда ищут новые пастбища, новые миры, новые стили жизни, новые точки зрения, новые способы жизни и бытия. Это удивляет всех.

Евреев здесь почти пятьдесят процентов. Может быть, это единственное место в Индии, в котором столько евреев, по-

тому что в Индии нет никаких евреев, вообще нет. Но если все пойдет так, как сейчас, вскоре здесь образуется второй Израиль! А почему приезжают евреи? — Потому что они разумны, они готовы принять новое и отбросить старое.

Фактически, когда я вижу разумность евреев, мне кажется невероятным, что они убили Иисуса. Чем больше я вижу евреев, — а у меня тысячи еврейских саньясинов — тем более меня это озадачивает. Почему они не могли принять Иисуса? Возможно, на самом деле Иисуса убили не они, а римский император, римский империализм. Римляне всегда были жестокими; не проявили они и большого разума. Возможно, евреи были использованы как предлог, а Иисуса хотели убить римляне.

В те дни евреи не были независимым народом, они были частью Римской империи. Возможно, римляне использовали еврейских священников как прикрытие, потому что им не хотелось убивать Иисуса открыто — это могло вызвать в стране революцию, бунт. Простая дипломатия требовала использовать евреев, чтобы убить Иисуса; тогда не было бы никакого бунта, никакой революции, никаких проблем.

Фактически, на поверхности они изображали, что они не заинтересованы в том, чтобы убить Иисуса, но за кулисами они, должно быть, настояли на этом. Они показали общественности: «Мы абсолютно вне игры. Если евреи хотят его убить, они могут его убить; если они не хотят его убивать, мы согласны его простить». А негласно они, возможно, подстрекали евреев убить Иисуса. Это более вероятно, потому что евреи не настолько неразумный народ, чтобы разрушить свое собственное величайшее цветение.

Иисус был их величайшим цветением. Он был кульминацией иудейского подхода к жизни. Иисус родился евреем и умер евреем — он не был христианином, помни; он даже не слышал слова «христианин». Если он вернется, он найдет в себе больше созвучия с евреями, чем с христианами, потому что он прожил жизнь еврея. Он был хорошо знаком с еврейскими писаниями, он цитировал еврейские писания. Он снова и снова говорил: «Я говорю все то, что говорили древние пророки» — давая более современное выражение, конечно, он

не был против Моисея, Авраама, Езекииля. Он не был против старых пророков; он исполнял их пророчества, он был самым их исполнением.

Почему евреи должны были убить его? Очень вероятно, что это сделали римляне. Они боялись его растущей власти.

Политические силы всегда боялись всего, что становится в каком-нибудь смысле сильным. Хотя Иисус и не был заинтересован в политике, не был заинтересован в политической власти, его язык было очень легко неправильно истолковать. Он говорил о Царстве Божьем, но римляне подумали, что он говорит о создании царства евреев; он сам хочет стать императором. Они опасались его растущей популярности.

Очень многие обращались к нему, приходили к нему, слушали его, становились его учениками, посвященными. Конечно, теперь это было религией, но религия в любой момент может превратиться в политику. Поэтому политики всегда начеку и настороже.

Они ведут себя так же и со мной. Я не заинтересован в политике, меня совершенно не интересует эта глупая игра, но они очень боятся. А самый лучший способ меня убить это найти саньясина, Иуду, который бы сделал это; это было бы проще всего. Тогда не будет никаких проблем.

Если меня убивает саньясин, вся ответственность ложится на мои плечи или на плечи моих саньясинов. Этот саньясин может быть не настоящим саньясином, а просто детективом, шпионом, человеком из правительства, который принял саньясу, только чтобы меня убить. Это будет самым легким и дипломатичным путем.

Здесь множество шпионов: немецких, итальянских, индийских. Один индийский шпион принял саньясу. Я не только дал ему саньясу, я сказал:

— Стань частью ашрама. Зачем жить снаружи?

Он был немного озадачен! И мало того, я сказал ему:

— Поскольку ты юрист, практикующий адвокат... нам нужен отдел, юридический отдел; против меня в судах рассматривается двадцать пять дел, поэтому нам нужен собственный юридический отдел. Ты возглавишь его!

Я сделал его заведующим. Он сбежал через месяц, но стал больше и больше интересоваться мной, стал больше и больше интересоваться медитацией, а я дал ему доступ ко всему, ко всем делам, потому что он был заведующим юридического отдела. Я открыл ему доступ ко всему, поэтому если он хочет что-то доложить правительству, он может это сделать — мне нечего прятать! Мое доверие к этому бедному человеку стало для него таким тяжким грузом. Если бы я заподозрил его, он остался бы здесь; но поскольку я так глубоко доверял ему, он сбежал. Он сказал, что он вернется, но больше не приходил. Прошло почти восемь месяцев.

Он так испугался меня, что продал дом, в котором раньше жил. А сейчас я посылаю своих саньясинов в Патъялу, Пенджаб, чтобы узнать, что с ним случилось — он нам нужен! Он продал свой дом и сбежал и из Патъялы, не оставив там никому своего адреса. Но я его ищу! Я найду его, где бы он ни был. Теперь я попросил своих саньясинов в Дели отыскать его. Он нам нужен! Я никому не позволяю сбежать так легко.

Евреи разумные люди; поэтому они всегда первые в том, чтобы принять новые идеи, оригинальные идеи, новые видения, новые мечты.

Еврей и католик ехали в поезде в одном купе. Еврей вынул из чемодана яблоко и съел его полностью, с кожурой и косточками. Немного удивленный, католик спросил:

— Вы всегда едите с косточками?

— Конечно, — объяснил еврей. — Именно поэтому мы так разумны: мы достигаем этого, съедая серединку яблока. А вам повезло, потому что у меня осталось еще одно яблоко, которое я вам уступлю за пятьдесят долларов.

Католик принял предложение, решив про себя, что пятьдесят долларов за разум это хорошая сделка. Он купил яблоко и съел его целиком.

Некоторое время он сидел и смотрел в окно, а затем сказал:

— Мне пришлось в голову, что за пятьдесят долларов я мог бы купить вагон яблок.

— Видите, — сказал еврей, — оно уже начало действовать!

Евреи выжили только благодаря своему разуму. Они жили без своей страны, без родины. Они пережили все возможные мучения, все возможные концентрационные лагеря, газовые камеры; все же они выжили. Людей, которые стремились их уничтожить, больше нет. Куда делись нацисты? — спущены в унитаз. Людей, которые хотели абсолютно уничтожить, истребить евреев, больше нигде нет, но евреи есть.

Фактически, все эти пытки, газовые камеры, концентрационные лагеря, тюрьмы — все эти вещи дали им цельность, устойчивость. В них высвободился поразительный разум; он всегда высвобождается, когда тебе приходится сталкиваться с великими вызовами. Фактически, никакой другой нации не пришлось столкнуться с такими вызовами, как евреям.

Естественно, они всегда первыми в том, чтобы принять что-то новое, чтобы отбросить старое. Это признак разума.

Два еврея встречаются на улице.

— Как дела, Соломон? — говорит Ирвинг.

— Ужасно! — отвечает Соломон. — Какая катастрофа! Мой сын обращен в христианство!

— Странное дело, — говорит Ирвинг. — Мой сын тоже обращается в христианство! Давай пойдем в синагогу и помолимся.

По дороге Ирвинг и Соломон натываются на своего друга Мирона, который спрашивает, куда они бегут. Когда они объясняют Мирону, что их сыновья обращаются в христианство, Мирон говорит:

— Странное дело, мой сын тоже обращается в христианство. Я пойду с вами в синагогу и помолюсь.

По дороге Мирон, Ирв и Сол встречают своего друга Германа, рассказывают ему свою историю, и Герман говорит:

— Странное дело, мой сын тоже обращается в христианство! Пойдем помолимся.

Так повторяется еще несколько раз, и пока большая группа евреев не добирается до синагоги. Там они видят раввина, который сидит на ступеньках парадного входа, опустив голову на руки. Услышав их историю, раввин говорит:

— Странное дело, мой сын тоже обращается в христианство. Давайте все вместе помолимся.

Группа входит в синагогу, поднимает глаза к небесам, и раввин говорит:

— О Господи, пожалуйста, помоги нам. Все наши сыновья обращаются в христианство!

Внезапно раздается удар грома, по всему небу начинают сверкать молнии, и слышится низкий голос:

— Странное дело...

Последний вопрос:

*Возлюбленный Мастер,
Ты действительно нас поймал! Мы мечемся, как яйца без курицы! Это любовь — или медитация? О боже! Куд-куда! Куд-куда! Возлюбленный Мастер, что такое путь?*

*Прем Марти,
Теперь ты становишься настоящим саньясином — у тебя не все дома! В этом заключается вся саньяса.*

В медитационном центре Ошо в Цюрихе, Швейцария, прошел конкурс по изготовлению настенных часов. Было сделано много прекрасных часов.

Третий приз выиграли часы, из которых каждый час вылетала кукушка и кричала:

— Ошо! Ошо!

Второй приз завоевали часы, из которых каждые полчаса выскакивала кукушка, полностью одетая в оранжевое и с малой на шее, и кричала:

— Ошо! Ошо!

Первый приз присудили часам, из которых каждые пятнадцать минут выскакивал Ошо и кричал:

— Ку-ку! Ку-ку!

На сегодня достаточно.

Ошо

Дхаммапада

Книга выпущена по заказу
Московского медитационного
центра НИРВАНА

Главный редактор

Свами Випс Прайс

Перевод

Ма Прам Пуджа

Оригинал-макет и графика

Ма Прам Пуджа

Формат 60x88/16. Бумага офсетная.

Гарнитура «Times New Roman Cyt». Печать офсетная.

Усл. печ. л. 19. Уч. — изд. л. 19,0.

Тираж 2000 экз. Заказ № 4220

Цена договорная.

Лицензия № 062411 от 11.03.94.

Отпечатано с оригинал — макета
в Московской типографии "Наука"
Москва, 121099, Шубинский пер., д.6.

